

ЮЛИЯ КЛИМОВА

*В её сердце
акварель*

Annotation

Восемнадцатилетняя художница Олеся отправилась в деревенскую глушь, чтобы выполнить долг перед дальним родственником, помогавшим девушке долгие годы. Олесю ждут два таинственных дома, похожие друг на друга как две капли воды, семейные скелеты в шкафу и вопросы, так и не получившие ответов. А еще странный мужчина, жизнь которого благодаря неким обстоятельствам целиком зависит от счастливой улыбки этой рыжей девчонки.

- [Юлия Климова](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Эпилог](#)

Юлия Климова

В ее сердце акварель

© Климова Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Чем меньше
слов, тем больше
будет чувства.*

*У. Шекспир «Сон в
летнюю ночь»*

Беззаботная, уверенная в своих действиях букашка торопливо перебирала лапками, преодолевая одно препятствие за другим. Позади остались тощая трухлявая береза, еще крепенькая прошлогодняя шишка, мятый дырявый целлофановый пакет, влажная кучка желто-коричневых еловых иголок, изогнутая шершавая ветка рябины, увешанная дождевыми каплями, острые копыя-травинки и многое другое. Масса впечатлений! К тому же можно гордиться собой: путь долгий, тернистый – не каждый справится. К сожалению, холодно и сыро. Летом, конечно, будет полегче, а пока – май месяц.

Букашка спустилась к земле, обогнула молоденький дубок, пробежала по пожухлым листьям, взобралась на стебелек, прыгнула и... ощутила под лапками тепло. Неведомая гигантская сила подняла ее вверх, затем опустила, вновь подняла и опять опустила.

Что это?

Привычные запахи леса мгновенно улетучились, теперь пахло чем-то другим: терпким, удушливым и странным... Запаниковав, букашка сначала попятилась, а затем, мечтая поскорее миновать опасный участок пути, рванула вперед, но мощный поток горячего воздуха подхватил ее и отшвырнул обратно – к молоденькому дубку.

«Я лечу!» – автоматически подумала букашка, надеясь приземлиться на сочный зеленый лист или целлофановый пакет, но только не на прошлогоднюю шишку!..

Глеб очнулся от продолжительной щекотки. Такое ощущение, будто глупое многоногое насекомое залезло в нос и, недолго думая, твердо решило пробраться к мозгу (и плевать этой скотине, что дороги туда нет!). Шумно выдохнув, не двигаясь, Глеб открыл глаза, перевел взгляд с сухого лишайника на пучок травы и мысленно выругался. Он уже давно не удивлялся – на небе и на земле не осталось ничего нового, – но реальность все же заставила брови приподняться, а в голове пронеслась быстрая цепочка слов: «Нет, нет... мы так не договаривались...»

Глеб лежал на земле, ровно дыша, прижавшись щекой к влажным листьям, с раскинутыми руками и ногами (морская звезда, да и только), а кругом шумел лес, ползали букашки, плели паутину пауки, жужжали мухи, перекрикивались птицы... Осознав это, уловив ноющую боль в онемевшей шее и пульсирующем ухе, Глеб перевернулся на спину, согнул правую ногу и прищурился. Вековые сосны, устремляющиеся к облакам и солнцу, хранили молчание, их совершенно не интересовало, откуда в их лесу появился человек, что ему нужно и какое у него настроение. А настроение у человека было паршивое, и если бы не слабость, поселившаяся в каждом позвонке, он бы резко встал и с удовольствием витиевато и многократно проклял бы каждый куст в округе.

– Что вы со мной сделали?! – крикнул Глеб в небо. – Какого черта?! Эй! Вы меня слышите?! – Вопросы не обрели форму, не взлетели и не устремились к адресату, в воздухе от них не осталось даже полупрозрачного облачка. Осторожно поднявшись, растерев шею и поморщившись, Глеб осмотрелся и добавил тихо, но с долей злости: – Без сомнения, слышите и, безусловно, радуетесь...

Поддав ногой корягу, он схватился за поясницу, согнулся, выпрямился и неожиданно почувствовал себя лучше: перестали рвать деревья, звуки уже не казались столь болезненно-оглушительными, и непослушное тело теперь не качало из стороны в сторону.

– «Пять минут – полет нормальный», – прокомментировал Глеб и посмотрел на пыльную зеленую бутылку, валяющуюся рядом со старым пнем. Да, он бы сейчас выпил чего-нибудь крепкого,

согревающего и съел бы хороший кусок мяса, обсыпанный черным молотым перцем. С хлебом. – Узнаю грешную землю, – с иронией произнес Глеб, небрежно стряхнул с рукава серой рубашки прилипшую грязь, расстегнул пуговицы и с удовлетворением обнаружил на себе любимую черную футболку. – Так-то лучше, хотя от теплого свитера я бы сейчас не отказался...

Не имело значения, в какую сторону идти: объяснение происходящего найдет его и в поле, и в болоте, и на дороге, которая, возможно отыщется в самое ближайшее время. Глеб глянул налево, направо и прислушался, но уже не к неутомимой природе, а к себе. Улыбка тронула губы, глаза блеснули: что ж, он по крайней мере не безоружен...

Рука сама потянулась к заднему карману джинсов – Глеб достал паспорт и банковскую карточку.

– Какого лешего?.. – тихо произнес он и присвистнул. Что бы это значило? Он же здесь ненадолго, правда? Максимум три дня, а дальше – как обычно: вперед и с песней! Но паспорт, карточка... Глеб убрал и то и другое обратно в карман, потер заросший подбородок, поднял голову и крикнул: – Каюсь, был не прав, погорячился! Долго мне еще торчать в этих джунглях?!

Он вовсе не ожидал ответа; к тому же ситуация начинала забавлять, даже любопытно стало: сколько ему придется таскаться по лесу и «думать над своим поведением»? Память прекрасно сохранила все недавние события, но разве кто-нибудь мечтает что-то исправить?

«Уж точно не я».

Глеб развел руками, хлопнул ладонями по бедрам, осмотрелся в последний раз и медленно двинулся в сторону сосен. Темно-русые волосы находились в беспорядке, борода устрасала, широкая мятая рубашка болталась, зато черные потертые джинсы сидели идеально. Грязь на них хотя и присутствовала, но была незаметна.

«Какого лешего, говоришь? Похоже, я и есть леший», – самодовольно улыбнулся Глеб, сорвал листок с куста, сунул в рот, разжевал, выплюнул и поморщился:

– Отрава.

«Вроде становится ясно, зачем паспорт... Чтобы лет через сто многоуважаемые археологи смогли опознать мои жалкие останки. Глеб Андреевич Трофимов. Бесславно скончался в дремучем лесу в

возрасте тридцати девяти лет в... А вот тут неувязочка выйдет. В каком же году я помер? Голову сломаете, братцы!»

Глеб хохотнул, взял левее, споткнулся о корень, торчащий из земли, чертыхнулся и продолжил путь.

«Природа... Цветы, березки... Каждая хрень на своем месте... Красота!»

Шум в ушах то появлялся, то исчезал, от него хотелось отмахнуться, как от назойливой мухи, однако Глеб не обращал особого внимания на помеху – у него обострились зрение и чутье, а это куда важнее. Вспыхнувший азарт уже шел с ним в ногу: подгонял, дразнил, волновал, заставлял щуриться и выискивать следы человека. Пустая бутылка – это хорошо, но лучше бы обнаружить дорогу или для начала тропу. Узкую, извилистую, истоптанную...

Глеб миновал плотные заросли орешника, проигнорировал ветку, хлестнувшую по щеке, поднял руки и пролез сквозь несколько рядов больших и маленьких елок. Он прошел около трех километров и только тогда, вновь испытывая короткие приступы злости и раздражения, увидел дом.

– О! – изрек Глеб, остановился, сунул руки в карманы и, будто скульптор, изучающий свое творение, наклонил голову набок. – Избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом. – Но дом не подпрыгнул, не подхватил фундамент, точно барышня юбки, и не изменил своего положения. – Какая жалость. Избушка, похоже, глухая. Эй, подруга, перед-то у тебя нормальный есть?! Хотя с таким задом – вряд ли...

Скользнув взглядом по крыше, стенам и окнам, Глеб произнес многозначительное «н-да», обнаружил тропинку и неторопливо, вразвалочку направился к ней.

В доме действительно присутствовала определенная нелепость. Огромный, частично каменный, частично дощатый, с широкими башнями-пристройками, тремя абсолютно разными трубами, узкой лестницей, выглядывающей из-за угла и устремляющейся к массивному балкону, он стоял на поляне, окруженный невысоким каменным забором и деревьями, и производил, как ни странно, впечатление горделивого сооружения.

Несмотря на приближающийся вечер, свет в окнах не горел, но все же дом не был пустым и безжизненным – это Глеб уловил

мгновенно. Пройдя по тропинке, он нагло перелез через забор, подошел к лестнице и коснулся потрескавшихся перил. Дорогое благородное дерево, подаренное дождям, ветрам, туманам и снегу...

«Давненько ты здесь стоишь», – подумал Глеб, рассматривая провода, тянущиеся по воздуху от одного столба к другому. Что ж, теперь понятно, куда двигаться дальше. Наверняка за соснами обнаружится деревня или дачный поселок.

– Ну и какой дурак тебя здесь построил? Молчишь? Твое право, только я и сам узнаю.

Прочитать мысли человека без его разрешения невозможно. Старайся, не старайся – не получится. Но если «жертва» даст согласие, тогда другое дело: меньше секунды потребуется на то, чтобы пробраться в чужой мозг и хорошенько прошерстить его. Опа! И ты уже знаешь чьи-то тайны и мечты (попался, голубчик). Правда, не всегда это приносит удовольствие, иногда такая шелуха или дрянь сыплется, что «жертве» хочется открутить башку. Хочется, а нельзя.

Зато с неодушевленными предметами проще – ни у кого не нужно спрашивать разрешения: что сможешь получить, то и твое.

Предчувствуя победу, Глеб широко улыбнулся, сделал несколько шагов, развернулся, прижался спиной к стене, поднял голову, коснулся затылком прохладных серых кирпичей, закрыл глаза и сосредоточился.

Дом не смог устоять перед таким спокойным, уверенным натиском, он позволил чужаку совершить невероятное и отдал те знания, которые тот потребовал.

Сначала темноту разорвал тусклый свет, а затем Глеб увидел немолодую женщину в длинном светлом одеянии. Она, похожая на полупрозрачное привидение, скользила по полу, держа в руке тонкую желтую свечу; огонь дрожал, танцевал, дергал тени и разбрасывал в разные стороны неровные круги. Женщина монотонно зажигала другие свечи, выстроенные на камине, столе, старомодном трельяже и комод. Ее спокойное лицо не выражало ничего, но в душе бушевало пламя, способное спалить и дом, и лес.

Глава 1

Леся зашла в квартиру, опустив голову и глядя на собственные ноги. Она бы еще зажмурилась, чтобы лишить себя даже самой маленькой возможности увидеть рисунок линолеума или угол шкафа, но давно позабытые чувства, воспоминания, похожие на желто-фиолетовых бабочек, остановили ее от этого. Память шуршала страницами-крыльями, ерзала, волновала и заставляла улыбаться...

Расклевенная юбка из теплой клетчатой ткани, плотные колготки телесного цвета, высокие черные ботинки с рябыми шнурками и облезлыми мысками. Любимые ботинки. Да, нужно что-то придумать и хоть как-то продлить им жизнь.

«Летом отдохнете, а потом будет осень».

Все так же, не поднимая головы, не совершая лишних движений, Леся прошла на кухню и дотронулась до гладкой спинки деревянного стула. Осторожно придвинув его к себе, села за стол, достала из сумки коричневый кожаный планшет, открыла его, сначала коснулась кончиками пальцев белого листа, а затем – короткого, хорошо заточенного простого карандаша. Матерчатая сумка соскользнула с плеча и почти бесшумно опустилась на пол, теперь она походила на верную собаку, ждущую, когда же хозяйка закончит свои дела и наконец-то обратит на нее внимание.

«Как долго я мечтала об этом дне? Сто лет... Нет, двести или триста».

Интересно, абсолютная самостоятельность имеет вкус, запах, оттенки, форму? Каких углов у нее больше: тупых, прямых или острых? Получится ли перенести ее на бумагу, внимательно изучить, запомнить и прочувствовать?

Леся сжала карандаш и быстро, жадно стала рисовать. Линия пола, угол, потолок, навесные шкафы, холодильник, хлебница, небольшой диванчик, бра... Теперь правее... Обрывается плитка, и начинаются обои. Царапина! Над табуреткой была царапина! Хорошо бы она там осталась...

Как можно любить ремонты?

Какое право имеет краска прятать прошлое – безвозвратно, навсегда? И кому от этого становится легче?

Тюль, и сквозь него – подоконник. Фиалку в горшке рисовать не стоит, ее точно нет...

– Быстрее, быстрее, – шепотом поторопила себя Леся, сделала еще несколько штрихов и остановилась. Вот теперь можно медленно положить карандаш на стол, вдохнуть, выдохнуть и... поднять голову. Девять лет она не была в своей квартире, жила без этих родных и одновременно чужих запахов, без хлебницы и фиалки на подоконнике, без табуретки и царапины, а теперь в кармане лежат ключи, и начинается совсем другая жизнь. По-настоящему взрослая.

Голову Леся подняла решительно. Губы вновь тронула улыбка, потому что желто-фиолетовые бабочки опять вспорхнули в душе, вырвались на свободу и закружили, замелькали по кухне. Косметический ремонт – ерунда, реальность практически не отличалась от рисунка. От прошлого не отличалась.

«Я не забыла, – удовлетворенно подумала Леся и убрала от лица огненно-рыжие волосы. – Я дома».

Жизнь может заставить человека стать грамотным, въедливым, терпеливым, настойчивым, решительным, аккуратным или ироничным. Кто-то становится добрым, кто-то – злым. С Лесей случилась иная история: она отточила наблюдательность, и это качество тесно переплелось с талантом художника.

Когда же она впервые взяла в руки карандаш? Не просто так, а обдуманно, с острой потребностью перенести на бумагу окружающую действительность, мысли, мечты, желания?.. Когда умер отец и прошли поминки, чувства обострились до предела, и нужно было срочно начертить вокруг себя ровный квадрат, перешагнуть границы которого никто бы не смог. Запрещено. А углы – в качестве защиты, на всякий случай.

Да, она стала другой после смерти отца.

Не каждой сироте везет с родственниками, Леся же могла похвастаться одной бабушкой, целой армией тетей, дядей и приличной долей седьмой воды на киселе. Может, у ее многочисленной родни и не было бы сплоченности, организованности, но на большом и быстроходном корабле под названием «Наша Дружная Семья» денно и ночью дежурил бессменный капитан – Александра Петровна Жарова. Женщина высокая, крупная, не терпящая возражений и считающая, что мир держится исключительно на ее крепких плечах. Без нее,

конечно, дети перестанут ходить в школу, непутевая Ирочка выйдет замуж за мужчину без средств, лысоватый и тощий Сергей Сергеевич бросит принимать лекарства и окажется на больничной койке, невезучая Антонина опять найдет в кармане мужа какой-нибудь компромат, а Зинка бросит педагогический колледж и подается в артистки, а хуже этого может быть только внебрачный ребенок или развод.

В детстве Леся смотрела на Александру Петровну с любопытством и осторожностью и всегда недоумевала: почему двоюродную тетю слушаются почти беспрекословно? Как так получилось, что на семейные советы, проходящие в квартире Сергея Сергеевича, всегда является большая часть родни и каждый знает, за что его будут песочить, а за что хвалить? Непременный винегрет, консервированные овощи с грядок тети Маши, невкусный салат из рыбы, приготовленный ветреной Зинкой, знаменитые, чуть сладковатые пирожки с мясом Александры Петровны, очень тонко нарезанная и скрученная в трубочки докторская колбаса – обязательное застолье вначале, а потом каждый получает свое, заслуженное. Ссоры случаются, но они рассыпаются и тлеют, стоит только Александре Петровне сдвинуть брови и сверкнуть ее карим глазам.

Леся понятия не имела, сколько двоюродной тете лет, и даже приблизительно не могла установить ее возраст. Сорок? Да, наверное. Сорок пять? Возможно. Пятьдесят пять? Может быть... Полнота Александры Петровны, седая прядь волос над правым ухом, две глубокие морщины на лбу и тяжелый квадратный подбородок увеличивали годы, а кипучая энергия, холеные руки, гордая осанка и яркая одежда – уменьшали. Леся лишь знала, что день рождения тети в ноябре, что покойный муж был младше ее на пять лет, и умирать Александра Петровна в принципе не собирается: «Я еще вас всех переживу, мои дорогие. Должен же кто-то организовывать ваши похороны». И тетя Маша, и Антонина, и Сергей Сергеевич, и вечно недовольный жизнью дядя Андрей, и вся седьмая вода на киселе находились в непоколебимой уверенности: так и будет. Леся не без основания подозревала, что свои похороны они бы никому другому и не доверили.

Сирота. Сколько раз в тот день Александра Петровна произнесла это слово? Раз двадцать, наверное. Девятилетнюю Леську усадили на табуретку в центре комнаты, а кругом – на диванах, стульях и креслах, придвинутых к стенам, – расселись родственники. Она чувствовала на себе внимательные, скучающие, жалостливые, равнодушные, нервные, сочувственные взгляды и понимала, что сейчас четко, громко и даже вдохновенно решат ее судьбу.

– Перед вами сирота, – начала речь Александра Петровна. – И я хочу сказать сразу, ребенок в детский дом не пойдет. Выкормим, вырастим, не сомневайтесь. Стыд и позор нам, если невинное дитя проведет детство без тепла и ласки, в окружении совершенно посторонних людей...

Леська покусала губы, а затем опустила руки и вцепилась в табуретку. Она вовсе не волновалась о будущем, но неожиданно почудилось, будто кругом – океан, и течение несет ее на маленьком хлипком суденышке в неизведанные дали. Дует легкий ветерок, бегут короткие волны, и кораблик раскачивается из стороны в сторону... Мысленно Леська принялась рисовать эту картинку, но потом переключилась на дядю Андрея, поймала в его глазах тоску зеленую и посмотрела на дочку Александры Петровны – ангелоподобное создание по имени Виктория. Девочка сидела рядом со шкафом на мягком стуле, болтала ногой в такт словам матери и неотрывно наблюдала за черной мухой, медленно передвигающейся по круглому столу. Дядя Андрей заерзал, муха улетела, а Вика принялась оглядываться по сторонам, отыскивая новый объект для изучения.

– Опекун я, безусловно, оформлю на себя, но это не значит, что вся ответственность достанется мне. Нет, мои дорогие, за воспитание и развитие ребенка будет отвечать каждый. – Александра Петровна выдержала паузу, поправила бант на кофте и поджала губы, что означало: «Не советую возражать». Взгляд тети остановился на бабе Кате, и Леська тяжело вздохнула – с бабушкой у нее не было душевной близости (как и с любым другим родственником), собственно, они практически не общались. – Екатерина Дмитриевна, – официально произнесла Александра Петровна, – что вы думаете по этому поводу?

– Согласна с тобой, Сашенька, но на меня особо не рассчитывайте, я человек занятой, да и возраст уже сказывается. Сама понимаешь... – сдержанно ответила баба Катя и ласково погладила

подлокотник кресла. По ее сухому, еще не испорченному морщинами лицу пробежала тень, уголки тонких губ дрогнули, глаза сузились, и повеяло холодком. Такой холод обычно сопровождается сквозняками – невидимыми, почти неощутимыми, но способными в нужный момент захлопнуть даже стальную дверь. – На каникулы Олесю взять смогу, но постоянное проживание... Нет, уже не потяну.

Леся знала: бабушка ее не любит. Неприятие, отстраненность, осуждение мелькали в каждом движении и слове. Не стоило задаваться лишними вопросами и гадать: «не нужна» – приговор, оглашенный еще девять лет назад. Но разве Леська виновата, что ее мама умерла через месяц после родов? Да если бы она могла, если бы у нее был хоть какой-нибудь выбор (рождаться на белый свет или нет), она бы закусил губу, развернулась и ушла в темноту, где тихо, спокойно и никто не мешает рисовать. Из темноты так легко наблюдать за людьми!

– ...я составлю график, не будем забывать о школе... квартиру я планирую сдавать... надеюсь, вы меня внимательно слушаете... – донесся голос Александры Петровны. – Позже часть денег пойдет на ремонт, а часть – на дальнейшее образование несчастного ребенка... Олеся, не сутулься. Андрей, ты что-то имеешь против?

– Не особо... – буркнул дядя Андрей, вынимая мятый бордовый платок из кармана пиджака. Леська мгновенно отметила схожесть платка с гвоздикой: тот же объем и неровность. Тот же трагизм, потому что этот цветок всегда ассоциировался с тем или иным горем, торжественной печалью или искусственной радостью. – Девочку, между прочим, кормить и одевать нужно. Ремонт – дело хорошее, но и на жизнь денежки понадобятся. – Дядя Андрей многозначительно кашлянул, насупился и, ища поддержки, посмотрел на бабу Катю.

Все одновременно опустили глаза в пол, а Леська, совсем не ожидая от себя подобной реакции, тихо сказала:

– Я много не ем.

Сделав три шага к столу, развернувшись, вздернув подбородок, Александра Петровна ужалила взглядом дядю Андрея и фыркнула:

– Неужели ты полагаешь, что я не подумала об этом? Слава богу, на свете есть человек, готовый решить все финансовые вопросы, связанные с опекой над Олесей. Конечно, никто из вас не ожидал! Никому и в голову не могло прийти!.. – Александра Петровна не справилась с эмоциями, часто задышала, порозовела и, стараясь

успокоиться, сделала паузу. Ее переполняли отрепетированные фразы, победные интонации, весомые восклицательные знаки, обязательное превосходство и удовольствие. Но ни в коем случае нельзя было расплескать это богатство – наоборот, его следовало удержать и преподнести как минимум в золотой чаше.

Леська закрыла глаза и нарисовала Александру Петровну, выделив нос, подбородок и раскрасив щеки ярко-красным. Получился очень живой, но карикатурный персонаж, не добрый и не злой.

Тетя Маша, торопливо застегнув пуговицу вязаной кофты, подалась вперед, дядя Андрей приподнял брови, Зина вытянула губы трубочкой, Сергей Сергеевич сел ближе к Антонине, Вика перестала болтать ногой... Вот она – интрига! Кто же выиграл в конкурсе на самого доброго и щедрого родственника? Кому нужна несчастная сирота Олеся Сотникова – рыжая, зеленоглазая девчонка девяти лет? Сенсация века!

– Можете не гадать, – успокоив волнение, едко и насмешливо произнесла Александра Петровна. – Этот человек – Василий Петрович Дюков. Да, да, наш многоуважаемый Василий Петрович. Я позвонила ему и вкратце обрисовала ситуацию; никаких лишних слов, уговоров – только голые факты!

– И что? – не утерпела Антонина.

– Он сказал «да». – Александра Петровна улыбнулась и наконец-то посмотрела на Лесю. – Он сказал «да», – повторила она и ровно добавила: – А значит, моя дорогая, ты можешь не беспокоиться за свою судьбу.

В комнате повисла недолгая тишина, позволившая оглянуться на прошлое, задержать дыхание и вспомнить позабытое... Почти в каждой семье существует какая-нибудь легенда: красивая или не очень, длинная или короткая, страшная или забавная, невероятная или вполне реальная. События, слова, взгляды, неминуемые последствия, тонкие нити судеб переплетаются, закручиваются, путаются, разрастаются, а затем замирают, оставаясь навсегда загадочной историей без начала и конца. О ней то вспоминают, то забывают, она вызывает то раздражение, то любопытство. Обычное дело. В Лесиной семье легендой являлся Василий Петрович Дюков.

– С его-то богатством и отказать, – завистливо прокомментировал дядя Андрей. – А что же он не приехал? Не снизошел, понятное дело!

А давненько я его не видел... Сколько лет?

– Девять, – коротко ответила баба Катя. – Последний раз этот чокнутый старик приезжал, когда родилась Олеся. Мне кажется, он только на рождение детей и появляется: посмотрит и – ширк! – обратно за дверь! Фамилия у Василия Петровича, надо сказать, подходящая: короткая и зловредная. Дюков! – Баба Катя огляделась, надеясь получить поддержку родственников. – Вот ведь точно является, когда кто-нибудь родится. Встанет у кровати, наклонится и смотрит, потом пробубнит под нос, и – только его и видели! Что-то одни девчонки последнее время у нас на свет появляются, – перескочила на другую тему баба Катя и посмотрела на Лесю, будто и в этом была виновата ее нелюбимая внучка.

– Каждый имеет право на свои причуды, – заступилась за «чокнутого старика» Александра Петровна. Она не могла допустить, чтобы светлый образ благодетеля был омрачен хотя бы на каплю. – И вообще-то, он не старик, а уж когда родилась Олеся, Василий Петрович и подавно не выглядел дряхлым.

– Ну да, – не уступила баба Катя. – Бороденка почти вся седая, брови торчком, волосы полгода не стрижены, мешки под глазами и залысины! Его к новорожденным и подпускать страшно, проклянет еще из зависти, и будет потом девчонка с кривым носом ходить или бородавка на лбу появится.

Все взгляды автоматически устремились в центр комнаты – на Лесю. Она буквально почувствовала, как тонкие острые лучи побежали по ее лицу и телу – красные, оранжевые, фиолетовые. Конечно, все знали, что у нее нормальный нос и нет бородавок, но в этот момент и Антонине, и дяде Андрею, и Сергею Сергеевичу, и даже бабе Кате захотелось обязательно удостовериться в этом. И Леся вдруг поняла, о чем подумал каждый... Есть на ней проклятье. Есть! Сирота, да еще пожар на голове, волосы-то оранжево-красные, за такое раньше на костре сжигали, и путного из нее ничего получиться не может.

Леська с трудом сдержала порыв скрутить волосы в жгут и убрать за спину (да не очень-то они скручивались обычно, разве такую копну запросто усмиришь?).

– Глупости, – небрежно отмахнулась Александра Петровна. – Обеспеченные люди чокнутыми не бывают, мозги у них работают отлично.

Но в голосе тети промелькнула неуверенность, сказанное бабой Катей в большой степени отражало правду. Леська, успевшая впитать многое за свою пока еще недолгую жизнь, в этом не сомневалась. Невероятно, невозможно, немыслимо, но она как будто вспомнила ту минуту, когда над ней склонился неопрятного вида мужчина (немолодой, небритый) и она услышала его голос – тихое отрывистое бормотание, несвязный набор слов, а затем... «Назовите ее Олесей». Не мягкая просьба, не дежурное предложение, не участливый совет, а бесцеремонное неожиданное требование, против которого и не выставишь аргументы.

Хотя это воображение сыграло злую шутку... Леся потеряла ладонями колени и покосилась на бабу Катю. Именно бабушка года два назад небрежно обронила на кухне: «Не вы ей имя придумали, не удосужились. Старый дурак сказал, а вы и подхватили». Папа тогда улыбнулся и ответил: «Просто имя ей подошло». Много еще долетало до маленьких, аккуратных Леськиных ушей, какая-то информация растворялась в воздухе, а какая-то занимала полочки в голове.

Василий Петрович жил далеко, отшельником – никого не подпускал к себе и очень редко приезжал к кому-либо в гости. Однако Сергей Сергеевич утверждал, что однажды видел Дюкова на Новом Арбате (около высоченного бизнес-центра) в длинном потертом кожаном пальто и темных очках. «В мою сторону не посмотрел, паршивец. Седой и патлатый!»

Леська даже в своем малом возрасте догадывалась, что большинство собравшихся не прощает «чокнутому старику» одного – равнодушия, и это было удивительно и странно.

– Мы можем подвести итог. – Грудь Александры Петровны поднялась и опустилась. – С сегодняшнего дня судьба Олеси находится в наших надежных руках, девочку ждет достойное будущее.

И в один миг Леся превратилась в кочевника. Как листок, подхваченный порывом ветра, цепляющийся то за куст, то за дерево, то за кривую ножку скамейки (вот она – небольшая передышка!), девочка перемещалась от тети к дяде, от бабушки к великовозрастной троюродной сестре, а от нее уже к двоюродному дяде и так далее, и тому подобное... А дальше – по кругу, по большому родственному кругу, без нарушения четкого графика, кропотливо составленного тетей Сашей (теперь Леся звала Александру Петровну именно так).

Пожитки умещались в небольшом коричневом чемодане – шершавом, с закругленными углами, поцарапанным золотистым замком и основательной металлической ручкой. Еще к имуществу прибавлялись: мешок со сменкой, портфель, набитый тетрадками и всякой канцелярией, и желтая клеенчатая сумка с учебниками. Через год Леська осмелилась попросить на день рождения большущую черную папку на молнии, чтобы складывать в нее рисунки и таскать на плече, точно футляр с виолончелью. Это же здорово – представлять себя странствующим музыкантом, повидавшим разные города, с легкостью воспринимающим любую погоду и условия.

При переездах чемодан и сумку, конечно, нес кто-то из взрослых, а остальное Леська с удовольствием нагромождала на себя и шагала вперед, где ее ожидали другая школа, новые одноклассники и учителя. Впрочем, когда круг приключений повторялся, новое становилось старым, а затем уже и привычным.

Больше всего Лесе нравилось жить у спокойной, доброй, мечтательной Ирочки, не требующей абсолютно ничего, но отдающей так много, что и в желудок не поместится, и в коричневый чемодан не влезет (даже если на него встать и попрыгать). Ирочка готовила незамысловатые, но удивительно вкусные блюда, хорошо шила, вязала и всегда, со слов тети Саши, влюблялась не в того парня. Отношения заканчивались традиционно ничем, в квартире замирала тихая грусть, но шли дни, и в голубых глазах Ирочки вновь вспыхивала надежда – заразительная, теплая. Леся впитывала эту надежду; иногда казалось, будто за спиной вырастают маленькие белые крылья, они прячутся под рыжими волосами – и отлично, никому и не нужно их видеть.

Сергей Сергеевич увлекался здоровым образом жизни, поэтому во второй четверти Леся обычно худела и сутулилась. Мышцы спины побаливали из-за жесткого матраса, о внутреннем мире которого не стоило задумываться. Гречка? Солома?.. На завтрак Сергей Сергеевич обязательно заставлял выпить стакан горячей воды, на ужин полагалась мисочка тертой сырой свеклы и два ржаных хлебца. Леська стойко принимала подобный образ жизни, но на продленке за минуту съедала бесполезный обед и потом счастливо вздыхала минимум полчаса.

В квартире бабы Кати всегда стоял холод, поэтому каникулы часто отягощались легкой простудой или кашлем. Бабушка чувствовала себя

комфортно в бриджах и футболке, а Леся натягивала свитер и надевала шерстяные носки. «Как в замке Снежной королевы», – думала она и рисовала вьюгу, летящие сани, крупного ворона на снегу, маленькую разбойницу и благородного оленя. Рисунки отправлялись в черную папку, где ютились в определенной тайной последовательности и никогда не перемешивались. Леся понятия не имела, как объяснить установившийся порядок хранения, но интуитивно складывала свои сокровища именно так, а не иначе.

Дядя Андрей к воспитанию сироты относился ответственно: «У ребенка должен быть режим, мы выросли на кашах и картошке, а значит, и девочка должна расти на этих продуктах. Уроки... уроки нужно делать до шести. Тройки – это позор. Особенно по физкультуре!» Лесю он называл либо «она», либо «девочка», а хвалил традиционным «молодец, скоро станешь космонавтом». Зато у дяди Андрея в серебристой клетке жил волнистый попугай. В руки Карузо, к сожалению, не давался, но с ним было приятно поболтать.

Последняя четверть и лето целиком и полностью принадлежали тете Саше. Александра Петровна становилась еще более важной, говорила громче, не ходила, а плыла, точно белый пассажирский теплоход. Ее взгляд заострялся, щеки часто розовели от нескрываемого удовольствия, грудь поднималась и опускалась с шумными вздохами.

Воспитательный процесс тети Саши являлся самым затяжным и продуманным, к тому же Леся знала: у нее есть обязательный пример для подражания – сестра Вика. С примером всегда легче понять, как есть, как пить, как складывать и убирать вещи... Тете по хозяйству помогала старенькая Любовь Ильинична, Леська любила слушать рассказы о молодости пожилой женщины и уплетать при этом крохотные пирожки с рисом и яйцом.

Дружбы с Викторией не получалось – впрочем, ни та ни другая сторона к подобным отношениям не стремилась: полевые цветы не тянутся к садовым розам, а те, в свою очередь, не склоняют бутонов, чтобы посмотреть, что там еще произрастает из земли. Вика проявляла любопытство только первые дни: она подолгу молча смотрела на Лесю, будто пыталась отыскать в ней какой-то секрет, а потом практически перестала замечать, лишь выказывала недовольство, если мать покупала две одинаковые юбки и тем самым на короткое время приравнивала полевой цветок и садовую розу.

Ветреной Зинке Лесю доверяли очень редко, и только на субботу и воскресенье.

Антонина всегда страдала от ссор с мужем, тетя Маша целыми днями играла на пианино, Кирилл Германович изобретал чуть ли не машину времени, Татьяна Григорьевна мечтала похудеть на двадцать килограммов, Надежда Дмитриевна читала вслух любовные романы и утверждала, что на свете не осталось настоящих мужчин. Калейдоскоп родственных отношений, ставший привычным, вызывающий иногда улыбку, иногда грусть...

– Я не забыла, – повторила Леся, поднялась, поставила стул на место, убрала планшет в сумку и неторопливо, предвкушая новую порцию волнения, направилась в комнату.

* * *

Только законченный идиот мог назвать эту дыру гостиницей. Подобные строения должны стоять на краю мира и манить к себе или разбойников с большой дороги, прячущихся от глаз людских, или махровых упырей, планирующих ночную вылазку.

«Упырям положено спать в могилах», – поправил себя Глеб, потер лицо ладонью и дернул хлипкую ручку обшарпанной двери. Короткий скрип, приглушенная надрывная музыка, ароматы дешевых духов и быстрорастворимого кофе мгновенно добавили недостающие штрихи к картине под названием «Гостиница «Золотая» – заходите, не пожалеете!». Конечно, можно было заночевать и в деревне, наверняка бы перепали и самогон с соленым огурцом, и банька, и мягкая постель, но желание поскорее выбраться из глуши тянуло вперед не хуже магнита.

«Люди, люди, приютите бедного, одинокого странника... заблудшую душу... практически».

Глеб усмехнулся и устремился к полноватой блондинке, грызущей сухарики перед маленьким допотопным телевизором.

«Пусть она окажется возбуждающе прекрасной. – На его лице появилась скользкая улыбочка, пропитанная иронией и надеждой. – Или хотя бы смазливой. Пухлые губы, большие глупые глаза, белые зубы... И я с ней пересплю. Обязательно пересплю. Прямо сейчас. –

Глеб чуть притормозил и посмотрел на потолок, выкрашенный излишне яркой голубой краской, покрытый бесчисленным количеством извилистых трещин. – Эй, Небесная канцелярия, может, поспорим? А то все погодой занимаетесь. Скучно небось?»

Блондинка протянула руку к пакету с сухариками и лениво обернулась. Глеб тяжело вздохнул, проклиная природу, имеющую дурную привычку создавать несовершенства. Узкий лоб, нос картошкой и черные усики над выпяченной верхней губой не смогли бы его возбудить даже после столетнего воздержания. А он, ко всему прочему, и не воздерживался. Ни от чего и никогда.

– Вечер добрый, – протянула блондинка, привычно сканируя гостя с головы до ног.

Глеб понимал: положительного впечатления в таком виде не произведешь, да, собственно, и не нужно. Быстро оглядев маленькую комнатенку с серыми обоями и древней мебелью, он задержал взгляд на выцветшей шторке, украшенной темным коричневым пятном, посмотрел под ноги на протертый почти до дыр ковер и развязно сообщил:

– Привет, мне бы переночевать у вас, прелестная незнакомка.

Блондинка выпрямилась, пропустила комплимент мимо ушей и с вызовом спросила:

– А ты кто?

Вопрос переводился как: «А за номер заплатить сможешь?»

– Плохо, плохо формулируете мысли, – пожурил Глеб, неторопливо приближаясь. Нарочно почесав заросшую щеку, он сунул руки в карманы джинсов, прищурился и все же ответил: – Я разбойник с большой дороги. Похож?

– Не-а, те нынче богатые, – улыбнулась блондинка, подыгрывая. Вблизи гость уже не казался законченным бродягой, он скорее походил на капитана дальнего плавания, списанного на берег лет пять назад. Глаза мужчины поблескивали, и даже показалось, будто в них закручивается в воронку искрящийся голубой свет...

– Тогда упырь. Сгодится?

– Упыри сейчас в могилах лежат, часам к двенадцати повылазят, не раньше.

– А я вижу, вы – девушка образованная... – Глеб остановился напротив блондинки и улыбнулся щедро и беспринципно. «И не

говорите потом, что я не делаю добрых дел. Посмотрите на эту женщину, она же на седьмом небе от счастья! – Он прислонился к тощей администраторской стойке и мысленно добавил: – Мне это зачтется или нет?»

– Посиди здесь с мое, еще не то узнаешь. – Блондинка тихо засмеялась, демонстрируя ровные зубы. Ее скука наконец развеялась, глаза засияли, руки автоматически прошлись по полным бедрам – зеленая ткань юбки разгладилась, но почти сразу вновь собралась в мелкие горизонтальные складки.

– Тогда я – маг и волшебник, – продолжил Глеб. – Так сгодится?

– Н-да? И что ты умеешь?

Весьма сильное искушение опробовать свои силы... И плевать, что их ограниченное количество, а за некоторые попытки иногда приходится расплачиваться...

– Я умею загадывать желания, и, удивительное дело, многие спешат их исполнить, – ровно произнес Глеб. В его глазах полыхнул огонь, будто кто-то неведомый плеснул керосина на раскаленные угли. – Мне нужен хороший и абсолютно бесплатный номер, и я требую, чтобы меня никто не беспокоил до утра, – сказал он холодно и четко.

Блондинка дернулась, на миг замерла, затем кивнула, молча и медленно выдвинула верхний ящик стойки, достала ключ с биркой № 11 и плавно положила его перед странным гостем.

Как просто. Даже неинтересно. Никакого сопротивления – душа попалась слабая... простая, как копейка.

Глеба постигло разочарование еще и оттого, что он почувствовал: тех самых *особенных* сил стало меньше – ровно на одно бездарное желание. Ему ли экономить деньги? Хотя наличных-то нет, а в этой дыре банковская карточка – лишь бесполезный и никому не нужный кусок пластика.

«Плевать», – подытожил Глеб, подхватил ключи и, насвистывая, вразвалочку направился к лестнице. На пятой ступеньке он остановился, перегнулся через перила и беззаботно крикнул:

– Эй, отомри!

Блондинка вздрогнула, захлопала ресницами, явно не помня, что происходило еще минуту назад.

«Маг и волшебник? – усмехнулся Глеб. – Ну да, иногда могу».

Глава 2

День обещал стать историческим. Быстро умывшись, заправив постель и ни на секунду не подумав о завтраке, Леся достала из шкафа коричневый чемодан-путешественник и принялась складывать вещи. Переехать она хотела еще вчера, но тетя, не одоблив подобной поспешности, разнервничалась и тоном, не терпящим возражений, сказала: «К самостоятельной жизни ты еще не готова. Полагаю, ты это и сама понимаешь. – Александра Петровна сцепила пальцы перед собой, постояла так немного, а затем добавила со значением: – Однако слово я сдержу: раз тебе исполнилось восемнадцать лет, ты имеешь право вернуться в свою квартиру. Только спешка ни к чему, соберешься завтра утром».

Леся согласилась, хотя на языке уже вертелись подходящие возражения, а сердце торопливым стуком требовало свободы. Нарочитый запах корвалола, единственная седая прядь Александры Петровны, выбившаяся из прически, вредность и паника, тенью пробежавшие по лицу тети, остановили Лесю и заставили кивнуть. Не так-то просто отпустить на волю птицу из клетки: кажется, будто она обязательно пропадет, умрет от голода, заболеет, врежется в столб и шмякнется на асфальт. А еще – птица улетит, а клетка останется, и появится свободное время, которое придется заполнять...

«Хорошо, тетя Саша», – спокойно ответила Леся, сжимая за спиной ключи от квартиры. В ее душе не было ни капли обиды, в ней царил морской штиль, парили чайки, и на ярком солнце искрились белые и желтые песчинки. Вернувшись в свою комнату, Леся посмотрела на черную папку с рисунками, представила, как утром повесит ее на плечо, и тихо с улыбкой произнесла: «Завтра. Слышишь? Мы перееедем завтра».

Восемнадцать лет Лесе исполнилось две недели назад, ключи она получила вчера, и теперь уже ничто не могло помешать осуществиться мечте. Надо купить продукты, средство для мытья посуды, шампунь, стиральный порошок, мыло, что-то еще... И даже не хочется торопиться с походом в магазин – каждое мгновение должно приносить ту самую долгожданную радость!

Леся принялась складывать учебники в сумку – в первую очередь протягивая руку к более толстым, оставляя тонкие на потом. Она училась в колледже архитектуры и дизайна и специально сдала экзамены досрочно, чтобы освободить май. Последнее время планы росли и крепили, постепенно они становились нетерпеливыми и настойчиво требовали скорейшей реализации. Лесе хотелось брать уроки живописи, и хотя Александра Петровна передала ей весомую сумму денег, оставшуюся после ремонта квартиры, нужно было подумать о работе. Любой, дающей ощущение независимости и уверенность в будущем.

Тяжести чемодана Леся не почувствовала, бодро пройдя к двери; дежурно пожелав Вике доброго утра, она надела ботинки и подхватила черную папку.

– Будешь ездить туда-сюда, – недовольно сказала Александра Петровна, выходя из кухни, вытирая мокрые руки вафельным полотенцем. – Завтра Андрей бы тебя перевез. И в кого ты такая упрямая?

Но этих «завтра» получалось уже слишком много.

– Ничего страшного, тетя Саша, – ответила Леся. – Я прикинула, за три раза управлюсь.

– На автобусе поедешь? – спросила Вика, убирая волосы от лица. Она только проснулась и стояла в коридоре в ночной рубашке, заспанная, но все же красивая. Огромные глаза, всегда румяные щеки, полные губы и хорошая фигура еще в школе притягивали взгляды почти всех мальчишек. – И не лень тебе?

– Не-а, – легко ответила Леся, улыбнулась и подняла чемодан.

Резкий пронзительный дверной звонок заставил Вику сморщить аккуратный носик, она повернулась к матери, пожала плечами и торопливо прошла в ванную.

– Кого это принесло с утра пораньше? – недовольно произнесла Александра Петровна, отодвинула Лесю в сторону и открыла дверь.

На пороге в голубой униформе, держа в руке узкий прямоугольный конверт, стоял курьер – молодой человек лет двадцати. Нашивка на ветровке сообщала о том, что он готов доставить абсолютно любую корреспонденцию куда угодно, в любое время суток. И равных ему в этом нет и не будет.

– Доброе утро! – весело отрапортовал молодой человек и, безошибочно определив хозяйку квартиры, устремил лучистый взгляд на Александру Петровну.

Сердце у Леси защемило от смутного предчувствия: а будет ли утро добрым?

* * *

Годы идут быстро, и каждый должен помнить об этом с утра и до вечера. Александра Петровна считала именно так и категорически не соглашалась с иным мнением. Мир прост, не надо усложнять, сочинять, врать и потакать собственным неразумным желаниям.

Косметика? Но наши предки женились с прыщами, прекрасно жили и понимали друг друга с полуслова.

В гости к однокласснику? А кто его родители и состоятельная ли это семья?

Нет, замуж по расчету выходить нельзя – это аморально, но руководствоваться только чувствами... По меньшей мере – глупо!

Любовь? На семьдесят пять процентов является вымыслом, писатели вообще нагло зарабатывают, эксплуатируя эту тему. Пишут сказки, сладкие многообещающие истории, а наивные дурочки верят. А нельзя! Следует жить своим умом.

Александра Петровна проводила курьера, достала из кармана байкового халата очки, надела их и решительно вскрыла конверт.

«Александра, пусть Олеся приедет ко мне и погостит недельку. Сегодня в пять часов на станции Утятينو ее будет ждать машина.

Дюков».

Вот так: без «здрасте» и «до свидания», без положенных «если», без каких-либо вариантов – день в день! Александра Петровна поджала губы и выдала тяжелый продолжительный вздох, в ее душе вскипело и поднялось недовольство, раздражение выступило красными пятнами на шее, мысли заметались, цепляясь друг за дружку. «Почему нельзя предупредить заранее?! И что теперь? Бегать и собираться? Господи, да за что же муки такие! Сегодня... Он написал «сегодня»...» И только тут картинка в голове Александры Петровны сложилась, рука с письмом опустилась, а взгляд устремился

на Лесю. Василий Петрович Дюков «пригласил» подобным образом не по забывчивости, не от пренебрежения к чужим планам и чувствам, не в спешке... Он четко и ясно сделал все, чтобы у Олеси не осталось выбора, и она при любых «не хочу» была бы обязана приехать на станцию Утятينو. Письмо. Курьер. Машина. Александра Петровна подозревала, что телефон Дюкова сейчас наверняка недоступен (случалось уже такое в нужный момент) и ничего отменить нельзя.

– Рекламу принесли, да? – выглядывая из ванной, спросила Вика.

Проигнорировав вопрос дочери, Александра Петровна протянула конверт Лесе и с важностью произнесла:

– Иди в комнату и прочти. – И лишь потом ответила дочери: – Письмо от Василия Петровича.

– Какого?

– Дюкова.

Вика возвела глаза к потолку и скрылась за дверью ванной.

Александра Петровна помедлила в коридоре и тоже направилась в комнату. Вещи долго упаковывать не придется: собственно, они уже собраны для переезда. Возможно, поездка пойдет Олесе на пользу: хоть немного отложит ее самостоятельную жизнь... В конце концов, девочка должна испытывать благодарность за финансовую поддержку, которую Дюков оказывал много лет. Но...

Александра Петровна остановилась около круглого стола и приложила ладонь к груди.

«Что-то я туго соображать стала, медленно до меня доходит...»

Несколько остыв, запоздало она смогла оценить случившееся в полной мере: Василий Петрович Дюков, практически не общавшийся с родственниками, ведущий в глуши замкнутый образ жизни, немедленно желает видеть Олесю. И при этом не оставляет ей выбора. За последние девять лет Дюков поинтересовался девочкой только три раза, и вопросов у него было мало: сколько ей лет и какое у нее здоровье? И еще вроде был вопрос: по-прежнему ли она рыжая? И все. А теперь получается, что именно ее, Олесю, чудаковатый затворник зовет к себе в гости. Зачем? Возможно, желает убедиться, что деньги потрачены не зря...

«Нашел, в ком сомневаться. Во мне! – мысленно возмутилась Александра Петровна и чуть не топнула ногой. – Ему нужны доказательства? Он их получит!»

Или... Дюков наконец-то понял: самая обыкновенная старость приходит ко всем, а стакан воды должен принести именно близкий человек... Но было бы честно, если бы свое состояние Василий разделил между всеми родственными детьми, раз своих у него нет. Вика, Олеся, Ромка и Ира (Антонина бы, безусловно, обрадовалась) и... Александра Петровна остановила себя. Ей вспомнился ворчливый, скрипучий голос Дюкова, недовольный тон, раздражение, сквозившее почти в каждом слове, отрывистые фразы, нетерпение по отношению к другим.

«Если бы я не была мудрой женщиной, то посчитала бы, что Василий искренне ненавидит жизнь, человечество, а также землю и воду, но нельзя же поддаваться сплетням и скоропалительным суждениям. Он содержал Олесю, а значит, ему не чужды доброта и сострадание. Одиноким людям всегда трудно, и наш долг помочь им. Как говорится, старость – не радость». Александра Петровна осталась довольна собой, нервы улеглись, и происходящее показалось не таким уж странным.

– Тетя Саша, но зачем мне ехать и почему сегодня? – раздался удивленный голос Леси.

Александра Петровна протянула руку, взяла письмо, перечитала его, тщательно сложила и вместе с очками отправила в карман. Сопротивление бесполезно, долг Олеси – выполнить желание Дюкова. Этот момент – важный и принципиальный.

Неутомимая энергия забурлила в груди Александры Петровны с новой силой, щеки вспыхнули, на лбу собрались короткие тонкие морщины.

– Ты должна поехать, и лишние разговоры ни к чему. Погостишь и вернешься. Не забывай, чем ты обязана этому человеку.

– Но мы не знакомы.

– Самое время познакомиться. Ты собираешься поблагодарить Василия Петровича за то, что он для тебя сделал, или нет?

– Собираюсь, – кивнула Леся, слабо представляя эту картину. Ее воображения, художественного таланта, вдохновения не хватило, чтобы нарисовать Василия Петровича Дюкова и рядом – себя. Краски смешались и потекли пестрой рекой в сторону высоченных гор, окруженных непроходимыми лесами. – А где находится станция Утятино?

– Не так уж и далеко от Москвы, у меня где-то записано...

Александра Петровна деловито устремилась к трельяжу, а Леся посмотрела на часы, прикидывая, успеет ли дотащить свое небольшое имущество до квартиры. И все же не верилось. Письмо... Оно будто с неба свалилось и вмиг перечеркнуло мечты и планы. Почему курьер не опоздал хотя бы на пять минут?..

– Тетя Саша, а вы не могли бы позвонить Василию Петровичу? Я бы поехала к нему позже, дня через два. Ну какая разница... – Надежда имела право на жизнь, и пока не следовало падать духом. Леся обернулась на чемодан, оставшийся в коридоре, и нарочно, подталкивая хорошее вперед, а плохое отодвигая в сторону, представила, как открывает его и кладет вещи не на полки шкафа тети Саши, а на свои. – Позвоните, пожалуйста, – попросила она уже твердо.

«Упрямая, как... как...» – вспыхнуло в голове Александры Петровны, но подходящего сравнения не нашлось. Не сомневаясь в отрицательном результате, она взяла мобильный телефон и набрала нужный номер. Олеся должна слушаться ее с первого раза. Подумаешь, выросла, подумаешь, самостоятельной стала, но мозги-то еще набекрень! А дальше вообще непонятно как пойдет: замуж захочет и совета доброго не услышит, а разве в восемнадцать лет хорошего мужчину от плохого отличишь?

– Недоступен, – через несколько секунд победно объявила Александра Петровна, многозначительно приподнимая правую бровь. – Хочу напомнить, что в пять часов тебя будет ждать машина...

– Я успею, – перебила Леся и совершенно спокойно направилась к двери.

– Ты куда?! – выдохнула Александра Петровна.

– Перетащу вещи, а потом отправлюсь в Утятино. Я быстро. Три раза туда, три раза обратно и на электричку. Вы, пожалуйста, напишите подробно, как добраться до станции... – Леся подхватила чемодан, выпрямилась и миролюбиво добавила: – Вы же сами сказали, что это недалеко от Москвы.

Александра Петровна возмущенно всплеснула руками, однако в ответ последовал лишь щелчок дверного замка.

– Упрямая, как... как... Дюков! – с чувством произнесла Александра Петровна и поразилась подобному сравнению.

Но спокойствие Лесе далось нелегко: и сердце сбилось с привычного ритма, и дрогнули колени, и чемодан показался тяжелее штанги. Бегство – в данном случае это единственный способ превратить мечту в реальность (счет идет на минуты, не на часы).

Дверцы лифта закрылись, Леся прислонилась спиной к металлической стенке и склонила голову набок; она едет в будущее, и ничего страшного, что предстоит еще одно путешествие к дальнему родственнику. Душа и тело закалены Сергеем Сергеевичем, Антониной, дядей Андреем, тетей Машей, Кириллом Германовичем и другими. Она – Олеся Сотникова, известная лягушка-путешественница. А спорить с Александрой Петровной нельзя: затянет в свой омут – не выберешься.

* * *

Хвала электричкам, вокзалам, горячему кофе в картонных стаканчиках, бутербродам, пирожкам, коротким юбкам, позволяющим насладиться стройными ножками, и долгожданным наличным. Глеб потянулся, зевнул во весь рот, благодарно похлопал банкомат «по плечу» и сунул деньги в задний карман джинсов. Хорошо, когда не нужно усиленно вспоминать пин-код (потому что эти четыре цифры – год твоего рождения), когда в воздухе витает аромат свободы, кругом до боли знакомые грешники, а душа поет: «Тутс, тутс, тутс, пара-тутс, тутс, тутс». Не выдать ли чечетку прямо здесь, на вокзале?!

До Москвы он добрался, теперь можно и отдохнуть... Вот только спина ноет после ночи, проведенной на старой жесткой кровати. Глеб поморщился, улыбнулся мыслям и направился к выходу. Взгляд автоматически фокусировался на молодых женщинах, удовольствие от лицезрения пышной груди или тонкой талии добавляло походке бодрости, а глазам – блеска. Отлично: иди, куда хочешь, делай что вздумается и... надейся, что расплата наступит не скоро.

Пройдя мимо касс, поднявшись по ступеням, Глеб вышел на привокзальную площадь и двинулся в сторону желто-оранжевых такси. Но, преодолев половину пути, остановился и с удовольствием сделал пару глубоких вдохов, шум живого многолюдного города стал громче, будто кто-то неведомый увеличил звук. Майское солнце,

вынырнув из-за ватных облаков, обожгло лицо, рыжая девчонка в зеленых брюках, длинном коричневом свитере, коротком черном пиджаке и грубых ботинках притянула взгляд. Невысокая, волосы слишком яркие, дурацкий чемодан, спешная походка... Малявка еще. Такие не могли вызвать у Глеба особого интереса (скучно, и возни много), он переключил внимание на мчащиеся машины и вновь зашагал в сторону такси. Сейчас его устроит любая гостиница.

«Любая шикарная гостиница, – мысленно уточнил он, почесал заросший подбородок и улыбнулся. – Горячая ванна, белое махровое полотенце, чашечка кофе, отличный коньяк...»

Улыбка стала шире и циничнее. Глеб крутанулся на месте, как заправский танцор, чем привлек внимание окружающих, и выдал ликующее: «Опа!» Вдали, среди отъезжающих и приезжающих, вспыхнула, а затем погасла рыжая голова. Девчонка отправлялась неизвестно куда, что, безусловно, прекрасно – скатертью дорога, детка! Счастливого пути!

– Такси, такси, – пропел Глеб и вдруг почувствовал нарастающее тепло в ногах, оно сжало щиколотки, а затем поползло вверх, ослабляя мышцы, проникая в кровь и каждую клетку тела... – Нет, – сорвалось с губ. Сердце, сто раз привычное к подобным моментам, дернулось и заныло, еще надеясь на ошибку. – Нет, нет... Только не сейчас. Имейте совесть!

Глеб споткнулся, точно под ногами оказалась невидимая преграда, но упрямство и острое желание отстаять право на свободу несколько укрепили его силы, хотя... Он знал: это самообман.

«Ладно, готов пообщаться по существу, – Глеб разумно встал на путь переговоров. – Что от меня требуется? Давайте решим все вопросы максимально быстро, и я поеду в гостиницу пить крепкий черный чай... Обещаю, никакого коньяка, – не удержавшись, он хохотнул и торопливо продолжил: – В конце концов, я имею право на отпуск. Банальный отпуск. Дня три-четыре... А? Договорились?»

Тело развернуло, и перед глазами опять появилась белая надпись «Казанский вокзал».

– Стоп, – тихо произнес Глеб. – Но я же добрался до Москвы, и никто, ни одна собака страшная... – В боку весьма болезненно кольнуло. – О, прошу прощения, погорячился, – абсолютно не сожалея, извинился Глеб. – Но почему же раньше...

Стараясь получить разгадку, он осекся и прислушался: частенько ответы лежат на поверхности, главное – суметь их взять. Однако подсказка не бросилась в глаза, какой-либо звук не потребовал к себе повышенного внимания, в голове стояла густая тишина. Глеб дернул плечом, пытаясь избавиться от безоговорочного подчинения, но тяга невероятной силы потащила его вперед, не давая возможности даже избежать естественных препятствий.

– Не так быстро, не так быстро, – произнес он и налетел на тучную даму в коротком кожаном пальто. – Простите, мадам, – игриво выдал Глеб, приобнимая женщину правой рукой. – Если бы не обстоятельства, я бы – ух! – Договорить он не успел, ноги понесли дальше, да так, что занули колени. – Эй, нельзя ли в другую сторону? Или немного помедленней? – Из вредности, поощряя дух сопротивления, Глеб вцепился в перила лестницы и вытянулся вдоль ступенек в неестественной позе, пришлось крепче сжать пальцы, чтобы удержаться. – Что смотришь? – рявкнул он на маленького мужичка, проходящего мимо. – Может, я устал и прилег отдохнуть!

Мужичок резко отвернулся и ускорил шаг, его примеру последовали еще человек пять, а Глеб с трудом выпрямился, выругался и сразу увидел рыжую голову, мелькающую в толпе.

Девчонка.

С коричневым чемоданом.

Ответ на вопрос...

«Так, ладно, я понял: нужно догнать эту крошку. Зачем? Считаете, она может мне понравиться? – Глеб едко улыбнулся, не сомневаясь, что шутка не пришлась ко двору. – Хорошо, я иду за ней. Заметьте, сам, добровольно. Прошу занести это в личное дело и жирно подчеркнуть, а лучше бы при случае меня поощрить».

Глеб поднял правую руку, почувствовав долгожданную самостоятельность в движениях, расправил плечи и нарочно неторопливо стал спускаться по ступеням. Тело больше не горело, ничто не толкало в спину, но выбора все равно не существовало: девчонку нужно догнать.

Рыжая голова исчезла, Глеб бросил: «Черт побери!» – получил еще один болезненный укол в бок, дернулся и все же с нескрываемой иронией прошептал:

– Да, я знаю, употреблять такие нехорошие слова, разговаривая с Небесной канцелярией, дурной тон. Больше не буду, честное слово, больше не буду.

Девчонка вынырнула левее, около касс, Глеб устремился следом, гадая, к чему все это должно привести.

«Мне ее соблазнить? Неужели? Симпатичная...»

Он продолжил развлекаться, пытаясь продемонстрировать непокорность хотя бы таким образом, но резкий холод сжал виски, и уже знакомое равнодушие тугим комком подкатило к горлу. Девчонка для Глеба мгновенно перестала принадлежать к прекрасному полу, она больше не воспринималась симпатичной рыжеволосой девушкой, которая, возможно, однажды превратится в эффектную женщину. Она все так же стояла в очереди в кассу, поглядывая то направо, то налево, но на ее узких плечах, маленькой груди, тонкой талии взгляд больше не останавливался. Взгляд не делил ее на зоны возбуждения и не оценивал по пятибалльной шкале. Ох, как же Глеб не любил, когда с ним так поступали...

«Ну и кто вы после этого? – огрызнулся он. – Зачем? Она мне на фиг не нужна!»

Боясь, что запрет распространяется на всех женщин, Глеб повернул голову и уставился на первую попавшуюся стройную брюнетку. Короткая юбка, черные колготки, дутая розовая жилетка поверх розовой же водолазки, волосы стянуты в высокий хвост, ровная челка доходит до бровей, длинные черные ресницы обрамляют кошачьи карие глаза... Стандартная волна желания порадовала и успокоила Глеба, и настроение скакнуло вверх!

– Значит, только эту девчонку нельзя? Ладно, договорились, – весело прошептал он и услышал приятный голос: «Мне нужен билет до Утятина»... Что?.. М-м, наверное...»

Так он и знал, так и знал, что придется тащиться в какую-нибудь дыру! «Кто ты? И с какой стати меня приставили к тебе?» Глеб прищурился, продвинулся к кассе и занял очередь, не отводя глаз от девчонки.

Как ее зовут?

Где живет?

К кому едет?

И где она взяла этот жуткий чемодан?!

Глеб представил, как прикасается к чемодану и безошибочно читает его судьбу, слышит голоса, видит руки и лица, получает ту самую информацию, которая бы его сейчас очень порадовала, но увы, возможности такой нет. Рыжая крошка ни за что не позволит донести ее пожитки до перрона. Скажет «я сама» и ускорит шаг. Еще бы! С его-то заросшей физиономией! Да и вряд ли крошка является доверчивым созданием. В таких-то солдафонских ботинках! Глеб досадливо сморщился и шепнул на ухо впереди стоящему мужчине: «Эй, приятель, пропусти меня вперед. Ты же не против, правда?» Получив удовольствие от минутной власти, не дожидаясь ответа, он обошел мужчину, рассеянно смотревшего по сторонам, явно позабывшего, зачем он приехал на вокзал, и мягко произнес в полукруглое окошко:

– Мадам, а мне тоже нужно доехать до Утятина. Будьте любезны, порауйте одинокого странника счастливым билетиком.

Девчонка плохо ориентировалась, что дало возможность быстро ее нагнать. Глеб пристроился сзади, сунул руки в карманы и неторопливо пошел следом. «Какой же чудесный день ты мне испортила, малышка. Как не стыдно... Ай-яй-яй... – Усмехнувшись, он прибавил шаг и, желая узнать хоть что-то, попытался уловить аромат рыжих волос. – Шампунь на крапиве. Ты любишь крапиву, детка? Только этого мне не хватало».

Глеб подавил желание заставить девчонку отдать чемодан (не слишком-то сосредоточишься в суматохе вокзала, и силы потратятся зря). Еще не время, да и куда торопиться? Он же не положительный персонаж и имеет право потянуть резину... «Я иду за ней. Без проблем. Все, как вы хотели. Кстати, какие будут пожелания? Мне угостить ее чашечкой кофе с коньячком или спеть колыбельную на ночь? Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, а ложись-ка ты у стенки, я пощупаю коленки... Нормально? Я не поэт, только учусь, прошу учесть это».

В электричке Глеб сел так, чтобы видеть девчонку.

«Полтора часа созерцания рыжей головы вряд ли подействуют на меня умиротворяюще, – пошутил он, лениво положил ногу на ногу и покосился на попутчицу справа. Пожилая женщина в синем тренировочном костюме и коротких резиновых сапогах листала тощий журнал с кроссвордами, готовясь к долгому пути. – Да я практически в

цветнике! Дорогуша, позвольте отгадать что-нибудь по вертикали; я, знаете ли, недолгобливаю вялую горизонталь».

Глеб скучающе глянул в окно, мысленно попрощался с Москвой, со всеми вместе взятыми шикарными гостиницами и закрыл глаза. Часик он подремлет, девчонка никуда не денется, можно расслабиться и посмотреть цветные сны.

– Баю-баюшки-баю, – тихо протянул Глеб, не сомневаясь, что пожилая женщина (после подобного исполнения) оторвалась от журнала, подняла голову и посмотрела на него удивленно и опасно. – Не обращайтесь на меня внимания, – не открывая глаз, сказал Глеб, добавляя голосу трогательные ноты: – Матушка часто пела мне колыбельные в детстве, и я до сих пор храню память об этих волшебных минутах.

Сколько же нужно иметь силы воли, чтобы не заржать в этот момент!

Станция Утятинo особого движения в вагоне не вызвала: вещи прихватили лишь высокий худощавый старик в длинной серой куртке и рыжая девчонка. На платформе гулял ветер, кучками валялись бумажки, окурки и прочий мусор, по краю сквозь стыки бетонных плит и трещины в асфальте пробивалась трава, оградительная решетка радовала яркой зеленой краской.

Девчонка огляделась и неуверенно направилась к ступенькам. Глеб увидел две машины: голубую развалюху с проржавленным капотом и черный джип, припаркованный гораздо дальше, у дороги и редкого лесочка из берез, рябин и осин.

Ее ожидали.

«Та-а-ак... Делаем ставки, дамы и господа, делаем ставки, – пролетела мысль, наполненная азартом и любопытством. – Развалюха или джип. Джип или развалюха?..»

Положив руку на тонкие металлические перила, Глеб пожалел, что нет сигарет, и замер, пытаясь угадать: кто приехал за его подопечной? Курение, как ни странно, так и не прилипло к нему окончательно – Глеб то дымил, то надолго забывал о пагубной привычке, абсолютно не страдая от этого.

Сначала девчонка приблизилась к развалюхе, поговорила с водителем, а затем направилась к джипу. Так же пообщалась с водителем, обошла машину и открыла дверцу. В ее движениях

присутствовала некоторая напряженность, но лицо оставалось спокойным, даже, пожалуй, светлым. Лучшего определения Глеб не подобрал.

– Эй... стой... – спохватившись, выдохнул он и быстро направился по тропинке к дороге. – Стой, тебе говорят. Эй, ты куда?..

Автоматически Глеб четко, хладнокровно сформулировал желание и отправил его огненной стрелой в рыжую макушку, но... ничего не произошло. Ни задержки, ни взгляда, ни сомнения, ни хотя бы колебания в воздухе – девчонка забралась в джип, и дверца с отдаленным звуком захлопнулась. Притормозив, Глеб, не веря собственным глазам, удивленно уставился на поднимающиеся дорожные клубы пыли. Они затемнили дорогу, расширились, будто хотели посмеяться: «Не вышло, приятель? А никто и не говорил, что будет легко!»

Она уезжала.

Не подчинившись.

Девчонка совершенно свободна от его силы.

– Твою мать! – с чувством рывкнул Глеб, поддал ногой приличный булыжник и разразился продолжительными ругательствами.

Собственно, не новость, что на часть людей не действуют чары, которыми иногда его наделяют. Если человек слишком сильный, умный, свободный или стоит запрет («На судьбу не влиять»), то усилия напрасны, любые приказы, долетая, будут рассыпаться и оседать на землю невидимым пеплом. Вот только влиять на судьбу девчонки – разрешено! Ограничения всегда чувствуются, не перепутаешь, но невозможно поверить, что эта малявка сильнее его воли. Невозможно!

«Я найду тебя, и посмотрим, кто кого», – проворчал Глеб, игнорируя тот факт, что искать придется в любом случае, хочет он того или нет.

Водителем развалюхи оказался светловолосый паренек лет восемнадцати. Веснушки запорошили лицо и руки, голубые глаза сияли искренностью и любовью ко всему, что находилось в радиусе тысячи километров. И было ясно: свою машину он обожает, несмотря на обнаглевшую ржавчину, поцарапанные бока и протертые кресла. С зеркала свешивались многочисленные мелкие сувениры, по панели тянулись яркие наклейки, на руле красовалась новенькая бордовая бархатная оплетка.

– Привет, – заглянув в салон, оценивая обстановку и паренька, легко и непринужденно поздоровался Глеб. – Хорошо у тебя здесь.

– Ага.

– Дежуришь?

– Приперся раньше, как дурак. – Паренек потер ладонью нос и посмотрел в сторону платформы. – Тетка должна из города приехать, если не встречу – убьет. Запилит до смерти!

– Понятно. И давно кукуешь?

– Не-а, минут десять. Тебя как звать?

– Глеб.

– Я – Степан.

– А мне вот, Степа, девчонка понравилась... На джипе сейчас умотала. Чья тачка, не знаешь?

– Известно, чья, – Дюкова! Он на ней уже лет пять разъезжает, хотел бы я такую. Дай-ка вылезу, надоело сидеть.

Глеб отступил, паренек распахнул дверцу и вышел из машины, прихватив пачку сигарет.

– А о чем тебя девчонка спрашивала?

– Так о том и спрашивала! От Дюкова я или нет. Василием Петровичем его величала, уважительно. Смех, да и только.

– Почему? – Глеб, готовый ухватить любую информацию за хвост, напрягся, но мгновенно изобразил на лице веселость и легкое любопытство.

– Чокнутый он, ей-богу, чокнутый. У нас им детей пугают. – Степа чиркнул спичкой и затрясся от смеха. – Меня вот тоже пугали. Ну я, понятное дело, боялся. Мать говорила: утащит тебя Дюков в подвал и съест с потрохами! Весело!

– Живет-то он где? Далеко?

– Не-а, рядом с нами, – махнув в сторону леса, ответил Степа.

«Спасибо, весьма подробно объяснил», – мысленно усмехнулся Глеб.

– Подбросишь?

– Ага. Только ты мне рублей сто при тетке дай, а то задарма она не одобрит.

– Без проблем, договорились.

Пользуясь разговорчивостью паренька, Глеб задал еще несколько вопросов, но ничего полезного разузнать не удалось: раньше девчонка

здесь вроде не появлялась, как зовут – неизвестно.

«Ничего, крошка, скоро мы с тобой встретимся. Надеюсь, наше знакомство будет коротким и необременительным. Интересно, что тебе от меня нужно?.. И еще более интересно, что мне нужно от тебя?»

Глеб поднял голову. Небо поражало чистым голубым цветом, но два небольших облака плыли рядом в неизведанные дали – одно за другим, точно связанные невидимой нитью.

– Очень смешно, – едко прокомментировал Глеб.

Глава 3

С тайной всегда соседствует волнение, а если предстоит встретиться лицом к лицу с давней легендой, то лучше сразу подготовиться и к трепету в груди, и к дрожи в коленках, и к шуму в ушах. Даже если эта легенда – странный, далекий Василий Петрович Дюков.

Полпути Леся с улыбкой думала о переезде, случившемся наперекор трудностям и сопротивлению тети Саши. В голове крутились обрывки фраз, открывались и закрывались дверцы лифта, звучал стук ботинок о ступеньки, и продолжало лететь «...успею, успею, успею!». Все получилось, обратной дороги нет и не будет: вот так тихонько, осторожно, хорошо и правильно исполняются мечты. Папка с рисунками осталась дома, потому что приятно, когда кто-то или что-то ждет твоего возвращения, но в чемодане лежат планшет, бумага, всевозможные карандаши, пастельные мелки...

А затем появился расплывчатый полупрозрачный образ Василия Петровича. Леся представляла его то высоким стариком с седыми бакенбардами, то маленьким крепким мужчиной с короткой шеей и жесткими черными усами. Она гадала, зачем он пригласил ее к себе, если с родственниками практически не общается, можно ли будет уехать через неделю, не задержит ли Василий Петрович дольше обещанного?

За полчаса до Утятина Леся почувствовала первый приступ любопытства: кто ее дядя, какой он? Александра Петровна настойчиво советовала называть Василия Петровича именно дядей. «Какая разница: двоюродный или троюродный? Так лучше, проще и по-человечески. И не забудь выразить благодарность!» Леся в ответ кивнула, согласившись сразу на все. Александра Петровна упаковала в блестящую подарочную бумагу клетчатый шерстяной шарф, купленный Сергею Сергеевичу на день рождения, и строго сказала: «Ты подготовить подарок уже не успеешь, а с пустыми руками появляться на пороге Дюкова – дурной тон. Подаришь шарф, зимы одинаково холодные и здесь, и в Утятине».

Устроившись поудобнее в машине, пристегнувшись ремнем безопасности, Леся позвонила тете и сообщила, что все в порядке: ее

встретили, и минут через двадцать путешествие закончится. «Я надеюсь, мне не придется за тебя краснеть». – Голос Александры Петровны прозвенел, как натянутая тетива. «Конечно, нет, тетя Саша, – легко ответила Леся и торопливо добавила: – До свидания». Ей хотелось ехать молча, смотреть в окно, считать деревья, любоваться красотой природы, запоминать разноцветные мгновения, чтобы потом перенести их на бумагу.

Любопытство подпрыгнуло до небес, когда джип остановился около дома Василия Петровича. Леся ожидала увидеть добротный дом, огороженный, скорее всего, высоким забором, каменную дорожку, ведущую к крыльцу, подстриженную траву, просторную беседку с монолитным деревянным столом и стульями, ряд педантично, ровно высаженных кустов... И Сергей Сергеевич, и дядя Андрей, и тетя Маша, и тетя Саша всегда подчеркивали обеспеченность Василия Петровича, поэтому, по элементарной логике, он должен жить хорошо.

Машина медленно въехала во двор, оставив позади широкие кованые ворота, Леся открыла дверцу, вышла и удивленно приподняла брови... Перед ней возвышался дом – огромный, частично каменный, частично дощатый, с башнями-пристройками, с крутой лестницей, поднимающейся до балкона, темным крыльцом, практически съеденным толстыми длинными ветками незнакомого вьющегося растения. На ветках зеленела листва, но они все равно напоминали узловатые корни вековых деревьев, произрастающих в дремучих лесах. Одна башня-пристройка походила на безумную старуху, собирающуюся станцевать канкан, другая чуть накренилась, или так почудилось... Балкон выглядел добротным, по его периметру тянулись коричневые ящики для цветов – по всей видимости, их не использовали много лет.

– Пойдемте, я вас провожу, – раздался хриловатый голос водителя.

– Да, спасибо... – тихо произнесла Леся, не в силах оторвать взгляд от пейзажа. Теперь она изучала территорию вокруг дома, это оказалось не менее увлекательно.

Дорожки уходили и вправо, и влево, их ограждали узкие полусгнившие доски и кирпичи, трава росла островками – высокая, низкая, стелющаяся по земле. Две скамейки давно потеряли цвет: коричневая краска шелушилась, напоминая лишайник. Взгляд

зацепился за высохшие кусты, плотно растущую облепиху, бревна, наваленные бесформенной кучей около раскидистых яблонь, скворечник, повисший на одном гвозде. Но забор был идеальным – свежий, стройный, будто по линейке начерченный.

Здесь не мог жить разумный и успешный предприниматель: это место больше подходило старому колдуну, не терпящему перемен и не ждущему гостей. Впрочем, если верить Сергею Сергеевичу, дяде Андрею и тете Маше, отчасти так и было. Леся улыбнулась, представляя выражение лица Александры Петровны, окажись та в данную минуту рядом.

«Ка-та-стро-фа», – прочеканила Леся, устремляясь за водителем к крыльцу. Да, тетя Саша оценила бы увиденное именно так. Она всплеснула бы руками и непременно взялась за уборку. Ее энтузиазма хватило бы даже на то, чтобы перебрать и ровно уложить бревна, спилить сухие ветки облепихи и заставить яблони подобрать животы и расправить плечи. «Потом я все хорошенько осмотрю, здесь интересно», – подумала Леся, готовясь ко встрече с Василием Петровичем Дюковым. Волнение коснулось ее светлой кожи, щеки порозовели, и пришлось глубоко вдохнуть и выдохнуть, чтобы вновь обрести уверенность.

По всем признакам, внутри дома тоже должны были царить запустение и беспорядок, но в гостиной Леся увидела белоснежные бархатные диваны, кресла цвета слоновой кости, овальные, прямоугольные, круглые зеркала, пять картин в тяжелых узорчатых рамах, светлую массивную четырехдверную тумбу, заставленную подсвечниками и всевозможными статуэтками, круглый стол и стулья – тоже из светлого дерева. Паркет блестел, точно его покрыли лаком совсем недавно, полосатые серо-коричневые шторы, собранные в замысловатые складки, спускались до пола и частично скрадывали свет, люстра поражала размерами и избытком золотых деталей. Ни пылинки, ни соринки. Резиденция короля, да и только.

«Ничего себе...» – Леся еще раз обвела гостиную цепким взглядом и потянулась к картинам, захотелось узнать хоть что-нибудь о пристрастиях Василия Петровича. Несоответствие внешнего и внутреннего обликов дома изумило до дрожи в груди.

– Пойдемте, ваша комната – за кухней, – вмешался в планы водитель и направился в противоположную от лестницы сторону.

Разочарованно закусив губу, оглядываясь, Леся зашагала к арочной двери, отделанной тонкими металлическими полосками и мозаикой из разноцветного матового стекла. Но уже через несколько секунд гостиная была забыта – полутьма узкого мрачного коридора окружила со всех сторон, под ногами оказался шершавый каменный пол, в груди екнуло, заныло, а руки нетерпеливо потребовали карандаш и бумагу. Теперь Леся понимала, что внутри дом такой же непредсказуемый, необычный, как и снаружи: за спиной осталось богатое убранство, впереди маячила неизвестность.

«Я обещала тете Саше звонить почаще, но надо ли говорить ей правду?.. Вряд ли...»

Они очутились в одной из башен. Два поворота (в нос влетели запахи пряностей и свежесдобитого хлеба), маленькие квадратные окна на уровне глаз, затем потянулись обшарпанные стены, и вот наконец водитель остановился, указал на самую обыкновенную дверь и безучастно произнес:

– Это ваша комната, устраивайтесь. Ужин принесут. Туалет – дальше по коридору.

– А-а... Василий Петрович...

– Он встретится с вами за завтраком.

Сказав это, мужчина поставил чемодан на пол, развернулся и бесшумно удалился. Леся расстегнула пуговицы пиджака и дала себе минуту на размышления.

Дядя не пожелал увидаться с ней сегодня, стоит ли этому удивляться?

Пожалуй, нет. Пришло время признать, что Василий Петрович действительно странный человек, и, скорее всего, его душа похожа на этот дом...

Леся кивнула, посмотрела под ноги на посеревший от времени ковер и прислушалась, но до нее не долетали ни шорохи, ни голоса, ни какие-либо другие звуки.

– Вот так, – тихо произнесла она, убрала волосы от лица и решительно зашла в комнату.

«Бабка Лиза хоть и вредная, и любит иногда хорошенько приложить по макушке, но если сравнивать с моей теткой, то почти ангел!» После такой рекомендации словоохотливого Степы Глеб уже не мог поселиться у кого-нибудь другого. Долго ему торчать в Утятине или нет – не ясно, но сегодня он в любом случае не поедет в Москву. Накатался, хватит.

Бабка Лиза!

Почти ангел!

Как же он любит это многообещающее «почти»... Слово короткое, невесомое, но за ним тянется длинный шлейф шершавых поступков, которым так легко находить оправдания. Хотя стоит ли? Кому не нравится, тот пусть идет своей дорожкой, не оглядываясь, а то еще башку свернет ненароком или споткнется и – упс! Глеб не сдерживал улыбку, настроение у него было отличное, что неудивительно после двух тарелок щей и здорового куса ржаного хлеба.

– Коньяк, полагаю, спрашивать бесполезно? – откинувшись на спинку стула, вытянув ноги под столом, насмешливо спросил Глеб.

– Коли вылететь из избы не боишься, милоч, то спроси, – ласково ответила хозяйка, складывая полотенца ровной стопкой, и добавила: – Спроси, соколик.

– Но, надеюсь, самогон-то имеется, Елизавета Ильинична?

– Имеется. Вот только эта отравка в оговоренную сумму не входила.

Глеб от души расхохотался, размяк и неподвижно продолжил следить за ловкими движениями хозяйки. Образ рыжей девчонки отступил: зачем ломать голову, кто она и что придется делать дальше? Теперь они связаны накрепко, чуть позже тайное все равно станет явным. «Надеюсь, мои дорогие, работенка предстоит не пыльная. А то вдруг не справлюсь, оплошаю, что делать станете?.. Ладно, ладно, знаю, что обтяпать все побыстрее в моих интересах. – Глеб недовольно сморщился. – Торчать здесь долго я не собираюсь».

Побарабанив пальцами по столу, он посмотрел на круглый будильник, зажатый на полках буфета между большими фарфоровыми банками, на гжельские статуэтки, выстроенные по росту, на короткие цветастые шторы, не достигающие до узких подоконников сантиметров на пять, и отметил:

«А я, в общем-то, хорошо устроился».

Елизавета Ильинична ему понравилась сразу: маленькая, сухонькая, с морщинистым лицом, тонкими белыми руками, покрытыми пигментными пятнами, седая, но важная и гордая, точно королева перед подписанием судьбоносного указа. Можно не сомневаться: либо никогда не выходила замуж, либо похоронила мужа давным-давно. И книгу своей жизни на этом закрыла. Живет вроде и тихо, но вряд ли в деревне найдется человек, дворняга или кошка, не знающие, кто такая Елизавета Ильинична. Псы наверняка поджимают хвосты, увидев ее.

Глеб не стал проверять догадки – ни к чему: бабка Лиза, как звал ее Степа, имела право на любое прошлое и настоящее, так как была «почти ангел».

– А мне говорили, у вас тут своя достопримечательность имеется... – Глеб подпер щеку кулаком и приподнял брови. – Василий Петрович Дюков.

– Есть такой, – в ответ кивнула Елизавета Ильинична, не расщедрившись на эмоции.

– Свирепствует, людоедствует, дев юных похищает. Да?

– Тьфу на тебя.

– Понятно. – Глеб широко улыбнулся и прищурился. – А найти Дюкова где можно?

– Как выйдешь из избы, ступай налево, в замок его и упрешься. – Подхватив стопку белья, Елизавета Ильинична подошла к шкафу и оглянулась. – Только гостей Дюков не жалует. Гости вызывают у него острую трясучку и желчегонку. Сожрет тебя, подавится, так вам обоим и надо будет.

– До чего же вы конкретная женщина, Елизавета Ильинична, – медово произнес Глеб и посмотрел на нее с обожанием. – Поверьте, вас ждет место в раю.

– А это не тебе решать. Занимайся своими делами, а в мои носа не суй.

– Решать, конечно, не мне, но я просто знаю. – Глеб поднялся, отвесил игривый поклон и уже на ходу добавил: – Поверьте, Елизавета Ильинична, на Небесах ценят чувство юмора. Быть может, только оно до сих пор и спасает мою паленую шкуру.

Небрежно хлопнув дверью, Глеб вышел сначала во двор, затем на дорогу и, насвистывая, вразвалочку двинулся в указанную сторону.

Значит, Дюков не терпит гостей, но девчонка к нему приехала... Не прибил бы Василий Петрович малютку! А то еще спасать придется... И почему бабка Лиза назвала дом этого чокнутого замком?

Ответ на вопрос Глеб получил минут через пятнадцать, когда деревня осталась позади вместе с редкими соснами и елями, а перед глазами, окруженные вечерней полутьмой, появились очертания стен и крыши... Камень, доски, башни-пристройки, крутая лестница, поднимающаяся до балкона, крыльцо, дымоходные трубы...

Он уже видел этот дом.

Видел!

– Какого... – Но ругань прилипла к языку и медленно, обжигаяще поползла обратно в душу, старательно задевая по пути каждое ребро. Шумно втянув воздух в легкие, Глеб зло хлопнул ладонью по лбу и издал тихий, но весьма выразительный рык. Кажется, он совсем расслабился и превратился в законченного кретина, у которого вместо мозгов щи. Наваристые, но все же – щи! – Дурак... Какой же я дурак... Я же знал, что все не просто так...

Да, совсем недавно он был около дома Дюкова. И даже мысленно пробирался сквозь стены в коридоры и комнаты. Очнулся в лесу, прошагал километра три и наткнулся на эту Мечту Умалишенного Архитектора. Или как еще назвать «замок» чокнутого Василия Петровича? Помягче вряд ли получится, а покрепче... Так наверняка же опять начнет колоть в боку. Да, Небесная канцелярия?

Глеб отступил на шаг, проигнорировал гневную дрожь в позвонках, провел пятерней по волосам и почувствовал себя привычно-первоклассным охотником, каким он и был последние годы (не считая затяжных периодов, отягощенных алкоголем и однообразными отношениями с женщинами). Взгляд стал жестче и холоднее.

Нет... Нет... Тот дом был точно таким же, но... другим. Отражение в воде никогда стопроцентно не копирует действительность: рябь меняет линии, изгибы, детали, искажает, прикрывая неточности бликами и тиной. Сейчас Глеб видел перед собой именно такое отражение и вспоминал момент, когда прислонился к холодным стенам и получил желаемое. Каждый камень,

каждая доска того дома были пропитаны гордыней, тщеславием, алчностью, непокорностью и прочими ядами, которыми он и сам частенько жонглировал, как ловкий циркач.

– Причем с удовольствием, – усмехнулся Глеб и заметил на крыльце рыжую девчонку. Все в тех же солдафонских ботинках, зеленых брюках, длинном коричневом свитере, коротком черном пиджаке, но уже без дурацкого чемодана. – Надо же, не сожрал тебя людоед Дюков. Родилась ты, видимо, крошка, под счастливой звездой. Решила прогуляться? Ладно, я с тобой.

* * *

Комнату будто специально очень долго и планомерно пропитывали одиночеством. Леся не смогла бы объяснить или нарисовать свои впечатления. Острое желание передвинуть, изменить, перевернуть все вверх тормашками вызвало у нее сначала спазм протеста в животе, а затем улыбку.

– Похоже, я попала в странную сказку, – прошептала она, остановив взгляд на большущей кровати со старомодными перинами и многочисленными подушками. Нетрудно было представить, что под второй или третьей периной находится та самая горошина, на которой давным-давно отлежала бока изнеженная принцесса.

Кровать выделялась из общей обстановки, все остальное казалось жестким, серым, позабытым, заброшенным. На полках шкафа стояли мутные, запыленные хрустальные бокалы и две рамки без фотографий, книги лежали стопкой, тряпичная темно-зеленая люстра, украшенная бежевой бахромой, нависала над маленьким круглым столиком, застеленным серой скатертью. Это был иной мир – совсем не тот, что царил в гостиной, здесь обитало прошлое, но чье? «Непонятно». – Леся покачала головой, бесшумно вздохнула, постояла немного, а затем внесла чемодан в комнату, достала кожаный планшет, села на край кровати и принялась рисовать. Сейчас ее не заботили детали – наоборот, рука двигалась, опережая мысли. Карандаш летел по бумаге, оставляя короткие и длинные резкие штрихи.

Леся надеялась сгладить это неуютное ощущение в душе, отыскав разгадку комнаты не в реальности, а на рисунке: то, что не видят глаза,

вполне может уловить чутье художника.

Через несколько минут, остановившись, чувствуя тонкую ноющую боль в пальцах, Леся посмотрела на рисунок. Мебель, окно, книги, почему-то кривой потолок, будто давит на него что-то с одной стороны, дощатый пол и... силуэт незнакомой девушки около круглого столика. Юной, красивой и, кажется, гордой... Неспроста же у нее вздернут подбородок. Кто знает, возможно, здесь действительно когда-то жила вот такая девушка. Много лет назад.

Леся положила планшет на покрывало и практически сразу услышала стук в дверь.

– Войдите, – произнесла она и, гадая, кто к ней пожаловал, поднялась.

– Добрый вечер. – В комнату бесшумно вплыла полная женщина в синей униформе и чудном белом чепце. Одной рукой она прижимала к пышной груди поднос с тарелками и чашкой, другой держала стеклянный кувшин, наполненный водой. – Ужин, – бесцветно произнесла женщина и принялась неторопливо, без лишних движений накрывать на стол.

– Добрый вечер, спасибо, – ответила Леся, сразу сообразив, что вопросы задавать бесполезно.

Голод мгновенно дал о себе знать: в животе заныло, запело на все лады, ароматы горячей еды влетели в нос и зашекотали. Тушеные овощи, отварная говядина, большие куски черного хлеба, тонко нарезанный желтый и белый сыр, широкая чашка кипяточного чая вызвали у Леси довольный продолжительный вздох. Все же Василий Петрович думает о ней... Интересно, он в доме? Смотрел в окно, когда она приехала? В душе прозвучал утвердительный ответ, любопытство заерзло и замерло, приберегая силы на будущее.

Было бы здорово отправиться на экскурсию по этажам, коридорам и комнатам, осмотреть башни-пристройки, заглянуть в маленькие закутки, а таких наверняка много, и, пока никто не видит, изучить все, что только можно и... нельзя. Но увы, это под запретом.

Леся поела довольно быстро, разложила вещи на полках шкафа, отправила чемодан под кровать, пролистав книги и сделала два почетных круга по комнате. Больше всего ей хотелось уйти отсюда, чтобы не чувствовать тоски, пропитавшей хрустальные бокалы, рамки

для фотографий, «Графиню де Монсоро» и даже подушки. Все слишком странное, не за что зацепиться, и не к чему привязаться.

– Но долг превыше всего, – тихо произнесла Леся и улыбнулась, вспоминая Александру Петровну.

А если отнести тарелки на кухню?

Знать бы еще, где эта кухня...

Хотя известно – поблизости.

Да, пойти как будто на кухню, но очень сильно ошибиться дверью и очутиться, например, в гостиной или в комнате Василия Петровича. «Ой, здравствуйте, дядя...» Улыбка стала шире. Леся тряхнула головой, убрала рыжие пряди за уши и приняла твердое решение прогуляться. Нет, не по дому, а по окрестностям. Они проезжали деревню, поле, березы и сосны, извилистую речку, холмы – пускай уже вечер, но можно присмотреть хорошее место и завтра отправиться рисовать. Да и разведка никогда не помешает, главное – запомнить дорогу назад.

Не желая ни с кем встречаться и отвечать на вопросы, Леся осторожно, бесшумно покинула дом, на минуту задержалась на крыльце, а затем направилась в сторону деревни. Она шла мимо заборов, яблонь, редких скамеек, облепихи, собак и кошек. Легкость чувствовалась в каждом шаге, и вовсе не хотелось оглядываться на странный замок Василия Петровича Дюкова.

С удовольствием вдыхая головокружительный воздух свободы, Леся бодро дошагала до конца деревни, свернула вправо и устремилась дальше. Ноги сами ступили на тропинку – широкая дорога осталась за спиной (ну и пусть), взгляд жадно фотографировал вечер, весну, природу, дорисовывал, докрашивал, увеличивал или уменьшал.

Впереди, среди деревьев, замаячил дом, и Леся пошла медленнее – деревня осталась позади, так кто же живет здесь?

Чем ближе она подходила, тем больше возрастало удивление и чаще билось сердце.

* * *

– Да, крошка. – Глеб привалился плечом к дереву и скрестил руки на груди. – Они почти одинаковые. Как приятно, что не мне одному ломать голову над этой задачей. Малышка (веришь?), я люблю тебя за это.

«Итак, подведем итоги. Есть деревня и два дома-близнеца, построенные слева и справа от нее. К одному дому меня ноги привели... вчера... Хм, случайность, конечно, исключаем. Что ж, похвально, все продумано до мелочей. А в другом живет девчонка, к которой я, собственно, и приставлен. Как же я сразу не узнал эту деревеньку?.. С другого края заходил... – Глеб усмехнулся и с иронией мысленно добавил: – В такие моменты я чувствую свое несовершенство».

Он бы расхохотался, громко, на весь лес, но девчонка не должна знать, что он рядом. Не время еще знакомиться.

Развернувшись, Глеб быстро зашагал к елям, не обращая внимания на хлесткие ветки кустов и деревьев. Теперь, когда картинка сложилась, он надеялся узнать главное... Хватит неизвестности, пора бы открыть карты.

«Я был терпелив, разве нет?»

Глеб двигался стремительно, как хищник, учуявший запах добычи, ведомый обострившимися инстинктами. Преодолев пару сотен метров, он остановился на круглом пятаке травы, задрал голову к небу и едко улыбнулся.

– Ну пора бы и поговорить. Зачем я здесь? Что от меня требуется? Нужно спасти девчонку от Дюкова? Эй!?

Вытерпев несколько секунд, крутанувшись, Глеб заметался на маленьком пространстве, пытаясь уловить невесомое, беззвучное «да» или «нет». Пахнуло холодом, а это означало: ошибся.

– Ладно, пойдем другим путем... Она перепутала и въехала не в те хоромы? Вляпалась в историю с наследством? Ее хотят обмануть? Ей угрожает опасность? Какая? А-а-а... Да устал я уже гадать! Кому эта девчонка вообще нужна?! Плоская и мелкая! Может, мне ее пристроить в хорошие руки, и дело с концом? А? – Глеб хохотнул, довольный шуткой, и... почувствовал тепло в груди. – Что? – Он напрягся, не сразу сообразив, на какой вопрос получил ответ, а осознав это, с недоумением добавил: – Не понял... я мужика, что ли, ей должен найти? Принца на белом коне?

Тепло усилилось, обожгло и пошло на убыль. Глеб замер, а затем вновь поднял голову к небу, но теперь медленно, точно позвоночник проржавел, а мышцы превратились в тугую непослушную резину.

– Да вы чего?.. Хорош шутить! Я не собираюсь бегать по деревне и искать ей суженого-ряженого! Мы так не договаривались! Да плевать я хотел на эту девчонку! Нет. Я сказал – нет! – Лицо Глеба побагровело, глаза сузились, на висках выступили капли пота. – Нет... Только не делайте из меня гребаного Амура! Все что угодно, только не это!

Он знал, конечно, знал, что его пребывание здесь является наказанием. А разве наказание бывает приятным?

Глава 4

Кирилл не любил долгие сборы. Обычно отправлял в черную кожаную сумку-саквояж всю мелочовку, что попадалась под руку, прихватывал из шкафа одежду прямо с вешалками и покидал квартиру в приподнятом настроении. Машины для того и существуют, чтобы перевозить нужное и ненужное.

«Хорошо бы, муж Евы заболел ветрянкой или подцепил какой-нибудь лишай от своей любимой собачонки и не приехал. Да, было бы здорово».

Кирилл никогда не задавался вопросом, зачем его сестра вышла замуж за этого бледного вампира. Все ясно и так. Во-первых, настояла мать. Во-вторых, Юрий Григорьевич Алпатов до неприличия богат. А в-третьих... Нет, пожалуй, все. Этого Еве оказалось достаточно, чтобы, хорошенько отрепетировав, потупить взор и скромно произнести «да».

«Интересно, у Евы есть любовник? Надеюсь. Невозможно представить, что однажды она захочет родить от Алпатова. А ей уже тридцать лет, между прочим».

Кирилл хлопнул дверцей машины и включил музыку. Глупый брак, устроенный матерью. Какой в нем толк? Ева бы и так хорошо одевалась, жила обеспеченно и, возможно, радовалась бы жизни. Он вспомнил, какой увидел сестру под Новый год, и многозначительно приподнял брови. Еву вполне можно было назвать красивой молодой женщиной... Замороженной и скучающей.

«Какое счастье, что я родился мужчиной. – Кирилл коротко улыбнулся. – И никто не навязывает мне брака...»

Он кривил душой, но старался не обращать на это внимания. Старший сын, любимчик – разве мать примет спокойно любую невестку? О нет. Да и попытки подобрать ему достойную пару были, но давно. Например, дочь банкира – словоохотливая девушка двадцати лет, легкая, веселая, уверенная в себе. Она выгибала спину при разговоре, оттопыривала мизинец, поднося чашку к губам, звонко смеялась и честно призналась, что совершенно не интересуется политикой, но ее занимают киноискусство и путешествия.

«Мама, с одной стороны, ты не можешь представить рядом со мной заурядную женщину, а с другой, тебе тяжело принять в семью

уверенную и самодостаточную красавицу. У нее же будет *свое мнение*. На все».

Замкнутый круг.

Вот его и оставили в покое: мол, посмотрим, кого приведет. У любимчиков свои жизненные плюсы, и нужно уметь ими пользоваться.

Но Егору повезло еще больше: он – младший, и как-то так получилось, что ставку на него никто не делает. От него не ждут слишком многого, позволяют жить так, как вздумается, а впрочем... иначе и не получилось бы. Егор – сам по себе, и, пожалуй, его можно назвать малообщительным.

Кирилл посмотрел на часы и удовлетворенно кивнул. К завтраку он успевает – значит, мать будет довольна: не каждый сын встает в шесть утра, садится в машину и тащится в Утятино, чтобы съесть со своей родительницей омерзительную овсянку и тост с джемом.

«Егор в лучшем случае появится к обеду».

Мысли Кирилла вновь потекли в сторону младшего брата. Создает же природа таких разных людей в одной семье... Один любит иномарки, пиджаки, белые рубашки, увлечен семейным бизнесом и не мыслит жизни без женщин, а другой предпочитает джинсы, спортивные штаны, футболки, черные водолазки, чаще молчит, чем говорит, и при этом как-то умудряется заниматься рекламой. Абсурд! Егор и женщины? Интересно, это совместимо? Да, его брат с кем-то встречался, и дело чуть не дошло до свадьбы, но потом все рухнуло по неизвестной причине. Однако это было лет пять назад, и с тех пор тишина.

«Мама, внуков ты дождешься не скоро, – пролетела следующая мысль, и Кирилл широко улыбнулся, представляя великолепную Зофию Дмитриевну Кравчик в окружении маленьких пухленьких детишек, перепачканных все той же полезной овсянкой, размазывающих кашу по дивану или креслу. – Пожалуй, мама, это еще один вопрос: готова ли ты к внукам?»

Кирилл понимал, что в его-то годы – тридцать четыре с хвостиком – уже пора обзавестись женой и хотя бы одним ребенком, но что делать, если еще не нагулялся? Интересно, как это, когда ты вдруг осознаешь, что готов сделать предложение руки и сердца? Где, на какой планете живут женщины, в которых сначала влюбляешься, потом по ним тоскуешь (элементарно гибнешь!), а затем идешь и

покупаешь кольцо? Две недели назад он расстался с Никой, но душа не болит, не ноет, не требует набрать номер, чтобы легко и непринужденно сказать: «Привет, как дела, я соскучился».

Кирилл и не помнил, когда последний раз его бросали, может, лет пятнадцать назад? Заключительные слова всегда принадлежат ему. Все просто: мир неожиданно тускнеет, становится скучно, включаются внешние и внутренние раздражители, а затем вылетает привычное: «Нам пора расстаться, мы не очень подходим друг другу». Или нечто подобное. Дальше следуют истерики, уговоры, телефонные звонки, «случайные» встречи у общих друзей и прочая ерунда. Но что делать, если нет любви и не щелкает в нем эта волшебная кнопка? Тащить отношения дальше? И сколько километров? А главное – кому это нужно?

«Женщин много – я один». – Кирилл засмеялся и прибавил скорость. До Утятина осталось приблизительно полчаса, нужно подготовиться к тому, что мать спросит про Нику, многозначительно подожмет губы, мол, когда же ты остепенишься, и потребует детальный отчет о работе. Она будет внимательно слушать, сдержанно улыбаться и бесконечно гордиться им. Да, он – старший сын, надежда и опора... «Смешно». – Кирилл с улыбкой покачал головой, гоня прочь бремя ответственности, припомнил, как давным-давно впервые перешагнул порог кабинета генерального директора, сел за широкий полированный стол, выдвинул первый попавшийся ящик и подумал: «Я похож на отца, а значит, смогу». Прошли годы, и уверенность превратилась в реальность.

Кирилл действительно смог, хотя изначально опыта было маловато: не успел отец научить его всему (инфаркт не имеет привычки предупреждать о своем визите...). Дули ветра, трудности валились снегопадом, особенно первое время, но потом в работе и в нем самом появились лоск и шик, Кирилл уже не терзался сомнениями, когда принимал решения, знал, как поступить. И это все, а также высокий рост, черные волосы, темные глаза, прямой нос, квадратный подбородок и голливудская улыбка, его спортивная, подтянутая фигура притягивали женщин магнитом. Выбирал всегда он.

«В Утятине нет женщин, – усмехнулся Кирилл, сворачивая к дому, в котором провел большую часть детства. Дом, частично каменный,

частично дощатый, с широкими башнями-пристройками, узкой лестницей, выглядывающей из за угла и устремляющейся к массивному балкону... – В Утятине нет *красивых* женщин, – поправил себя Кирилл, выходя из машины. – И хорошо. Отдохну».

* * *

О первой встрече тетя Саша станет расспрашивать в мельчайших подробностях – торопливо, опережая ответы на вопросы. «Как выглядел Василий Петрович? Здоров ли? Ты не забыла отдать ему шарф? А поблагодарила за то, что он содержал тебя столько лет? И какое произвел впечатление он?! Надеюсь, ты вела себя правильно». Возможно, предложения будут более длинными и витиеватыми: тетя Саша всегда старается охватить сразу побольше пространства и предусмотреть мелочи и детали. Василий Петрович Дюков – загадка для всех родственников, так уж случилось.

Направляясь в столовую, Леся чувствовала холодок в животе – легкий, почти неощутимый. Аппетит отсутствовал полностью, но шаг против воли ускорялся, частил, и приходилось притормаживать, чтобы случайно не наступить на пятки женщине в униформе. «Тетя Саша, скоро я смогу ответить на ваши вопросы. И на свои тоже. Торжественно обещаю *вести себя хорошо*». Улыбка, и вновь спокойное выражение лица.

Леся уже не гадала, как выглядит дядя, – наоборот, она быстро прогнала остатки фантазий и приготовилась ко встрече с реальностью. Ничто не должно повлиять на первое впечатление, иначе получится неправильно, как в кривом зеркале. Доля истины всегда доступна, нужно изловчиться и обязательно ухватить ее, чтобы позже хорошенько рассмотреть.

«Интересно, Василий Петрович сейчас волнуется?»

В правой руке Леся держала шарф, и он казался тяжелой пятикилограммовой ношей, сотканной из обязательств, любезностей, требований и правил хорошего тона.

«Отдать бы его быстро, не привлекая особого внимания... Но это вряд ли получится: блестящая упаковка сверкает так, что практически освещает путь».

В центре просторной столовой, оформленной в желто-песочных тонах, располагался длинный прямоугольный стол, во главе которого восседал Василий Петрович Дюков. Он вовсе не собирался дожидаться гостью, ел с аппетитом и явно ни о чем не беспокоился. Вытянутое лицо, большие залысины, длинные редкие волосы (седые и темно-русые вперемешку), крупный нос, эспаньолка. Леся не обнаружила внешнего сходства ни с одним из родственников – Василий Петрович походил на богатого отшельника, абсолютно довольного жизнью.

«Здравствуйте...» Не в силах оторвать взгляд от живописной картины, Леся остановилась около лакированного буфета и замерла.

Василий Петрович сидел в объемном халате – бархатном, с навязчивым леопардовым рисунком. Халат скрадывал недостатки полноватой фигуры, но был слишком пестрым. Широкие манжеты явно мешали есть оранжевого лобстера (Леся решила, что это лобстер, как-то видела такого «зверя» в кино), но на помеху Василий Петрович не обращал никакого внимания. Перед ним стояла пиала (он опустил в нее правую руку, поболтал пальцами, сморщил нос) и три одинаковых узких стакана: с апельсиновым соком, с томатным и с водой. Дюков торопливо ел, роняя капли на стол, и некоторое время не замечал Лесю, затем поднял голову, взял тряпичную салфетку, вытер руки, резко отшвырнул ее на край стола и удовлетворенно произнес:

– Рыжая.

Будто это и являлось главным достоинством Леси, и если бы волосы вдруг оказались черными или русыми, то разочарование обязательно бы постигло Василия Петровича. Дюков бы закручинился и хуже того – впал в продолжительную депрессию без конца и края. Леся представила дядю в печали, но образ дрогнул и расплылся. Нет... Василий Петрович куда лучше рисовался в состоянии раздражения и крайнего недовольства. Вот она, истина! Чуть-чуть, но все же... Однако ему действительно было важно, какого цвета у нее волосы.

Василий Петрович кивнул на противоположную сторону стола, где находился еще один стул, и, поглядывая на Лесю, продолжил завтракать. Только теперь его брови походили на крыши домиков, на лбу появились неглубокие морщины, глаза засияли, точно лобстер стал вкуснее раза в два или в три. Улыбка то вспыхивала, то гасла на блестящих губах.

Леся попыталась уловить первое впечатление от знакомства и поняла, что в этом тяжелом случае рано торопиться с выводами. Никакие характеристики к Василию Петровичу категорически не прилипали – они летели в его сторону, касались леопардового халата и, как осенние листья, падали на шершавую коричневую плитку пола. Точно пока можно было сказать одно – дядя не являлся заурядным человеком.

«Он еще что-нибудь скажет?»

Василий Петрович плохо пережевывал пищу, делал большие торопливые глотки, думал о чем-то своем и вовсе не нуждался в продолжении разговора. Видимо, гостеприимство он считал сущей ерундой и прохладно относился к формальностям.

– Доброе утро, – произнесла Леся, подошла к столу, села напротив дяди и, словно по мановению волшебной палочки, перед ней появились огромная тарелка с лобстером (как его есть?), пиала с водой и такой же набор напитков. Василий Петрович находился далековато, но наблюдательность устранила этот минус. Его черты стали четче, воображение мгновенно раскрасило в коричневый цвет эспаньолку и стерло мешки под глазами. Не-е-ет, Дюков не старый.

– Да, это утро – доброе, – согласился Василий Петрович, кивнул и протянул руку к томатному соку.

– Подарок. Вам, – коротко ответила Леся и положила блестящий сверток на угол стола.

– Твоя тетка постаралась? Ха! А где же благодарность за содержание? Застряла в пути? – Василий Петрович закинул голову назад и раскатисто расхохотался. Смех наполнил столовую до каждого миллиметра: звякнул о бокалы, качнул люстру, встревожил штору, а затем оборвался и превратился в неоднократное хмыканье и протяжное «у-у-у». – Разве твоя разлюбезная тетка не велела благодарить меня за каждый день, месяц и год твоей жизни? Каких еще глупостей она наговорила, благословляя тебя на дальнюю дорогу?

– Спасибо...

– Брось, кому это нужно? Надеюсь, ты не такая зануда, как Сашка! Удивляюсь, что она вообще умудрилась выйти замуж, и уж совсем не удивляюсь тому, что ее муж помер.

Наверное, Лесе следовало заступиться за тетю, но она затаилась, стараясь уловить как можно больше информации о дяде. Он не

производил впечатления человека, скучающего хоть по каким-нибудь родственникам. Так почему же она здесь? А еще очень хотелось задать вопрос про дом... Не про этот – другой. Отчего они так похожи, кто там живет? Однако всему свое время, не стоит торопиться...

– И все же спасибо.

– Пожалуйста, если ты не можешь без этих глупостей!

Леся отметила, что чувствует себя свободно и спокойно, нет преград, колени не дрожат, волнение не бьется в груди испуганной птицей. Еще бы знать, как есть лобстера... Наверняка имеются определенные правила, но, с другой стороны, действия Василия Петровича опровергают все: он завтракает жадно, спешно, как ему вздумается.

– Нельзя благодарность называть глупостью, – услышала Леся свой голос. Легкая, едва ощутимая волна удовольствия скользнула по душе, оставляя теплый след. Слова прозвучали. Будто нога ступила на правильную дорогу, и теперь главное – не сворачивать. «Оставайся собой», – шепнул внутренний голос.

– Глупостью является абсолютно все в этом мире. Но ты еще слишком маленькая, чтобы понять. Впрочем, не в моих интересах разубеждать тебя. – Василий Петрович залпом допил томатный сок, откинулся на спинку стула и положил руки на стол ладонями вниз. Теперь он производил впечатление разморенного, объевшегося и миролюбивого человека, но следующие ледяные фразы мгновенно разрушили сложившийся образ. – Борись, всегда. Воюй за свои интересы, даже если ты не права, даже если все летит в тартарары! И причиняй боль тем, кто посмел тебя обидеть. – Дюков побарабанил пальцами по столу. – Видишь, знакомство со мной явно на пользу, безусловно, ты уже узнала много нового. Тетка же тебя учила совсем другому, правда? – Выдержав многозначительную паузу, Василий Петрович повторно расхохотался.

– Я не согласна с вами, – тихо сказала Леся, но слова раздались так, точно их произнесли с трибуны для огромной аудитории.

– Что?

– Я не согласна с вами.

– О!.. Господи, да ты породил на свет ту, что смеет быть со мной не согласной... – На губах Василия Петровича заиграла едкая насмешка. – Пусть так, пусть так... – Его голос превратился в шепот и

оборвался, а затем неожиданно взвился к потолку: – Ешь! Тебе нужно хорошо есть! И, черт побери, это вкусно!

Леся взяла листик салата, медленно поднесла к губам и, глядя в глаза Дюкову, принялась жевать. Нет, вопросов не стало меньше – они прибавились, умножились и раздвоились. «Тетя Саша, я никак не могу понять, все хуже, чем вы думаете, или лучше?..»

– Почему вы пригласили меня? – спросила Леся, решив начать с главного.

– Хотел проверить, удачно ли вложил деньги. В тебя, – явно стараясь смутить, ответил Василий Петрович.

– И как?

– Время покажет. От тебя ничего не требуется, просто живи здесь, обязательно ходи на прогулки – свежий воздух полезен... – В глазах Дюкова вспыхнул дьявольский огонь, и вновь раздалась барабанная дробь по столу. Василий Петрович собирался сказать что-то еще на эту тему, но остановился. – Вот и все. Да, да, вот и все. Будешь со мной завтракать, обедать, ужинать, иногда общаться. Вроде не трудно, а? Пожалей одинокого старика, скрась его пустую жалкую жизнь...

Леся не сомневалась: Василий Петрович сдерживает третий приступ хохота, но это ее ничуть не расстроило. Она даже уловила радость в душе и жгучее нетерпение. Отчего? Необъяснимо... Но, кажется, только что ей бросили вызов, и отступать нельзя.

– А можно на завтрак есть кашу? – ровно спросила Леся, не сомневаясь, что и в ее глазах сейчас тоже пылает огонь. – Тетя Саша говорила, что овсянка улучшает пищеварение.

А я очень забочусь о своем... пищеварении.

Брови Дюкова поднялись, губы дрогнули, довольная продолжительная улыбка озарила лицо.

– Рыжая, – повторил он и кивнул своим мыслям.

Глава 5

Он всегда видел мать восхитительно царственной, спокойной, уверенной, без единого изъяна в одежде или макияже. Зоя Дмитриевна Кравчик неизменно выглядела так, будто через пять минут начнется званый вечер и осталось лишь вдохнуть, выдохнуть и распахнуть для гостей тяжелые дубовые двери. Черное платье до пола, облегающее стройную, подтянутую фигуру, тонкое ожерелье, сверкающее бриллиантами, серьги-нити, усыпанные мелкими камушками, светлые волосы, собранные на затылке, ухоженные руки, туфли – обязательно на высоком каблуке.

Каждый штрих на своем месте.

И никаких поблажек возрасту.

Почти пятьдесят пять лет...

Да никто никогда не даст и к тому же не осмелится произнести эту цифру вслух!

– Здравствуй, мама, – весело пропел Кирилл, щедро улыбаясь. – Надеюсь, ничего не изменилось, и ты по-прежнему будешь мучить меня овсянкой.

– Рада тебя видеть, дорогой. – Зоя Дмитриевна сделала два шага и остановилась. Нет, не она должна идти навстречу сыну, ее дело стоять и горделиво ожидать, когда он подойдет, кратко поцелует в щеку и произнесет искренний комплимент. Два шага – позволительный максимум. – Но на этот раз тебя опередили.

– Кто посмел?

– Вчера приехали Ева с Юрием.

Кирилл скривился, затем подошел к матери, поцеловал в щеку и произнес с подчеркнутой иронией:

– Значит, муж моей обожаемой сестры не подцепил какую-нибудь заразу и не слег недельки на три в своем пятимерном особняке. Где справедливость, мама?

Зоя Дмитриевна приподняла правую бровь, что означало «воздержись от подобных шуток», и покачала головой. Для нее не являлось секретом, какие отношения царят в семье, дети давно вылетели из родного гнезда, но... все под контролем. Конечно, Кирилл

недолюбливает Юрия и еще раз сто выдаст в его сторону подобную шутку, однако поощрять это нельзя.

– Ты хочешь меня расстроить?

– Как можно, мама, – укоризненно ответил Кирилл и развел руками, демонстрируя абсолютную безоружность, готовность к послушанию двадцать четыре часа в сутки и безоговорочную покорность судьбе. – Ты прекрасна. Прости, что не сказал сразу.

– Лесть тебе не к лицу. – Зофия Дмитриевна сдержанно улыбнулась, с удовольствием принимая слова сына. Коснувшись высокой спинки бархатного кресла, она немного помолчала и добавила: – Я скучала. Добро пожаловать домой.

– Ты же знаешь, лесть здесь совершенно ни при чем. Правда. Только истинная правда. – Кирилл приложил руку к груди и театрально поклонился, доигрывая партию «Королева и наследный принц» до конца.

– Добро пожаловать домой, – тише повторила Зофия Дмитриевна.

Напольные часы заполнили гостиную традиционным ежечасным «дон-дон-дон» – приглушенный звук, прорывающийся на свободу сквозь узорчатый замок и помутневшие от времени стеклянные дверцы. Кирилл кивнул, ответно улыбнулся и устремился по лестнице вверх, привычно перешагивая через ступеньку. А когда-то он ползал по этим коврам и паркету на четвереньках и затрачивал немало усилий, стараясь подняться на второй этаж – детство, счастливое беззаботное детство... Нет, он вовсе не скучает по тем дням, нынешняя жизнь кажется гораздо интереснее. Одни женщины чего стоят! Усмехнувшись, Кирилл переступил порог своей комнаты, остановился и сунул руки в карманы брюк. Его вещи принесут, благо помощников хоть отбавляй. А еще пару дней назад в доме наверняка было тихо, мать зажигала свечи и ходила по комнатам, получая удовольствие от одиночества. Все правила, привычки, традиции известны до мелочей, собственно, на них держалось, держится и будет держаться семейное гнездо Кравчиков. А иначе никак.

После смерти отца жизнь круто изменилась. Казалось, богатая обстановка: золоченые ручки, хрустальные люстры, вытянутые сверкающие вазы, огромные зеркала, картинные рамы, начищенные до блеска полы, фарфоровая посуда – все разом потускнело, перестало играть под солнечными бликами и освещением. Мать заперлась в

своей комнате и принимала только прислугу с водой и тостом. Кирилл занимался похоронами, Ева то рыдала, то висела на телефоне, Егор в основном подпирал стены и о чем-то думал. Жизнь застопорилась, почти замерла, покрылась первым налетом пыли, и нестерпимо захотелось куда-нибудь уехать или что-нибудь разбить. Однако ситуация изменилась вмиг – одним прекрасным днем Зофия Дмитриевна Кравчик распахнула дверь и, по-прежнему безупречная, спустилась в столовую. Бриллианты сияли, платье открывало шею и плечи, высокие каблукы то постукивали о паркет, то замолкали, коснувшись узоров ковра. Царственная походка и обжигающий взгляд карих глаз. «Почему до сих пор не готов завтрак! Откройте окна, кому нужна эта духота!» – понеслось от стены к стене, и буквально через минуту зазвучали торопливые шаги, захлопали дверцы шкафов, застучали по столам тарелки, утренняя прохлада качнула шторы.

Зофия Дмитриевна всегда уделяла внимание своей внешности, но через год после смерти мужа она впервые обратилась к пластическим хирургам. Те подправили овал лица, подтянули скулы, убрали морщины, отшлифовали кожу... Кирилл философски относился к подобным переменам, но не любил, когда мать исчезала надолго и не брала трубку.

А в периоды восстановления Зофия Дмитриевна не желала ни с кем разговаривать.

Нет, она не гналась за модой, не старалась выглядеть молоденькой – никаких излишеств и отклонений от природы. Ее целью всегда было сохранить себя, а не исправить время, изменив свой облик до неузнаваемости. И за это Кирилл испытывал благодарность к матери.

Такая, как всегда.

Безупречная.

Вечная.

По традиции, перед каждым днем рождения Зофия Дмитриевна отпускала прислугу домой днём на три и жила в тиши одна. Кирилл знал, мать почти не включает свет, меняет туфли на тапочки, зажигает свечи и думает о чем-то своем... Возможно, перебирает прожитые годы, вспоминает плохое и хорошее. Почему бы и нет? Такая версия принималась охотнее остальных; Зофия Дмитриевна вполне могла строить великие коварные планы, от которых, конечно же, кому-нибудь

не поздоровится. «Главное, чтобы меня не женила», – посмеивался Кирилл, уважая причуды матери.

О чем она размышляет в пустом доме, всегда оставалось загадкой, и... Он не был уверен, что хочет знать это: грань добра и зла иногда бывает столь расплывчатой, нужно ли делать ее четче и ярче? Впрочем, многое вообще перестает иметь значение, когда Зофия Дмитриевна Кравчик принимает решение и воплощает его в жизнь. Можно бить в набат, собирать аргументы и даже войска, но ничего изменить уже не получится.

«Мама, мама...» – мысленно произнес Кирилл, расстегивая верхние пуговицы рубашки.

До дня рождения матери еще несколько дней. Ева со своим драгоценным уже здесь, к вечеру явится Егор. Или его ждать завтра утром? Кирилл потянул руку к мобильнику, но остановил себя – желания поговорить с братом все же не возникло.

«Ева, надеюсь, ты сейчас видишь прекрасные цветные утренние сны... Не порти мне завтрак. Умоляю. Не просыпайся и не тащи к столу своего вампира».

В приподнятом настроении Кирилл сделал круг по комнате, подошел к окну и щелкнул пальцем по листу фикуса.

«А потом я, пожалуй, прогуляюсь и глотну наисвежайшего деревенского воздуха, пропитанного ароматами... м-м-м... навоза».

* * *

– Воды... Люди добрые и злые, дайте воды... – простонал Глеб и сделал слабую попытку найти одеяло. Дернув пару раз рукой, издав страдальческий хрип, он мысленно плюнул на холод, ползающий по коже мурашками, и с превеликим трудом открыл глаза. «Ну и где я, вашу мать... Видимо, в аду. Нет... Как ее? Ну как ее?..» – Елизавет-та Ильинична... Поможи-и-ите! Баба Лиза, или ты меня спасешь, или я подохну... – «Черт! Я не могу подохнуть... Черт. Черт. Даже подохнуть не могу...»

Ему не стоило произносить этих слов: за каждое упоминание рогатого и хвостатого он традиционно получал сполна. Сначала у Глеба свело ногу, да так, что стрельнуло в ушах, затем горло обожгло

пламя, а голова, и без того распухшая от самогона, загудела миллионом колоколов. Дин-дон-дин-дон. Бом-бом-бон-бон.

– А-а-а... – Глеб сжал кулаки и протяжно захрипел. Комната качнулась. Показалось, будто гжельские статуэтки сейчас синими птицами слетят с полок буфета, а за ними грохнутся на пол пузатые фарфоровые банки и будильник. – Справились, да? – Глеб криво улыбнулся из последних сил. – С больным!.. Ладно, с крепко выпившим человеком справились... Ладно, – поправил он себя во второй раз, – почти с человеком... Елизавета Ильинична, погибаю! Воды, «подруга дней моих суровых», воды-ы-ы!..

Кряхтя на все лады, преодолевая головокружение и ломоту в костях и мышцах, Глеб сел, свесил ноги с кровати, мрачно посмотрел на джинсы, валяющиеся на полу возле стола (расстояние – целых два с половиной метра!), и отправил тяжелый взгляд к потолку. «Значит, придумали мне дело... Достойное... Молодцы...» Глеб сморщился, пытаясь вспомнить, как он умудрился вчера раздеться, однако память не желала делиться картинками недавнего прошлого – нестерпимо захотелось бухнуться обратно на подушку и застонать.

Дверь наконец-то открылась, в комнату зашла Елизавета Ильинична, а это означало, что появился долгожданный шанс получить спасительный стакан воды.

– Умираю, – выдохнул Глеб и состроил жалостливую гримасу.

– Так тебе и надо, – припечатала Елизавета Ильинична и хмыкнула. – Столько сожрать самогону и не помереть... Крепкое у тебя здоровье, соколик. Сто лет проживешь, не иначе. Рассол на кухне, сам иди за ним.

– Вот спасибо, вот порадовали. И родит же земля русская столь добрых и отзывчивых женщин, любо-дорого посмотреть. А кто ж мне эту дрянь-то вчера продал за двойную цену, не подскажете?

– Ты мне еще остался должен триста рублей, – фыркнула Елизавета Ильинична и принялась поднимать с пола разбросанные вещи. – Всю ночь орал как умалишенный, глаз из-за тебя не сомкнула. Говорила, закусывай... – Выпрямившись, она постояла немного, всем своим видом показывая осуждение, затем подошла к кровати и положила вещи на скомканное одеяло. Вроде и маленькая сухонькая старушка, а все у нее просто выходит, без усилий. – Что орал, спрашиваю?

– С Небесной канцелярией спорил. Разногласия у нас кое-какие имеются... Уже лет десять договориться не можем. Забодали они меня... – Глеб тяжело вздохнул, потер лицо, медленно встал и направился в кухню. Каждый шаг болезненным эхом отдавался в голове, позвонки ныли, глаза плохо реагировали на свет, но он почти сразу перестал обращать на это внимание. «Да, напился, и плевать мне на вашу рыжую девчонку. Плевать!»

Вчера самогонка казалась единственным спасением, ничто не могло стереть или заглушить правду жизни, кроме нее. Глеб пил торопливо, игнорируя хлеб, огурцы, капусту и даже сало. Наверное, видок у него был паршивый, если бабка Лиза не отказала в алкоголе и сразу достала бутылку из шкафа. Достала, протерла зачем-то полотенцем и поставила со стуком на середину стола. Цену, конечно, заломила, но и тут не без умысла. «Полагала, родимая, выпью гораздо меньше... Стратег и тактик!» – усмехнулся Глеб, переливая рассол из банки в стакан. Запульнуть бы этой банкой в стену... Чтоб три оставшихся огурца превратились в кашу!

– Найду я ей красавца... Не сомневайтесь... – тихо, с угрозой произнес Глеб, подхватил стакан и сделал пять торопливых глотков. – Дрянь!

Но в ответ не качнулась занавеска, не повеяло прохладой, не затрещало в печи, не кольнуло в боку... На небе и на земле знали, это пустая угроза: выбора нет.

Плюхнувшись на стул, Глеб вытянул ноги, взъерошил волосы и посмотрел на бабу Лизу с мучительной тоской. Она стояла около двери, сцепив руки перед собой – старая и... удивительно красивая. Красота старости. Бывает ли такое и как разобрать это определение на составляющие? И надо ли? Наклон головы, мудрые глаза, опрятный байковый халат... Нет. Эта тайна за семью печатями. Глеб усмехнулся и, надеясь получить в ответ крепкое словцо, мечтательно произнес:

– Еще самогонки, что ли, выпить?

– Обойдешься, мне тебя хоронить не на что, – не задержалась с ответом Елизавета Ильинична.

Поправив на шее теплый платок, поджав губы, она подошла к печке, легко подхватила чайник, эмалированную миску с пирогами и выставила завтрак перед Глебом. Только сейчас он уловил

настойчивый аромат свежей выпечки и жареного лука, в животе заныло, заурчало, заволновалось.

– С мясом?

– С капустой.

– Ну тоже дело.

«Бабка Лиза, бабка Лиза... – мысленно пропел Глеб, залил кипятком щедрую ложку черных скрученных чайных листьев и замер, давая возможность шуму в голове успокоиться. В висках постукивали молоточки, но горячий чай должен был исправить ситуацию в лучшую сторону. До чего же гадкая штука – похмелье, стереть бы его и начать день заново. – Ага... Отрастить крылышки, превратиться в дурацкую слюнявую розовую фею и полететь заре навстречу. *Замуж хочешь, деточка? А я как раз прилетела принца тебе отыскать. Голубоглазого блондина. Или тебе брюнета подавай?* Тьфу! Чтоб вам...» Если бы не разбитое состояние, он бы... Нет, ничего бы он не сделал. За все приходится расплачиваться – впрочем, как обычно.

– Бороду подстриги, на лешего похож, – проворчала Елизавета Ильинична, усаживаясь напротив. – Встретила б тебя в лесу, три раза перекрестилась. – Взяв печенье, она положила его на маленькое блюдце и тоже заварила чай. На лице застыло осуждение, подчеркнутое глубокими морщинами, но в глазах лучилось тепло, и Глеб сдержал улыбку, в который раз вспомнив характеристику от Степы: «почти ангел». – Тебя каким ветром к нам принесло? Все шуточками отделяешься, а сам небось прячешься от кого? Хотя дело твое. Живи, коли платишь. Но бороду подстриги, нечего кур пугать.

– Осмелюсь предположить, Елизавета Ильинична, вас в молодости бросил лихой разбойник с густой бородой... – насмешливо начал Глеб, но остановился, сообразив, что сейчас в него плеснут не чем-нибудь прохладительным, а крутым кипятком. – Уговорили. Подстригу немного, уж так и быть, вдруг и правда куры нестись перестанут, чего ж мы жрать тогда станем.

Пирог Глеба порадовали, и, если бы не острое похмелье, он съел бы раза в три больше, да еще добавки попросил. Черные мутноватые мушки перестали скакать перед глазами, комната не раскачивалась, но в груди застряла противная муть, которую хотелось выплюнуть и забыть. Глеб почесал затылок, допил чай и прокомментировал свое будущее занятие одним емким словом: «тошниловка». Теперь он

должен бегать за рыжей малявкой и устраивать ее личную жизнь. «Нет... нет... нет!» – стучало в висках, и от злости сводило челюсть. Есть ли большее унижение, чем быть Амуром? Ладно бы он походил на пухлого розовощекого лучника или, на худой конец, на рафинированного юнца, читающего любовные романы на ночь, пишущего стихи и повязывающего по утрам бант на шее... Но он не такой!

И главное – за его позорищем будут наблюдать... «Не-е-ет, не получится это у вас, братцы. Не доставлю я вам продолжительного удовольствия. Выдам замуж за первого встречного, а дальше: «жили они долго и счастливо и умерли в один день». Любой сказочник-бумагомаратель позавидует!»

– Как в деревне обстоят дела с холостыми пастухами и конюхами? – Глеб прищурился, гадая, напряглась Небесная канцелярия или нет?

– Кого ж пасти, коли в деревне четыре коровы, семь коз и три козла, если считать вместе с пьянчугой Лешкой, прости господи.

– А вообще парни есть?

– Есть, а тебе что за дело? Такие, как ты, обычно до юбок охочи, женщинами интересуются. – Елизавета Ильинична оглядела Глеба с головы до ног, взяла еще печенье и продолжила чаепитие с важностью царицы. – Кобель, за версту видно.

– Вот спасибо, вот приглубили...

– А разве ж не так? Мне, соколик, долго на человека смотреть не надо, чтобы определить, куда его кривая дорожка ведет. Всяко повидала на своем веку.

– Господи, спасибо. – Глеб улыбнулся так широко, что стрельнуло в ухе, и хлопнул руками по коленкам: – Послал мне опытную женщину, до чего ж хорошо-то, а!

– Шут гороховый.

– Елизавета Ильинична, а откройте грешному страннику страшную тайну: что у вас здесь происходит, на кой хрен стоят два одинаковых дома по краям деревни? И какой умалишенный архитектор их ваял?

– Тоже мне, тайна, – фыркнула Елизавета Ильинична. – Дюков и Кравчики живут.

От простоты ответа Глеб испытал минутное разочарование. Где загадка, элементарная легенда, обросшая миллионом вымышленных подробностей, где хотя бы волнение и дрогнувший голос? Да, бесполезно ждать подобного от Елизаветы Ильиничны, но хоть какая-то заковырка должна быть? Глеб шумно втянул воздух в легкие, так же шумно выдохнул и прищурился. Расплескал он вечером чудодейственные силы, подкосил чуток алкоголь... Теперь нужно ждать: все вернется, но на это понадобится время, да ему и не к спеху. «Пить – здоровью вредить!» – весело подумал Глеб, вспомнив плакат из далекого детства.

– Про Дюкова знаю, наслышан. А что за Кравчики?

– Графья польские или князья – не помню. Живут, носа не кажут. Хозяин дома помер давно, царствие ему небесное, а хозяйку наши старухи ведьмой прозвали, не стареет она. Да только таких ведьм в телевизоре полно, нынче это дело нехитрое.

– С одной стороны Дюков людоедствует, с другой Кравчики ведьмуют. Да вам не позавидуешь!

– А нам-то что? Мы их видим раз в год, не более.

– Но дома почему одинаковые?

– А ты пойдись у них и спроси. Я откуда знаю? У богатых свои причуды.

Елизавета Ильинична поднялась и стала убирать со стола посуду, давая понять, что разговор окончен. К превеликому сожалению Глеба, бабка Лиза не являлась деревенской сплетницей-болтушкой, и предстояло задать еще множество вопросов, чтобы докопаться до истины. Глянув на оставшиеся пирожки, Глеб качнулся на стуле и цепко посмотрел на Елизавету Ильиничну. Ох, и недоговаривает она чего-то...

– А большое семейство у Кравчиков?

– Кому большое, а кому малое. Хозяйка да дети ее. Трое. Взрослые уже. Дочка вроде замужем.

– Дочь и два сына?

– Да. Хозяйку гордыня от рождения мучает – тяжкий грех. Она после замужества даже фамилию свою оставила и детям ее дала. Как только муж согласился! Хотя если они и вправду графья или князья, то все у них должно быть не просто так.

«Тяжкий грех...» – повторил Глеб, пытаясь подольше задержать эти слова в себе. Сколько раз его посылали на землю решать те или иные вопросы, и работу он всегда выполнял на отлично. Чего не сделаешь ради отдыха и свободы? Да все что угодно, особенно если учесть, что никто не спросит, хочешь или нет... Глеб давно научился читать знаки, в какой-то мере это и была часть его охоты: услышать, увидеть, найти, исправить... Тяжкий грех. Гордыня. Он хорошо уловил это, когда прислонялся к дому Кравчиков и заглядывал в комнаты. Немолодая женщина в светлом одеянии, зажигая свечи, двигалась плавно, буквально скользила по полу: от трельяжа к комоду, затем к камину, низкому столику... А кругом витала та самая гордыня, на полках шкафов стопками лежали алчность, напыщенность, барство. Тогда Глеба позабавил дом, но теперь, похоже, придется увязнуть в этом барахле серьезно – не случайно ноги привели именно к этому месту, и уж тем более не случайно дом Дюкова похож на дом Кравчиков. Нет, не наоборот.

– А хорошие у вас пирожки, Елизавета Ильинична, сто лет таких не ел.

– Не подлизывайся, самогонку больше не дам.

– И правильно, кому нужна эта гадость. – Глеб засмеялся, а затем подался вперед и спросил: – Как зовут хозяйку Кравчиков?

– Зофия Дмитриевна.

– А детей?

– Кирилл, Егор, Ева.

– Ух ты! Ева! – Глеб напрягся, представляя высокую стройную блондинку с большой грудью и пухлыми губами. Женщина ему сейчас совсем не помешает, а уж если она из загадочного дома Кравчиков... И с именем Ева... – Она красива?

Елизавета Ильинична повернулась к Глебу, завязала за спиной тесемки фартука и просто ответила:

– Холодная селедка – она и есть холодная селедка.

– За что же вы ее так? Неужели дочка в маму пошла?

– Нет, до мамы ей далеко. – Елизавета Ильинична махнула рукой и сердито добавила: – Замучил меня совсем. Будут еще вопросы?

– Да. Всего один.

– Какой?

– А вы почему пирожки свои не кушаете? Все печенье да печенье... Они, часом, не отравленные?

– Дурень. У меня изжога от капусты, будь она неладна.

– А пекли тогда зачем? Меня порадовать хотели?

Елизавета Ильинична фыркнула и демонстративно отвернулась, Глеб широко улыбнулся, лишний раз радуясь тому, что хорошо устроился. Должны же быть хоть какие-то удовольствия на каторге.

* * *

Сколько раз Кирилл следил за ритуалом под названием «Завтрак Зофии Дмитриевны Кравчик», сколько раз тончайший слой джема ровно ложился на белый тост и возвращался на фарфоровое блюде, украшенное мелкими голубыми цветочками. Вдох, выдох, и первая ложка с овсянкой на воде медленно поднимается, чтобы наполнить уже немолодой организм обещанной энергией, кальцием, фосфором, железом, магнием...

– Мама, хватит есть всякую дрянь, – с легкостью произнес Кирилл и подпер щеку кулаком. – Привычки полезно менять. Поверь, яичница с жареным беконом или паста с креветками в сливочном соусе ничуть не хуже. Завтрак должен быть вкусным. Впрочем, обед и ужин тоже.

– Мне вкусно, – сдержанно улыбнулась в ответ Зофия Дмитриевна. – Кстати, в детстве ты ел кашу с удовольствием.

– Прошу, никому не рассказывай об этом. Меня можно шантажировать такой информацией.

Кирилл усмехнулся, откинулся на спинку стула и на краткий миг окунулся в воспоминания о далеком, вполне благополучном детстве. Две няньки в доме, преподаватели, затем частная школа с проживанием, каникулы в Утятине, отличные оценки, почти безупречное поведение. Так их воспитывали. Мать гладила его по плечу, хвалила, приводила в пример Еве и Егору. Отец встречал рукопожатием, часто расхаживал из угла в угол, рассказывал о своих планах, обязательно жестикулируя и приговаривая: «неприменно исполним, непременно» или «я и не сомневался, что так получится». Отец очень любил мать, даже боготворил. Не каждый мужчина согласился бы большую часть жизни проводить в Утятине, особенно

когда куча дел в Москве. Но Зофия Дмитриевна настояла, и семейство Кравчиков поселилось здесь на веки вечные. Отец и не перечил, часто уезжал, иногда пропадал на работе неделями, но потом возвращался сильно соскучившийся, с букетом бордовых роз, с разноцветными пакетами, наполненными приятными подарками.

– Почему ты приехал без Вероники? – голос Зофии Дмитриевны вернул Кирилла в настоящее время.

– Мы расстались.

– Что?..

– Мама...

– Кирилл.

– Она все равно тебя не устраивала.

Зофия Дмитриевна отодвинула тарелку в сторону и посмотрела на сына с холодным укором. Кирилл хорошо знал этот взгляд, не боялся его и даже испытывал удовольствие от того, что все как прежде и знакомо до точки и запятой. Так и должно быть в родном доме.

– Мне не нравится твое отношение к женщинам. Сколько можно... – Зофия Дмитриевна покачала головой, коснулась кольца на правой руке, покрутила его и продолжила: – Тебе тридцать четыре года, неужели нельзя найти женщину, которая сможет стать твоей женой? В конце концов, у тебя должны быть дети, а у меня – внуки! Да, Вероника слишком капризна, а ее семья не вызывает особого уважения... Но, насколько мне известно... – Зофия Дмитриевна выдержала паузу, – есть на земле и другие женщины. Ты обращаешься в достойных кругах, что мешает сделать правильный выбор?

Она приподняла правую бровь, точно хотела добавить: «Погулял, и хватит, прими решение. В подобных вопросах расчет еще никому не мешал».

– Мама, только скажи, и я сегодня же найду жену. – Кирилл пожал плечами, в его глазах вспыхнули и закружились искры смеха. – В Утятине. И обязательно приведу ее к тебе. Познакомитесь, поболтаете о том о сем, обсудите фасон свадебного платья... – Не выдержав, он засмеялся и добавил: – Мама, я тебя обожаю, но ты же знаешь: браки заключаются на небесах, от меня мало что зависит.

– От тебя зависит очень много.

– Совсем чуть-чуть. Просто оказаться в нужном месте в нужное время.

Зофия Дмитриевна покачала головой и продолжила завтрак, на ее губах играла улыбка. Сын. Любимый сын. Жалко отдавать его кому-то... Но время действительно пришло. Сколько можно тянуть... Да, таким сыном гордилась бы любая мать: умный, красивый, заботливый, сильный. Ей никогда не будет стыдно за Кирилла. Как хорошо, что он всегда приезжает рано и завтракает с ней: секунды, минуты, часы, принадлежащие только им. Нет, он не любил каши в детстве, она сказала это просто так...

Когда Кирилл рядом, ощущение абсолютного покоя и счастья. Безусловно, ему нужна особенная жена, из идеальной обеспеченной семьи, со связями, понимающая, послушная, любящая только его.

– Ты прав. – Зофия Дмитриевна взяла салфетку и поднесла ее к губам. – Именно на Небесах. И я очень надеюсь, что Господь услышит мои молитвы.

– Обязательно услышит и пошлет ко мне пухлого розовощекого Амура, который непременно...

Кирилл не успел закончить предложение, за спиной раздались шаги.

«А вот и Ева со своим вампиром. Пропал завтрак», – пронеслась веселая мысль, и он обернулся, привычно изображая родственную радость.

Глава 6

Видимо, дела Василия Петровича действительно шли хорошо. Сидя в гостиной, Леся слушала его звучный голос, доносящийся то справа, то слева, и поглядывала на часы. Похоже, дядя любил расхаживать по комнатам, решая многочисленные рабочие вопросы. Нетрудно было представить, как он размахивает руками, хохочет, делает брови домиком, щурится и приглаживает эспаньолку. Чувствовалось, что он доволен, особенно когда речь заходила о ценных бумагах. К сожалению, Леся не разбиралась в подобных вопросах, но тон одобрения и даже торжества угадывался легко.

Если бы дядя ушел в глубь дома, то до нее не долетело бы ни звука, но он, будто нарочно, кружил поблизости, стараясь поселить в душе волнение. Однако по непонятным причинам в груди росло и крепло иное... Свобода. Головокружительная, бескрайняя. И трудно понять, откуда она взялась. Но, кажется, первая вспышка произошла за завтраком, а вторая – вот сейчас, после того, как Леся поговорила с тетей Сашей и рассказала про Дюкова только то, что посчитала нужным. Да, встретились, шарф подарила, все в порядке. Отвечая на вопросы, она маневрировала не хуже маленькой лодки, несущейся по горной реке навстречу камням и мелям. И лобстер, и леопардовый халат Дюкова, громогласный хохот, острые как бритва слова и многое другое остались тайной, к которой нет допуска никому. Олеся не отдала эти впечатления тете Саше – наоборот, спрятала, укрыла, занавесила плотной шторой, возвела четыре каменные стены. Именно здесь, в доме Василия Петровича Дюкова, она с невероятной скоростью начала обрастать личным пространством, и, возможно, ее новые ощущения были связаны именно с этим.

Леся вытянула ноги, посмотрела на бордовые бархатные тапочки, а затем решительно встала и принялась разглядывать картины. Она не слишком жаловала натюрморты, но один из них даже понравился: старомодный медный чайник с изогнутым носиком и красные груши на потертом дощатом столе. Талант художника вспыхнул, затрепетал и потянул сначала к планшету, а затем к лесу. Вчера так и не удалось отыскать особенное место, которое захотелось бы нарисовать в первую очередь, но, возможно, повезет сегодня.

Покинув дом Василия Петровича, направляясь в сторону деревни, Олеся чувствовала на себе тяжелый взгляд. Она не сомневалась: если обернется, то в одном из окон увидит силуэт дяди. Но это не расстроило, Леся неожиданно для себя улыбнулась и с удовольствием вдохнула прохладную влагу весеннего воздуха.

«*Борись, всегда. Воюй за свои интересы, даже если ты не права, даже если все летит в тартарары!*» – прогремели в ушах слова Дюкова, и шаг стал быстрее.

– Хорошо. Но только если я *права*, – прошептала Леся, продолжая разговор с дядей. Теперь, по прошествии какого-то времени, мысли стали четче и звонче, они требовали еще одного разговора, взглядов, простора столовой, легкого эха.

«Я спрошу про второй дом в следующий раз. А если его нарисовать?.. Как же хочется сравнить... Они похожи, но не одинаковые... Кто там живет и почему так получилось?..»

Нетерпение сделало свое дело, Олеся пошла еще быстрее, точно второй дом был миражом, способным раствориться в любой момент. Она жалела, что не взяла с собой из Москвы все, что можно донести: папку с рисунками, мольберт, большую коробку с красками, палитру и кисти. Дотащила бы как-нибудь! Глупо же ехать на природу «невооруженной», но поездка к незнакомому Василию Петровичу не обещала ничего хорошего.

А сейчас обещает?

Леся пожала плечами. В Утятине она больше не чувствовала себя чужой и лишней. Вот что казалось странным.

* * *

«Нет, любовником тут и не пахнет, – с иронией подумал Кирилл, глядя на сестру. – Тоска зеленая. Ева, Ева, а помнишь, лет двадцать назад мы убежали ночью в деревню воровать яблоки?.. Вот тогда у тебя глаза горели так, что и фонарь не был нужен. Дома яблок завались, хоть объешься, но не тот вкус, правда?..»

– Я пригласила только Ковальских, Мишулиных, Вениамина с сыном, Берковичей, вашу тетю Фаю, Лознера с женой и Поляковых. Хочу отметить скромно, – донесся ровный голос матери.

– Как себя чувствует тетя Фая? – дежурно поинтересовалась Ева, добавляя лимон в чай.

– Стала еще хуже слышать. Мне приходится кричать в трубку, чтобы она поняла, о чем речь. Но носить слуховой аппарат при этом отказывается, говорит, я еще не слишком стара и не приставайте ко мне, не приставайте.

Сдержанно улыбнувшись, Ева повернула голову к мужу и попросила подать круассан. Юрий Григорьевич, оторвавшись от газеты, протянул руку к плетеной корзинке и кратко поучаствовал в разговоре:

– Если нужна помощь, буду рад ее оказать.

– Спасибо, Юрий. Но все готово. – Зофия Дмитриевна придвинула блюдце и разломил крекер, обсыпанный маком, на четыре почти равные части. – Осталось только накрыть столы и включить музыку. Даже жаль, что мой день рождения не завтра, а послезавтра. – Тихо засмеявшись, она поднесла чашку к губам.

– А где Ника? Ты оставил ее в Москве? – Ева вопросительно посмотрела на брата, ожидая ответа. Но тут же отклонилась на спинку стула и, морща аккуратный носик, добавила: – О нет... Не говори, что ты и ее бросил... – Кирилл уловил материнские нотки высокомерия в голосе сестры и задержал дыхание, готовясь отразить удар. – Ты вообще собираешься жениться? Или ты ждешь, когда тебе стукнет пятьдесят?

Неужели Ева возьмется его воспитывать? Интересно на это посмотреть... Кирилл тоже откинулся на спинку стула, потер шею и продолжительно посмотрел сначала на сестру, а затем на Алпатова. «Хочешь рассказать о своем неземном счастье, Ева? С удовольствием послушаю. Давай, поведай нам о том, как вечерами ты, ссылаясь на головную боль, пораньше ложишься спать...»

– Я уже побеседовала с Кириллом на эту тему, дорогая. Но, кажется, он не воспринимает всерьез мои укоры. – Без тени недовольства Зофия Дмитриевна поддержала дочь. – Я надеялась, что на мой день рождения сын придет с подружкой. Ну а лучше, конечно, с достойной невестой.

– Да, о семье подумать пора... – буркнул в газету Юрий Григорьевич и сдвинул редкие рыжеватые брови, отчего на переносице образовалась глубокая серая складка.

Щека Алпатова дернулась, Кирилл знал, что это случается каждый раз, когда муж сестры раздражен. То ли его вывела из себя статья, то ли разговор за столом – понять сложно, да и кому это интересно...

Юрий Григорьевич редко участвовал в семейных спорах, обычно лишь озвучивал свою позицию и замолкал, считая себя абсолютно правым. Любые другие мнения – безусловно, ничего не значащая говорильня.

Кирилл нарочно щедро улыбнулся сестре и весело произнес:

– Я, знаешь ли, жду любви.

Их глаза встретились, и Ева явно поняла, на что намекает брат, но тень легла на ее лицо лишь на секунду, затем вернулись холодность и спокойствие.

– Мама, если ты будешь так настаивать, я непременно приду на твой день рождения с невестой. Ты уверена, что это тебя не расстроит? – Сказав это, Кирилл решительно поднялся, отодвинул стул и направился к двери.

– Ты куда? – окликнула Ева.

– Пойду прогуляюсь по округе. Может, мне повезет, и я встречу самую достойную из достойных, – иронично ответил он и, обернувшись, поймал наполненный любовью взгляд матери. Она любила его шутки. Он же шутит, не так ли?

Прихватив свитер, Кирилл натянул его, сбежал по ступенькам, вышел на улицу и огляделся. Интересно, как изменилось бы лицо Евы, если бы он сказал, что думает? Алпатов бы наверняка поперхнулся газетой... Нет, поощрять подобные разговоры не стоит, но совершенно не нужно лезть в его личную жизнь и давать советы. Кирилл проигнорировал дорожку и, выйдя за ворота, пошел вверх по склону. Женщин у него будет ровно столько, сколько он пожелает. Тридцать четыре года – это еще далеко не старость.

Около сосны Кирилл остановился и постоял немного, размышляя, в какую сторону направиться. Можно к деревне, почему бы не сделать почетный круг? Или к речке на разведку. Не сломали ли мостик? Совсем он был дряхлый, однако рыбачить с него получалось хорошо. Вот с Егором на рыбалку ходить – самое то, брат – любитель помолчать, и уж точно ему не придет в голову задать наиглупейший вопрос: а когда ты женишься? Хотя в этом они едины.

Испытывая острую потребность в быстром шаге, Кирилл подтянул рукава свитера к локтям и направился к реке. Перед глазами стояло бледное лицо Алпатова, его заостренный подбородок, обвислые щеки и тонкие губы. Неужели мать и сейчас довольна тем, как устроилась жизнь Евы?

«Лучше я подумаю о чем-нибудь другом», – Кирилл усмехнулся, взял правее и споткнулся о камень, увидев неожиданную картину... Метрах в десяти, рядом с орешником, на старом поваленном дереве сидела девушка, в ее огненно-рыжих волосах, раскиданных по плечам, запутался желто-зеленый лист. Она увлеченно рисовала, положив на колени планшет: то поднимала голову и смотрела на дом, то устремляла взгляд вниз и размашисто водила карандашом по бумаге. Грубая обувь, весьма потертые джинсы и длинное серо-зеленое вязаное платье почти до колен. Девушка сливалась с природой, окружавшей ее, и одновременно, за счет пожара на голове, резко выделялась. Совершенно точно она была незнакомкой, приезжей. Уж деревенскую девчонку Кирилл бы в ней угадал.

«Кто ты?»

Он хотел знать ответ на вопрос, тем более что незнакомка находилась в его владениях, проникла на частную территорию. Что может быть проще – спросить, но Кирилл еще какое-то время стоял без движения, пытаясь подобрать имя и возраст девушки. Молоденькая. Есть ли восемнадцать?

Она поправила волосы, попыталась убрать их за ухо, листок соскользнул и полетел на землю, задев по пути сухую ветку, торчащую из-под бревна.

– Не помешаю? – громко спросил Кирилл, делая шаг вперед. Он знал, что испугает, и не отказал себе в этом маленьком удовольствии.

Но девушка не вздрогнула, не подскочила и не проявила никаких признаков волнения. Подняв голову, она внимательно посмотрела на Кирилла, точно прикидывала, а не добавить ли и его в свой рисунок, и спокойно произнесла:

– Здравствуйте.

– Привет. – Он подошел ближе и все же, стараясь смутить, заглянул в глаза. – Ты рисуешь мой дом?

– Если вы живете в нем, то да, – легко согласилась она, выдерживая взгляд.

Собственно, в девушке не угадывалось какого-либо напряжения, будто лесная фея, она чувствовала себя комфортно, устроившись на бревне. Да, ходят мимо люди, что ж поделаешь... Кирилл улыбнулся, сел рядом и посмотрел на планшет. Дом был нарисован не полностью, но мастерски, во всяком случае, он оценил. Правая башня уже содержала детали, окна – лишь наброски, но именно поэтому их захотелось хорошенько разглядеть. На крыше торчали трубы, в небо уходила сосна...

– Как тебя зовут? – спросил Кирилл, ожидая услышать редкое имя. Девушка не походила на тех красавиц, которые обычно достаивались его внимания: высокие, длинноногие, ухоженные, но ее весьма приятная внешность цепляла. Он вполне мог бы назвать незнакомку особенной, если учесть ее одежду, поведение, страсть, с которой она рисовала... Да и сработала привычка: он обратил на нее внимание, значит, она должна втрескаться в него по уши. И чем раньше, тем хуже для нее и лучше для него. Кирилла развеселили собственные мысли, он улыбнулся и приподнял бровь, ожидая ответа.

– Олеся, – коротко ответила девушка и тоже улыбнулась.

– Тебе подходит. Если не ошибаюсь, это означает «лесная», «девушка, живущая в лесу». Красиво. А я Кирилл. Не думал, что сегодняшнее утро станет для меня настолько приятным. – Он выдержал многозначительную паузу и спросил: – Ты приехала к кому-то?

– Да. – Леся махнула в сторону деревни и дома Дюкова. – К дяде.

* * *

Глеб выдал самую едкую усмешку, на которую был способен, и потер руки, будто только что провернул отличную сделку. Развернувшись, он привалился спиной к дубу и принялся насвистывать бодрую мелодию. Настроение улучшалось в геометрической прогрессии, душа ликовала, и даже не хотелось смотреть на небо – победа будет за ним. Причем скорая.

«Дура-а-ак, – мысленно с удовольствием протянул Глеб и поддел мыском спортивного ботинка облепленный прошлогодней листвой камень. – Дурак ты, Кирилл. Ха! Ее имя имеет еще одно значение, и я

бы на твоём месте подумал об этом. Романтик хренов, нашел себе лесную нимфу! Второе значение имени Олеся – «защитница». И если учесть, что ее детский сопливый мозг проигнорировал мою трижды гипнотическую силу, то тебе, парень, не позавидуешь, а впрочем... Разберетесь после свадьбы».

Конспирация, к великому сожалению, требовала тишины и внимания. За последние годы буквально отточились нюх и слух, что позволяло улавливать слова и запахи на приличном расстоянии. Как хорошей ищейке. А сегодня утром, после частичной победы над похмельем, еще включилась сила притяжения, за что спасибо Небесам. «Благодарствую, давно бы так, а то помощи от вас никакой», – выдал Глеб, настраиваясь на волну девчонки. Теперь он всегда будет чувствовать, где она находится, и не придется дежурить часами около ворот Дюкова или нарезать круги по лесу.

– *Дорогие Кирилл и Олеся, мы собрались здесь в этот замечательный день, чтобы скрепить узами брака вашу трепетную любовь*, – прошептал Глеб, старательно подражая сотрудницам загса. – Плодитесь и размножайтесь, дети мои, нечего зря время терять, – добавил он так же тихо, но уже со злорадной улыбкой и хищным блеском в глазах.

Что ж, все идет отлично, остались формальности, а дальше – свобода! Надо же, и пастуха девчонке искать не пришлось, получит жениха из богатого семейства без лишних хлопот и проволочек.

«Небесная канцелярия, и чего я такой хороший? – Глеб хохотнул, отлип от дуба и повернулся к Кириллу и Олесе. – Ты же не устоишь перед таким красавчиком, правда, детка? Сказочный принц, да и только. Лети, лети стрела Амура... – Скривив губы, он прищурился и сфокусировал взгляд на лбу Кирилла, но быстро передумал и принял решение целиться в сердце, чтоб уж как положено и наверняка. – Не отвертитесь, голубки. – Остатки алкоголя мешали, да и раньше не приходилось заставлять любить... Глеб сморщился, формулируя желание, с досадой подумал о том, что уже потратил приличную часть выделенной силы (жди потом, когда восстановится!), шумно вдохнул, выдохнул, и в его глазах вспыхнул голубой свет. – Пух! – Глеб представил, как ослабевающая натянутая тетива и отточенная стрела с ярко-красным оперением летит в сторону пары, устроившейся на бревне. – Давай, люби ее! Можешь уже сейчас сделать предложение

руки и сердца. Давай быстрее, от твоего энтузиазма зависит, сколько мне еще торчать в этой дыре!»

* * *

Леся разглядывала Кирилла украдкой – осторожно и по чуть-чуть, хотя душа требовала иного. Это даже хорошо, что он появился неожиданно из ниоткуда, принес с собой тонкий аромат лимона и терпкость хвои. Существует ли мужская красота? Да, существует. И еще какая...

Прямой нос, темные волосы и глаза, тот самый квадратный подбородок, о котором часто упоминают в книгах, лицо открытое, взгляд... Взгляд взрослого человека, безусловно знающего ответы на многие вопросы.

Леся уловила легкое волнение и замерла, желая удержать его подольше, хорошенько прочувствовать и даже изучить. Оно коснулось души, тягучим теплом разлилось по телу, задрожало и, к сожалению, все же исчезло. Было или не было? Конечно, было!

Положив карандаш на планшет, Леся посмотрела сначала на дом, затем на Кирилла: картинка сложилась, затем рассыпалась в мозаику, которую немедленно захотелось собрать вновь.

– Значит, вы здесь живете? – спросила она, угадывая отрицательный ответ.

– Раньше жил, а теперь приезжаю в гости к матери. У нее день рождения послезавтра. – Кирилл сел удобнее и вспомнил недавний разговор за завтраком. *«Пойду прогуляюсь по округе. Может, мне повезет, и я встречу самую достойную из достойных»*. Интересно, что бы сказала Ева, увидев лесную рыжеволосую фею по имени Олеся? Пожалуй, она бы поджала губы и отвернулась. Эта мысль развеселила Кирилла, слишком живо он представил сестру и ее подчеркнутое осуждение. – Ты надолго в наши края?

– На неделю.

– Раньше бывала в Утятине?

– Нет. В первый раз.

Выдержать подобный взгляд – невероятно трудная задача, но Леся справилась на пять с плюсом. Утренняя встреча с дядей закалила и

взбодрила ее, да и теперь разгадка тайны двух домов казалась намного ближе: рядом сидел Кирилл... Жаль, вопросы задавать пока рано, нельзя же сразу превратиться в бесцеремонную, любопытную Варвару. А иногда бывает, что вопросы как-то и не задаются, застревают, теряются, и только стучит в голове: «Потом, потом, потом...»

Еще недавно поездка в Утятино вызывала тяжелый вздох, а теперь?

«Почему он так смотрит на меня?.. Но вообще-то мне нравится, как он смотрит».

– Давай на «ты», не такой уж я и старый, – с улыбкой предложил Кирилл и добавил: – Приглашаю на прогулку, я с удовольствием покажу тебе все местные достопримечательности. А их полно. Например, яблоня, с которой я свалился в одиннадцать лет и заработал сотрясение мозга, колодец, куда мы с братом накидали крапивы, за что получили сполна от отца, скамейка с моими инициалами и многое, многое другое. Как видишь, экскурсия предстоит долгая и серьезная, но, уверен, к вечеру управимся.

Леся рассмеялась и согласно кивнула, хотя перейти на «ты» не было простым делом. Если не считать многочисленную родню, то, пожалуй, ей и не приходилось общаться наедине со взрослым мужчиной, который... Красив, уверен в себе?.. Нет, слова не подбирались, они ловко ускользали, унося с собой определенную долю покоя. Олеся вспомнила Пашку, с которым встречалась в десятом классе почти три месяца, пока не пришлось в очередной раз сменить место жительства. Он ей нравился (и даже очень), и втайне от всего мира перед расставанием они целовались на последнем ряду кинозала, обещая друг другу бесконечную любовь и непрременную верность. Однако через три недели звонки от Пашки прекратились, а Леся, нарисовав пятнадцать портретов неверного друга, увлеклась пейзажами и буквально размыла кисточкой и водой остатки трепетных чувств. Талант – это всегда спасение.

Взяв планшет, Леся встала и убрала от лица рыжую прядь. Тетя Саша бы точно не одобрила подобное знакомство, но теперь она далеко и ни сейчас, ни потом на судьбу влиять уже не сможет. Хорошо это или плохо? Леся вдохнула полной грудью и ощутила детскую радость во всем теле.

Кирилл тоже поднялся, подтянул съехавшие вниз рукава свитера и замер, ожидая решения.

– К сожалению, не получится... Скоро обед, и дядя будет волноваться, если я опоздаю.

Да, тетя Саша далеко, но нельзя забывать про Дюкова. Интуиция подсказывает, что впереди еще много битв с Василием Петровичем, не раз и не два придется отстаивать свою точку зрения, спорить, героически терпеть и оттачивать аргументы. Леся пожала плечами, выражая сожаление, и сунула карандаш под зажим планшета. Кирилл был гораздо выше, и пришлось поднять голову, чтобы заглянуть ему в глаза: действительно ли он хочет с ней прогуляться или просто пошутил?

Олесе нравилось на него смотреть.

Кирилл улыбнулся и заложил руки за спину. Надо же, ему только что отказали. Юное прекрасное рыжеволосое создание, практически лесная фея, сказала простое, понятное «нет»...

Ну и как это называется?

Отличная история про дядю, однако в таких случаях девушки придумывают, как обмануть родню, но не лишают себя возможности прогуляться с ним – Кириллом Кравчиком.

«Куда катится мир? – с иронией подумал он, получая особое удовольствие от отказа: давненько не случалось ничего подобного. – Старею, старею... – Кирилл чуть не засмеялся, но в этот момент теплая боль, точно буравчик, прошла сквозь ребра, кольнула сердце, вздрогнула и исчезла. На несколько секунд звуки леса стали громче и четче, ароматы весны настойчивее, а глаза Леси зеленее. Кирилл мог поклясться, что таких глаз он ни разу в жизни не видел, они поражали не только цветом, но и глубиной. – Нет, не улетай, маленькая рыжая птичка... Мы же только познакомились».

– Я провожу тебя.

– Боюсь, дяде не понравится, если он увидит меня с... мужчиной, – честно ответила Леся, переводя взгляд в сторону тропинки. – Но-о, – протянула она, хитро щурясь, – до начала деревни – можно.

– Тогда прогулку переносим на вечер? – быстро спросил Кирилл.

– Да...

– Где встретимся?

– У той сосны. – Леся указала на высоченную старую сосну с особо пышной макушкой и тремя раскидистыми ветками.

– Часов в шесть?

– Хорошо.

– Не забудешь?

– Конечно нет. – Засмеявшись, Леся опустила голову, затем подняла ее и опять встретилась взглядом с Кириллом. Если бы ее попросили нарисовать эти мгновения, то на бумаге появились бы слайды с ровными дырочками по краям, как у старой пленки, а на них штриховкой фон: лицо темноволосого мужчины, угол дома, часть сосны с тремя ветками, глаза и открытый лоб, губы и квадратный подбородок... На каждом маленьком прямоугольнике что-то свое... Впечатления не помещались бы, им было бы тесно в дырчатых рамках, и поэтому слайды выхватывали бы жадно лишь фрагменты, но интересные, важные. И тянулись бы, тянулись, перепрыгивая с листка на листок...

«Учти, если ты не придешь, я отправлюсь в деревню искать дом твоего дядюшки», – мысленно пообещал Кирилл, представляя эту картину в красках и лицах.

Глава 7

До обеда оставалась куча времени – приблизительно полтора часа, но Лесе требовалась передышка: еще не улеглись впечатления после встречи с дядей, а тут новое знакомство... Слишком много всего за утро, и будто голос пролетел в голове: «Сейчас лучше уйти и прогуляться одной».

Минута ушла на борьбу со жгучим желанием обернуться, но Леся не сделала этого. Уверенно шагая в сторону дома Дюкова, она испытывала необыкновенную легкость во всем теле, улыбка не сходила с лица. Определенно, новая жизнь нравилась и даже завораживала, и хорошо, что она началась именно здесь, в Утятине, – практически в другом мире, за тридевять земель от привычной городской суеты. Будет особенно приятно вернуться в свою квартиру, надышавшись пряным воздухом свободы. «Жаль, я не взяла кисти и краски...»

«Если не ошибаюсь, это означает «лесная», «девушка, живущая в лесу». Красиво. А я – Кирилл. Не думал, что сегодняшнее утро станет для меня настолько приятным...»

Олеся остановилась, положила планшет на край скамьи и попыталась усмирить волосы, скрутив их в жгут. Вообще-то, она тоже не надеялась на прекрасное утро, но оно получилось именно таким.

Лесная...

«Нет, к лесу я не имею никакого отношения, я родилась и выросла в Москве».

Однако слова Кирилла не отпускали всю дорогу до дома Дюкова.

Как ни странно, территория рядом с «замком» Василия Петровича пока не была исследована. Леся не знала, что скрывается за плотной полосой орешника с правой стороны и куда ведут лесные тропы с левой. Если дом Кирилла в большей мере окружали хвойные деревья, то здесь преобладали лиственные, и это казалось ошибкой, так как аура Василия Петровича представлялась жесткой и колючей.

Леся выбрала тропинку пошире и устремила к смешанному лесу, который наверняка во второй половине лета радовал сыроежками, лисичками и подберезовиками. Благодаря тете Саше она

хорошо разбиралась в грибах и на секунду пожалела, что сейчас май, а не август.

Потянулись елки, за ними – тощие березки, рябины и опять орешник. Леся сошла с тропинки, взяла правее и, касаясь стволов деревьев то одной рукой, то другой, прошла метров сто, а затем резко остановилась. Перед ней, разинув пасть, лежал глубокий обрывистый овраг. Его покрывали корни деревьев, камни, трава... Растительность то вспыхивала зеленым цветом, то гасла, демонстрируя землю, ветки, коричневую прошлогоднюю листву. Наверное, утренний туман любил это место. Проснувшись внизу, около практически голых щуплых кустиков, он обычно полз вверх, проглатывая на ходу то камень, то кочку, то кусок трухлявого дерева, покрытого лишайником.

Место завораживало, и Леся, шагнув к краю обрыва, прислушалась, пытаясь поточнее уловить атмосферу... Конечно, она выбрала бы именно эти краски – естественные, сочные зеленые и коричневые, – чтобы нарисовать овраг, но в душу отчего-то настойчиво лез и красный цвет. Быстро перевернув лист на планшете, вытащив карандаш, Олеся принялась рисовать увиденную картину, стараясь специально не придумывать ничего лишнего: пусть рука ведет... И уже через пять минут на листе появился большущий клубок, летящий вниз.

– Люди... Они падают... Катятся по склону... – Леся покачала головой, усмехнулась и добавила: – Э-э-э, нет, с меня впечатлений хватит. Надеюсь, на этом месте никто никогда не отправлялся на тот свет. Да, очень на это надеюсь.

* * *

– Что? – Кирилл обернулся и посмотрел на мать. – Извини... Ты что-то сказала...

– Отлично, – со сдержанной улыбкой произнесла Зоя Дмитриевна и покачала головой. – Ты меня уже не замечаешь.

– Как можно, мама. Поверь, я не так ужасен, как тебе кажется! Просто задумался.

– О чем же?

– Об одной лесной фее, – весело ответил Кирилл, подходя ближе. – Все мысли только о ней.

– Боже. – Зофия Дмитриевна театрально дотронулась до виска кончиками пальцев. Кольцо, усыпанное бриллиантами, на короткий миг засияло в свете ламп, подчеркивая ухоженность рук. Лишь одно украшение, но весомое и, безусловно, дорогое. Зофии Дмитриевне никогда не изменял вкус, она умела единственным украшением произвести настоящий фурор и часто пользовалась этим приемом на различных встречах. – Ты вышел из дома на пять минут и уже успел с кем-то познакомиться? Раньше я не замечала за тобой тягу к деревенским девушкам. Или тебя уже постигло отчаяние?

– Нет, но, возможно, стрела Амура наконец-то пробила мое сердце. – Кирилл многозначительно поднял брови, затем засмеялся и направился в столовую. – У меня такое чувство, будто я не ел три дня. Ужасно голоден, к чему бы это. Хотя всему виной диетический завтрак, – громко добавил он, зная, что ирония вызовет у матери очередную улыбку. – Как же я хочу есть!

– Приехал Егор. Кажется, он отправился пить кофе, – ровно произнесла Зофия Дмитриевна, глядя в спину уходящему сыну. – Похоже, мужчины никогда не любят овсянку.

Распахнув дверь столовой, Кирилл сразу уловил тонкий аромат кофе. Можно было не сомневаться: Егор позавтракал яичницей из четырех яиц, бутербродом с сыром и американо. Этот набор простейших блюд брат уважал с детства и в Утятине обычно завтракал именно так, чем вызывал холодные насмешки Евы. Она никому не могла простить природной худобы и равнодушия к еде, а Егору досталось и то и другое. Красота сестры требовала постоянных диет, правильного питания, массажей и многого другого. Но нелепо, что все это внешнее совершенство доставалось неинтересному и, в общем-то, неприятному Юрию Григорьевичу Алпатову.

Мысли Кирилла устремились к Олесе – юной рыжеволосой художнице, не пойми откуда взявшейся и исчезнувшей. Она буквально растворилась в воздухе! Нет, она не производила впечатления хрупкого эфемерного создания (не все так просто в душе у «лесной феи»), но была в Олесе загадка, которую пока не удалось разгадать. «Сердце колет... зараза, будто застряло что-то», – поморщился Кирилл и понял, что уже давно стоит посреди столовой и смотрит на брата.

– Привет, говорю, – явно не в первый раз произнес Егор, сделал глоток кофе и поставил белоснежную чашку на стол. – Давно не виделись, – без особых эмоций добавил он и откинулся на спинку стула.

Виделись позавчера в офисе, но, пожалуй, Кирилл с трудом смог бы вспомнить, когда последний раз они болтали или обедали вместе на работе. Егор сразу сказал, что заниматься руководством фирмы не станет, ему достаточно и рекламного отдела, а Кирилл, наоборот, стремился к чему-то большому. Даже облегчение испытал, когда понял, что учитывать мнение брата по многим вопросам не придется, – каждому свое.

– Привет, – ответил Кирилл, пожал руку Егору и устроился на противоположном стуле, закинув ногу на ногу. – А я к речке ходил рыбалку нашу будущую проверить, но не дошел... Нынче в лесу много лесных фей, – Кирилл улыбнулся широко и добавил: – Отвлекают, дурманят, очаровывают.

– Ты их с сиренами не путаешь?

– Нет.

– Интересно, чем лесные феи отличаются от городских.

Кирилл перевел взгляд на брата, но не уловил иронии в его глазах. Впрочем, Егор не отличался щедростью на эмоции, и понять, когда он шутит, а когда говорит серьезно, получалось далеко не всегда.

– Очень многим. Лесные феи, да будет тебе известно, носят тяжелые ботинки, потертые джинсы и длинные вязаные зеленые платья. Волосы у них огненно-рыжие. – Кирилл побарабанил пальцами по столу. – А еще... Их, похоже, не так-то просто забыть.

– Послезавтра много гостей будет? – сменил тему Егор.

– В два раза меньше, чем в прошлом году. Значит, о женщинах разговаривать не хочешь?

– Нет.

Кириллу показалось, что Егор поморщился, но возможно, это была лишь игра света. Прямой острый нос брата имел еле заметное искривление, тонкие губы часто поджимались и превращались в линию, а еще этот привычный тяжелый взгляд исподлобья... Иногда Егор смотрит так, что хочется сказать: «Ладно, уговорил, я пойду чем-нибудь позанимаюсь, а ты побудь здесь. Ну, если хочешь, испепели мебель или нашли парочку крепких ураганов на деревню, то есть

сделай уже то, о чем давно мечтаешь». Можно бесконечно удивляться, насколько они разные.

Кирилл посмотрел на серебристые наручные часы и быстро сосчитал, сколько осталось до встречи с Олесей. Время тянулось нестерпимо медленно. В Утятينو всегда казалось, что часовые механизмы заболевают и начинают работать хуже, но сейчас стрелки будто зацепились друг за друга и остановили ход.

– Монашеский образ жизни тебя до добра не доведет, – улыбнулся Кирилл, поднимаясь. Он не стал бы затрагивать эту тему, но утренние разговоры с Евой и матерью подзадорили – не все же ему одному страдать! – Неужели не скучно?

– Разберусь как-нибудь сам, – ответил Егор и залпом допил остатки кофе.

* * *

Дело сделано?

Дело сделано!

Походка Глеба была той самой – победной. Когда легок шаг, электрическим током по телу бежит ритмичная музыка, расправлены плечи и нестерпимо хочется освежающего ветра в лицо. Конечно, придется дожидаться формальностей, а как иначе, бюрократия же кругом. И на небе тоже.

«Я тебя люблю. И я тебя люблю... – Глеб на пару секунд остановился, сунул руки в карманы джинсов и похлопал ресницами, изображая вдохновенную барышню. – Голубки, не тяните с признанием. Леська-Олеська, надеюсь, твое сердце уже отбивает чечетку? Я ж тебе не комбайнера подогнал, а мог бы! Ну, надеюсь, твоя искренняя и продолжительная благодарность не знает границ».

Формальности. Глеб подозревал, что именно признание в любви, сказанное вслух, должно спасти его от тяжелой доли Амура. До свободы практически рукой подать! Бесспорно, с такими словами обычно не торопятся, но не зря же он потратил почти весь остаток сил на ту самую стрелу – Кирилл Кравчик уже наверняка не находит себе места и ждет встречи с Олесей. Медленно, но верно в груди «принца» растет то самое чувство, от которого нет и не будет спасения. Еще

немного, и образ рыжей девчонки станет постоянным спутником, займет все сны, мечты и планы, превратится в счастье и боль до тех пор, пока не раздастся долгожданное «да...».

– Ты его, естественно, помучай, как положено, но не долго, – с щедрой улыбкой произнес Глеб, собираясь обойти поле в третий раз.

* * *

К обеду Василий Петрович спустился при параде, чем удивил Лесю. Белоснежная рубашка, застегнутая на все пуговицы, подчеркивала загар дяди, фиолетово-черный галстук добавлял торжественности и строгости, темно-серая жилетка умело скрывала недостатки фигуры.

– И не смотри на меня так. Иногда очень полезно выглядеть деловым человеком, – трескучим голосом сообщил Василий Петрович, усаживаясь за стол. – Впрочем, таковым я и являюсь. Надеюсь, галстук не утонет в супе. – Он засмеялся открыто и громко, но Олесе смех показался предостерегающим, будто дядя пытался предупредить галстук, что не в его интересах попадать в горячий бульон к картошке и мясу.

– Приятного аппетита, – ответила Леся, взяв ложку.

– Ты гуляла?

– Да.

– Отлично. Просто прекрасно. – Погрузившись в свои мысли, Василий Петрович принялся с жадным удовольствием есть. Леся замерла. Сейчас суп потечет по эспаньолке, а затем беспощадно перепачкает галстук и рубашку. Однако этого не произошло, каким-то чудодейственным образом дяде удалось избежать подобной катастрофы: брызги летели на край тарелки и, возможно, на скатерть, но только не на одежду. – Суп – моя слабость, – разламывая кусок черного хлеба, прокомментировал Василий Петрович. – Мне вообще не чуждо чревоугодие. Грешные страсти... В них что-то есть, не находишь? Да, не жалкие нелепые страстишки, а страсти. Головокружительные! И не важно, чем живет душа человеческая: любовью или ненавистью. Абсолютно не важно. – Широко улыбнувшись, Василий Петрович подмигнул Лесе, а затем

расслабленно откинулся на спинку стула. Он явно наслаждался происходящим и пребывал в прекрасном расположении духа. – Чем еще занималась? Впрочем, не трудно догадаться: ходила по краю пропасти... Я счастлив. Безусловно, счастлив...

Голос дяди стал тише, но Леся поймала каждое слово. Когда же наступит время правды, когда поступки и фразы станут прозрачными и тайное станет явным? Леся уже не сомневалась: тайного в душе дяди предостаточно.

– Я гуляла по деревне, дошла до противоположного края... Там сосны растут, – спокойно произнесла она и мгновенно уловила в глазах дяди особый блеск. Только сейчас она поняла: конечно, Василий Петрович знает про второй дом и ждет нетерпеливого вопроса. Любой бы на ее месте задал его. Так спрашивать или схитрить? Леся поерзала на стуле и с сожалением признала, что особого выбора нет. Она может узнать о сходстве домов либо от дяди, либо от Кирилла. «Н-да... Вариантов катастрофически мало». – Здесь красиво. – Леся тоже принялась за суп и нарочно стала есть обстоятельно, точно от тщательного пережевывания мяса и овощей по меньшей мере зависела ее жизнь. – Я видела овраг неподалеку от вашего дома. Довольно глубокий. – Приятно было вильнуть в сторону и взять небольшую передышку. Нет, у Кирилла спрашивать не надо... Леся встретилась взглядом с Василием Петровичем и непринужденно поинтересовалась: – Вы не знаете... никто в этот овраг не падал? У меня почему-то такое чувство, будто давным-давно кто-то скатился в него. Надеюсь, обошлось без жертв.

Брови дяди медленно поползли вверх, по лицу пронеслась тень, губы дрогнули и растянулись. Леся не смогла бы точно определить, улыбается Василий Петрович или... это какая-то иная реакция. Но его взгляд теперь буквально протыкал насквозь, отчего заболели виски и на миг потемнело в глазах.

– В овраги всегда кто-нибудь падает, – философски ответил дядя, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки. – Не подходи к обрыву, и никому потом не придется собирать твои кости. – Василий Петрович вновь взял столовую ложку, методично постучал ею по столу и с удовольствием протянул: – Надо же, тетка не смогла испортить тебя. А ведь наверняка старалась. А? Старалась? Чему она учила? Могу поспорить на миллион, Сашка все силы бросила на то, чтобы слепить

из тебя вторую себя! Но не вышло, да? А знаешь, почему? – Василий Петрович резко подался вперед и дьявольски улыбнулся. – Судьба, – коротко ответил он на свой вопрос. – Элементарно. Судьба! Никто не властен над ней. Даже я.

– На другом краю деревни есть дом, очень похожий на ваш, – услышала Леся свой голос. – Кто в нем живет?

– Кравчики, – равнодушно махнул ложкой Василий Петрович и вновь принялся за суп. – Та еще семейка! Мнят себя сливками общества... А чего ж сбежали из Польши, если там хорошо? Мыли бы ноги в Висле и колбасу краковскую жрали, так нет же, Россию им подавай! – Василий Петрович повернул голову и с интересом посмотрел на окорок, нарезанный щедрыми кусками, впитавшими всевозможные ароматы специй.

Леся сразу заметила вздущуюся на виске дяди вену и мысленно дорисовала на его лице румянец. Она не смогла бы объяснить, зачем это сделала. Так вышло, и все.

– Но почему дома похожи?

– Потому что Кравчики – дураки. – Дюков захохотал, затрясся, а затем буквально набросился на окорок. – Я говорил, что мясо – моя слабость?

– Да, – кивнула Леся.

– Врешь и не краснеешь, – похвалил Василий Петрович.

* * *

Вспоминать собственную смерть Глеб не любил. Но вовсе не потому, что тема гибели всегда трагична. Если бы более десяти лет назад он умер красиво и мужественно, то, возможно, этот день в его личном календаре был бы обведен красным и отмечался ежегодно с размахом. Почему бы не выпить и не закусить? Но увы.

Серая пропасть между историческими «до» и «после» с каждым годом становилась все шире и глубже – далекое бесславное прошлое не беспокоило, не вызывало ностальгию. Не звало. Глеб распрощался с обычной человеческой жизнью и предпочитал не оглядываться назад. А на что оглядываться?

Он хорошо окончил школу, но экзамены в институт завалил. Среди бывших одноклассников нашлись такие же «везунчики», вот с ними-то и прошли три лихих, но, по сути, никчемных года. Похоронив родителей, прочувствовав унылое безденежье, Глеб устроился в ночной клуб на должность, названия которой не существовало. Сначала «подай-принеси», потом «найди и купи», затем «проследи» и далее по списку, отягощенному легкой криминальной составляющей.

Женщин много не бывает, впрочем, как и алкоголя. Глеб ни в чем себе не отказывал: днем спал, ночью бодрствовал. И пули свистели над головой, и друзья становились врагами, и он сам иногда путал сделку с предательством. Время летело быстро, желания менялись еще быстрее, и традиционно всему находилось оправдание: «А не ваше собачье дело, как я живу». Но однажды случилось то, что изменило очень многое, что пробралось глубоко в душу, да там и застряло...

«Господи, сбереги его, не меня».

В тот вечер Глеб не пил. Он сидел в углу зала на красном бархатном кресле и, поглядывая по сторонам, жевал соленый миндаль. Законный выходной тянулся бесконечно долго: надоели до тошноты знакомые лица, и от однообразной музыки «тын-тыдын» сводило скулы. Отдохнуть Глеб не умел и не любил. Выдержав еще час, смяв пустую сигаретную пачку, он неторопливо поднялся и вразвалочку направился к выходу, однако на полпути споткнулся, автоматически чертыхнулся, схватился за спинку рядом стоящего стула и удержался на ногах.

– Осторожно... – раздался мягкий голос.

Глеб поднял голову, выпрямился и увидел престранную картину. В инвалидной коляске прямо перед ним сидела хрупкая девушка в легком белом платье и белых босоножках. Отчего-то хорошо запомнились летние рукава-крылышки и... огромные голубые глаза. Светлые волнистые волосы лежали на плечах, по ним бесцеремонно прыгали разноцветные пятна цветомузыки.

Ну и как это белоснежное создание оказалось здесь – в огне и дыму? «Люди добрые, да что ж это делается. Ангелы шляются по ночным клубам!» Глеб усмехнулся и только теперь заметил Григория Бероева, стоявшего за коляской с каменным выражением лица. «Поговаривали, что у него дочь – инвалид... Понятно...»

– Как видите, мадемуазель, я не упал. – Глеб развел руками и широко улыбнулся. Девчонке еще не исполнилось восемнадцати (он чувствовал эту грань), но... если на тебя смотрит восхищенная пара бездонных глаз, то хочется нравиться. Дурным привычкам закон не писан. – Наверное, твой волшебный взгляд придал мне силы. – Глеб игриво подмигнул девушке. – Чудесно выглядишь, отдохни хорошенько. Счастливого вечера.

Он не стал вникать в реакцию Бероева (гневаются тот или нет) – какая разница, все равно пора двигаться к дому, сегодня здесь скука смертная.

– Подождите... Как вас зовут?

– Глеб.

– А я Катя.

«Котенок, значит. Папина дочка».

– Приятно познакомиться.

– Вы уходите? Спешите? Жаль...

На ее лице отразилось смятение, и Глеб сгладил расставание дежурной фразой:

– Но мы обязательно встретимся, не так ли?

– Да, – Катя улыбнулась, убрала за ухо непослушный локон и опустила руку на подлокотник кресла. – Теперь идите, раз торопитесь, а то еще опоздаете из-за меня.

На удивление, взгляд Бероева оставался спокойным, точно происходящее не имело к его дочери никакого отношения. Нет, он не отогнал от своего ненаглядного ангела (прикованного к инвалидному креслу) пропахшего сигаретным дымом, небритого и насмешливого демона. Не сказал ни единого слова.

«Отлично», – весело подытожил Глеб. Фортуна явно была на его стороне.

О Григории Бероеве он знал мало. Успешный бизнесмен, вдовец, не бросает слов на ветер, уважает виски и сигары, хотя пьет и курит редко. В клубе он появлялся раз в неделю, не чаще. Занимал любое свободное место, почти всегда проводил время или в одиночестве, или со своим заместителем – полным рыжеволосым мужчиной неопределенного возраста. К Бероеву относились с почтением, владелец клуба всегда пожимал ему руку, проходя мимо, красотки не липли в надежде на легкую добычу. Немногословный, высокий, чуть

сутулый, седой – он не производил впечатления физически сильного человека, но между тем Глеб не сомневался – убьет с разворота. Жену похоронил, дочь инвалид. «Не в деньгах счастье. Да, приятель?»

Дома Глеб выпил коньяк, пощелкал телевизионным пультом, сгрел грязную посуду в раковину и завалился спать, не снимая одежды. «Медведь вернулся в берлогу, чего вы хотите?» Планов на ближайшую неделю не было, денег хватало, а значит, можно жить – не тужить. «И что я не рванул на рыбалку с Серым? Сейчас бы тушенку жевали и песни орали».

Он бы не вспомнил потом девчужку, папину дочку, но утро началось с резкого звонка Бероева. «Я хочу предложить вам работу. Жить будете в моем доме. Зарплата...»

От таких денег не отказываются, и Глеб, сгорая от скуки и любопытства, согласился променять лихую жизнь на постоянную работу, белую рубашку и едкое «чего изволите?». Конечно, временно. Не понравится – он всегда волен уйти, его не удержишь деньгами или обещаниями. «Посмотрим, чем вы тут занимаетесь...»

Позже, сидя за широким столом кабинета, Бероев четко и методично перечислял обязанности Глеба, но они оба знали: это лишь ширма. Катюшка, белокурый ангел, попросила отца, и тот не отказал... «Вызвала на дом живую игрушку, – мысленно развлекался Глеб, ничуть не задетый правдой. – Что ж, поиграем, жду не дождусь».

За ним не следили, но можно было не сомневаться: Бероеву известно о каждом его шаге. Утром поручения, вторая половина дня свободна. Не жизнь, а малина!

– Обидишь ее... убью, – только один раз за обедом в абсолютной тишине, когда даже стрелки часов замерли, произнес Бероев. У этого разговора не было начала, ему не ожидалось конца: в короткой фразе поместилось все, что требовалось.

– Да я вроде не собирался, – хмыкнул Глеб и после минутной паузы продолжил есть. Кормили вкусно, и аппетит требовал свое.

Катюшка читала ему стихи, подсовывала книги, заставляла гулять по два часа, заваливала эсэмэсками и всегда смотрела так, что хотелось улыбаться. Она не умела скрывать чувств (откуда взять опыт в семнадцать лет, проживая в ограниченном пространстве?), но никогда не заговаривала о том, что могло изменить общение.

Глеб не всегда приходил ночевать, он вовсе не собирался отказываться от женщин, клубов, сигаретного дыма и алкоголя. Ему даже нравилось по утрам ловить в глазах Катюшки печаль и пить при этом крепкий обжигающий кофе. «Самовлюбленная скотина», – говорил он себе, ни о чем не сожалея.

Но однажды Катюшка переиграла его, отомстила за ночные удовольствия.

– Я знаю, что скоро умру, – произнесла она ровно, разламывая ложкой облитый сметаной сырник.

Глеб поперхнулся кофе и пролил его на белоснежную рубашку.

– С чего это?

– Три месяца назад я подслушала разговор папы с врачом. Собственно, я уже полгода как жить не должна. Сердце у меня какое-то неправильное, а операцию сделать невозможно. Иногда мне очень тяжело дышать, тогда меня отвозят в клинику... Ты только папе не говори, что я знаю, а то он расстроится.

– Не скажу, – тихо произнес Глеб и со стуком поставил чашку на стол.

Она не играла, не давила на жалость, не твердила заученную роль. Просто ждала, но при этом надеялась, что ничего плохого не случится.

– Знаешь, о чем я теперь прошу Господа? Я говорю так: «Господи, спаси его, не меня». Потому что ты неправильно живешь, а... – Катюшка потеряла интерес к сырнику и пожала плечами. – А я не хочу, чтобы ты потом мучился.

Глеб смотрел на нее неотрывно и впервые не знал, что сказать. Теперь поступки Бероева стали объяснимы, но все же хотелось встать, зайти в кабинет и набить ему морду. От бессилия, наверное...

– Пошли гулять. – Глеб провел ладонью по лицу и резко поднялся.

– Но на улице дождь.

– Может, позвоним твоему лечащему врачу?

– Зачем?

– Убедимся, что ты точно умрешь не от дождя.

Катюшка приподняла тонкие брови, взгляды встретились, в отдалении глухо хлопнула дверь, на кухне запищал таймер, и они оба засмеялись, освобождаясь от только что состоявшегося разговора. Сначала тихо, а затем громче и громче, да так, что наверняка было

слышно в кабинете Бероева... «Посмотрим, крошка, кто кого переживет, время покажет».

Он теперь садился к ней ближе, приносил сладости, чаще подшучивал и почти не злоупотреблял алкоголем. Глеб понимал, что надолго его не хватит, но сам же удивлялся, когда не рвался вечером в клуб. Катюшка улыбалась, светилась от счастья, а в его голову лезли мысли, от которых трудно было избавиться.

Она влюблена в него.

Маленькая. Семнадцать лет.

Невинна.

И кто знает, сколько осталось дней...

Правильно ли умереть, не познав...

«Ну что, герой. – Глеб посмотрел на себя в зеркало и вспомнил, как впервые увидел Катюшку. Белые крылышки и голубые глаза. – Кажется, ты забыл ей пожелать сладких снов».

Он направился в ее комнату в час ночи, без брюк, в расстегнутой рубашке и трусах. Видок еще тот, но так лучше, потому что страшнее. «У-у-у», – мысленно изобразил Глеб вой из ужастиков и открыл дверь.

Катюшка еще не спала, на тумбе горел ночник, сквозь тонкую щелку штор на кровать струился лунный свет. Повернув голову, она увидела Глеба и замерла.

– Ты пришел?

– Похоже на то.

– Я... – По ее лицу скользнул испуг вперемешку с надеждой, а хуже такой реакции не могло быть ничего.

Молча сняв рубашку, швырнув ее на стул, Глеб лег рядом с Катей и осторожно притянул ее к себе. Закрыв глаза, вдохнул аромат нежной кожи, впитал тепло и наконец-то нашел ответ на мучительный вопрос.

– Не бойся, не трону тебя. Просто заглянул сказку рассказать.

– А если я попрошу...

– То останешься без сказки.

Катюшка тихо засмеялась и крепче сжала его руку. Им предстояла тяжелая ночь, но сила этой крошки была в чистоте, и именно такой она должна была покинуть этот мир. Глеб тогда не знал, что в те минуты спасал не только ее, но и себя.

– Начинай, – потребовала Катюшка.

– Жили-были... допустим, король с королевой...

- Ты забыл сказать «давным-давно».
- Не перебивай. И был у них сын...
- Почему сын? Дочь. Принцесса!
- Это моя сказка, говорю же – сын.
- Но сказка для меня. Значит, принцесса.
- Ладно, уговорила.

Катюшка умерла через три недели в своей кровати во время сна – с улыбкой на лице, точно в этот момент ей сообщили что-то важное и доброе. «Господи, сбереги его, не меня...»

Увидев ее – свободную от земных горестей, беззащитную, Глеб почувствовал тупую боль во всем теле, но припечатало его к стене и скрутило в бараний рог только спустя девять дней. Запоздалая реакция.

Он не любил Катюшку, как мужчина любит женщину, однако у каждого человека в жизни должно быть что-то хорошее...

У каждого ли?

Обязательно?

Или нужно заслужить?

Не заслужил...

Они с Бероевым заперлись по разным комнатам, и дом долгое время хранил молчание. Глеб все ждал, когда ему укажут на дверь (теперь уж чего), но никто не приходил, не беспокоил. Тогда он сам стал кружить по первому этажу, сдерживаясь, чтобы не разбить все, что попадалось под руку. Слышался ее голос и смех, в голове постоянно вертелось: «Господи, сбереги его...»

«Глупая, за себя просить надо было! За себя! Меня уже давно нет!»

– Кофе будешь?

Глеб обернулся, увидел Бероева и кивнул.

Минуты шли, а они сидели напротив друг друга, практически не шевелясь. Белые чашки стояли на столе рядом с сахарницей и казались совершенно неуместными и даже раздражали. Лучше бы черные, и кофе в два раза крепче и горячее. Кофе вообще не должен остывать, никогда.

Теперь Глебу тяжело было смотреть на Бероева, но не только из-за неумолкаемой боли и дурацкого чувства вины. Это все равно что смотреть на солнце... Физически невозможно. Как похоронить жену,

ребенка и не превратиться в пыль? Отец Катюшки знал ответ на этот вопрос. Глеб бы так не смог. Он и жениться-то никогда не думал, не любил и, вероятно, не умел любить, как все нормальные люди... «Господи, сбереги его, не меня». Зачем?

– Ты можешь остаться и работать, как раньше, – сказал Бероев и сделал первый глоток.

– Нет, хочу уйти.

Правильным было ответить: «Хочу сбежать», – но Глеб не собирался признаваться себе в этом. Прежняя жизнь звала и обещала все прелести затаенного равнодушия, когда никто не зовет, не ждет, не надеется, не верит. Не смотрит большими голубыми глазами и не считает, что ты – целый мир. Его место – под другой крышей, он заслужил лишь сигаретный дым и музыку с ритмом «тын-тыдын». Привет. Пока. И день идет за днем, не принося ни плохого, ни хорошего.

– Мне пора, – добавил Глеб, поднимаясь из-за стола. А чего засиживаться, если каждая секунда – как игла между ребер. Как получилось, что он оказался в этом доме, как вышло, что его полюбили, да еще так?! Нелепо, смешно... – Пора. Куча дел, разгрести надо.

Бероев проводил Глеба до двери и пожал на прощание руку – крепко, по-мужски.

– Спасибо, – коротко произнес он, развернулся и, ссутулившись больше обычного, пошел в сторону кухни.

Свобода... Иди куда хочешь и делай все, чтобы память превратилась в чистый лист. «Катюшка, Катюшка, не о том ты молилась, душа моя! Нашла за кого!» Глеб рванул к дому пешком, не разбирая дороги, ошибаясь на поворотах, блуждая по пустынным улицам, выкуривая одну сигарету за другой. «Тын-тыдын» – вот она, правда жизни! Его жизни. И никак иначе.

Через месяц Глеб уже покорял «моря и океаны» шоу-бизнеса: его приставили к трем звездам, вокруг которых нужно было устраивать шум и фейерверки событий. Чувствуя себя как рыба в воде, он полюбил хорошую одежду, начал разбираться в кофе и даже прыгнул с парашютом (орал при этом так, что осип на неделю). Теперь изрядно тянуло на подвиги, моря приравнивались к рекам, реки к озерам, озера к лужам. Ночь и день вновь путались, деньги липли к карманам,

женщины традиционно одаривали улыбками и собой... Полгода пролетели почти незаметно, мотания по стране изрядно надоели, Глеб дотянул кое-как до конца оговоренного срока, торжественно сказал: «Да пошли вы все...» – и вернулся домой.

Наверное, не стоило столько пить в первую же ночь в родном клубе, но друзей-приятелей кругом было слишком много, а в душе отбивала чечетку неумемная отчаянная радость. Да и что могло остановить? Цепляться-то не за кого...

Даже если бы Глеб очень сильно напряг память, он не вспомнил бы, кто первым предложил выпить полбутылки водки и пройти после этого по краю крыши. Вообще не страшно – кровь уже перемешалась с алкоголем, а четвертый этаж – это ж не пятнадцатый... «По-любому лететь недолго!» – хохотнул Глеб и, шурясь от сигаретного дыма и непрерывно мигающего света, поспорил на тысячу долларов с тощим скрягой Павлом Демченко. Победа обещала особое удовольствие, которое непременно развлекло бы всех: Павлик, умеренно разбогатевший на продаже подержанных машин, был необыкновенным скупердьяем и буквально чах над деньгами, как Кощей над золотом.

– Барабанная дробь! – поднявшись на четвертый этаж, перекинув ногу через тонкое металлическое ограждение, крикнул Глеб. – Я пошел... Но знаешь, что самое смешное? – Посмотрев на Павлика, он прищурился. – Если я подохну, то тебе никто не заплатит. – Глеб засмеялся громким пьяным смехом, а друзья-приятели подхватили. – Так что стой и молись за мое здоровье!

Первые десять шагов дались легко, главное же – не смотреть вниз, на асфальт и припаркованные машины. Пам-пару-рам! Глеб чувствовал необыкновенную легкость, шел, раскинув для равновесия руки в стороны, глядя только вперед. Хотелось петь, но в голове царил пустота, и ни одна строчка, как назло, не вспоминалась.

А потом его качнуло – раз... и два... Правая нога подвернулась, рука взлетела вверх (вместо того, чтобы устремиться к ограждению), картинка задрожала, противно задрезжал металлический край крыши, и Глеб полетел вниз. Четыре этажа – это не мало, вполне достаточно, чтобы отправиться на тот свет, что и случилось...

Слишком скорый удар об асфальт, даже мысли не успели выстроиться в ряд. И темнота – долгая, тягучая. Продолжительная

невесомость без капли света, запах гари, полнейшее оглушение. А потом Глеба долго болтало из стороны в сторону, да так, что руки и ноги выписывали кренделя, к горлу подступила тошнота, во рту появился гадкий солоноватый привкус, из организма ушел весь алкоголь, оставив после себя мышечную слабость... Глеб понимал, что умер, однако страха не было. Душу пекло, скручивало, и приходилось концентрироваться именно на этом. Острое желание вырвать ее из груди и швырнуть на невидимый пол все время сжимало пальцы правой руки в кулак. «Да подавитесь вы...» Глеб не понимал, к кому обращается и что хочет сказать, он морщился, болтался в черноте и неся вперед против своей воли. Пот струился по спине не от усталости – чем дальше, тем горячее становился воздух, и дышать, как раньше, уже не получалось. Дышать?.. Глеб попытался прочувствовать свое дыхание... Да, он втягивал воздух и выдыхал, но только медленно.

«Кислорода подбавьте, я еще живой! Жалко вам, что ли! И чем здесь так воняет?»

Вместо ответа в ушах раздался непонятный шум, тело развернуло вправо, кинуло вверх, затем вниз и понесло совсем в другую сторону, да с такой скоростью, что глаза заслезились, а кости заныли. Маршрут явно изменился, хотя в крошечной тьме особо ориентироваться не получалось.

Впереди замаячил свет, затем последовала вспышка, наконец ноги коснулись пола. Глеб зажмурился, открыл глаза и в одно мгновение оказался в белоснежном зале, рядом со столом, за которым сидел мужчина в белом костюме и белой рубашке. Незнакомец монотонно складывал исписанные листы в папку, изредка делая пометки в блокноте. Кругом стояли такие же столы, за которыми тоже сидели мужчины и женщины в светлой одежде. На Глеба внимания никто не обращал, и интуиция подсказала, что он здесь один такой... «простой смертный».

Только теперь, вырвавшись из темноты, заняв вертикальное положение, ощутив ледяное глубинное одиночество, Глеб осознал собственную смерть.

Он умер.

Упал с крыши.

Раз – и все.

Навсегда.

Под ребрами мелкой дрожью завибрировало отчаяние, во рту пересохло, и вновь появился солоноватый привкус крови, хотя Глеб знал, что физически он цел и невредим, без каких-либо признаков трагической кончины. На всякий случай он осмотрел руки и провел ладонью по лицу – ни царапины, будто и не встречался с асфальтом... Видимо, память пытается вернуть его в ту самую секунду, когда душа покинула тело.

«Не покинула. Стою же я здесь!»

Глеб, борясь с приступом колючего страха, сунул руки в карманы, оглядел зал и коротко бесшумно вздохнул. Есть ли жизнь после смерти? Ад или рай? «Не-е-ет, это точно ни то ни другое...» Захотелось взвыть и садануть кулаком по столу. «Чем вы здесь занимаетесь и где я?!» Но Глеб вместо этого проглотил нервный смешок, с улыбкой поклонился и осторожно произнес:

– Здравсте.

Его не зря тащило по темному коридору – именно там был смрадный кромешный ад. «Воняло по-черному!» И до пекла наверняка рукой было подать, однако его путь по непонятной причине изменили невидимые силы, и вместо горячей чугунной сковородки («мечты» отъявленного грешника) он получил... рай?

«Честно говоря, больше похоже на офис, расположенный в больничке».

Глеб запретил себе думать о смерти, да он и не чувствовал себя бездыханным трупом, вокруг которого укладывают красные гвоздики. Наоборот, сердце теперь колотилось так, будто в нем работал молот на вечном двигателе.

«Умер или нет?» – надеясь на лучшее, подумал Глеб.

– Добрый вечер.

– Что-то не очень у вас тут на вечер похоже.

– Одиннадцать часов пятьдесят семь минут, – без эмоций ответил мужчина и перестал заниматься бумагами. Отодвинул папку, положил руки на стол и поднял голову.

– Где я? – спросил Глеб, желая в первую очередь получить ответ на главный вопрос.

– В Небесной канцелярии.

– И что я здесь делаю?

– Стойте, мнетесь, любопытствуете и мешаете мне работать.

Глеб уловил искру иронии в голубых глазах незнакомца и напрягся, пытаясь получше понять происходящее.

– Какого...

– Лучше не произносите этого слова, – подняв правую руку, остановил мужчину.

Глеб заметил, что за соседним столом замерла женщина, недовольно сдвинув брови.

– Почему?

– Ад – в другом конце коридора. Вы, кстати, почти добрались до него, но...

– Да, почему я здесь, а не там?

– Приятно узнать, что в глубине души вы понимаете, где ваше место.

Глеб усмехнулся и, испытывая короткий приступ неловкости, вынул руки из карманов.

– Давайте по порядку. Идет? Я умер, так?

– Да. Умерли глупо и даже неинтересно.

– Можно без комментариев?

– Конечно. Так будет короче.

– Но я дышу.

– Вы тоже это заметили?

Лицо мужчины оставалось спокойным, слова звучали ровно, но Глеб голову бы отдал на отсечение, что над ним подшучивают. Впрочем, его голова теперь ничего не стоила.

– Представьте себе! – Развернув рядом стоящий стул, он сел напротив мужчины и нагло положил ногу на ногу. – Объясните, что происходит? Я все же скончался, и мне нужна срочная психологическая помощь. Как тут у вас с милосердием, а?

– Не стоит повышать голос, подобное поведение мешает работать. Все просто. Вы как бесспорный грешник должны были попасть в ад, но за вас просила добрая и чистая душа, мы не можем ей отказать.

– Какая душа? – изумился Глеб и скривил губы.

– Добрая и чистая, – повторил мужчина. – У нас долг перед этой душой, поэтому мы вынуждены выполнить просьбу.

«Катюшка... – пронеслось в голове. На долгую минуту Глеб закрыл глаза, вспоминая ее улыбку и смех. – Достучалась до Небес,

значит... Спасибо...»

– Какой долг? – автоматически спросил он, зная ответ. Инвалидное кресло, чего тут думать и гадать. – Я могу ее увидеть? – Глеб резко подался вперед (так что скрипнул стул) и встретился взглядом с женщиной.

– Нет, – ответил тот.

– Почему?

– Она в раю.

– И что?

– Ничего. Просто двери рая перед такими грешниками, как вы, открыться не могут. Другими словами: вход туда для вас под запретом.

Глеб откинулся на спинку стула, провел рукой по волосам. «Так... приехали...»

– Отлично, в ад мне нельзя, в рай не пускают. И где я должен торчать, по-вашему?

Мужчина помолчал немного, затем протянул Глебу лист бумаги, на котором сверху было крупно написано «Анкета», и дежурно произнес:

– Добро пожаловать в Небесную канцелярию.

Глава 8

«Голубки обойдутся и без меня. Тем более, что первое свидание обычно не радуется бодрой аморалкой». Глеб усмехнулся, подошел к узкому зеркалу, втиснутому между двумя шкафчиками, и придирчиво оглядел собственное отражение.

– Н-да-а-а... Та еще физиономия.

Он по-прежнему походил на лешего, только не на лохматого и грязного, а на причесанного и чистого. Однако мятый, великоватый свитер перечеркивал даже эти плюсы.

Глеб наклонил голову вправо, потом влево, выпрямился, отошел на шаг назад, шумно вздохнул, готовясь к преобразению, и крикнул:

– Многоуважаемая Елизавета Ильинична, ножницы не одолжите?! Душевное состояние ваших кур меня чрезвычайно беспокоит!

Какую выбрать легенду? Хорошо бы прикинуться врачом – беспроектный вариант, женщины обычно проявляют активный интерес к представителям данной профессии. Но, увы, риск слишком велик... Так и погореть недолго. Любителей поохать над своим давлением полным-полно, а он в лучшем случае только градусник может сунуть «жертве» под мышку и ни на один медицинский вопрос ответа не знает...

– Чего кричишь? Не у себя дома. Принесла я тебе ножницы. – Елизавета Ильинична зашла в комнату, недовольно посмотрела на неубранную постель, подплыла к столу и разгладила скатерть так, что не осталось ни одной морщинки. Только после этого она достала из кармана фартука ножницы и протянула их Глебу.

– Благодарствую.

– На что они тебе?

– Красоту наводить буду, обещал же бороду в порядок привести. Под корень, конечно, стричь не стану, но некоторые изменения внесу. – Глеб подмигнул Елизавете Ильиничне, она фыркнула в ответ, отвернулась и тяжело опустилась на стул.

– Поясницу сегодня ломит...

– А я могу помассировать, богатый, а главное – продуктивный опыт имеется.

– Тьфу на тебя.

– Все же недолюбливаете вы мужчин, Елизавета Ильинична. – Глеб примерился, улыбнулся и стал неторопливо, аккуратно подстригать бороду. – А без нас никак нельзя, мы и в хозяйстве часто пригождаемся.

– А чего вас любить-то? Вот ты куда наострился? Чего прихорашиваться удумал? Ишь, глаза сверкают!

– В город ближайший поеду, хочу прибарахлиться, чтоб первым парнем на деревне стать. Может, полюбит меня положительная женщина, работающая, и заживем мы с ней славно и помрем в один день.

– Шут гороховый. – Елизавета Ильинична поджала губы, отчего вокруг рта образовались глубокие морщины, и деловито расправила платок на плечах. – Что удумал, спрашиваю, ехидник?

Глеб оторвался от зеркала, оглядел себя еще раз, остался вполне доволен увиденным и, не сомневаясь, что его слова будут восприняты с удивлением и негодованием, ответил:

– Не буду скрывать от вас истинных мотивов своего сказочного преобразования. Моя цель – Ева Кравчик.

– Да сдался ты ей! – Елизавета Ильинична хлопнула ладонями по коленям и, морщась, поднялась со стула. – Ишь, куда замахнулся!

– Посмотрим...

– А тут и смотреть нечего. Кравчики мимо ходят и не здороваются. Да и зачем тебе Ева? Постыдился бы на замужнюю мысли свои греховодные поворачивать.

– Сдается мне, на кого бы я мысли ни повернул, вы все равно недовольны будете. Уж не ревнуете ли вы меня, Елизавета Ильинична? Только скажите, и я... Молчу, молчу. – Глеб засмеялся, встретив убийственный взгляд карих глаз, обрамленных мелкими сетчатыми морщинками. – Тянет меня к этому семейству, ничего не могу с собой поделать. Может, от скуки, а?

– А ты пойдешь дрова поруби, и дурь как рукой снимет.

– Дрова – это само собой. Нарублю в лучшем виде, не сомневайтесь. – Глеб потер ладонью щеку и отвернулся от зеркала. Нет, как женщина Ева Кравчик не могла заинтересовать, он ее никогда не видел. Оставалось лишь надеяться, что она пусть и холодная, но все же красавица. «Сбивать с пути истинного какого-нибудь крокодила – мало

радости». Глеб положил ножницы на тумбу, посмотрел на пол и сообщил: – Я тут насвинячил немного.

– Веник в сенях найдешь.

Елизавета Ильинична помедлила немного, затем махнула рукой, мол, толку от тебя все равно никакого, и, бурча под нос нелицеприятные слова, вышла из комнаты. А Глеб хищно прищурился, посмотрел на часы и победно улыбнулся. Ева – лишь пропуск в дом Кравчиков, должен же он проследить, чтобы счастьем его подопечной девчонки никто не помешал.

* * *

Переодеться? Такой порыв был, но Леся решила остаться верной себе: если ей удобно в джинсах и вязаном платье, значит, не нужно доставать красный парадный свитер и над прической долго думать тоже не стоит. Она несколько раз пыталась разобрать чемодан, но каким-то образом постоянно получалось так, что часть вещей до шкафа не доплывала: видимо, в знак протеста. Красный свитер, коричневые брюки в мелкую, еле заметную клетку и бежевые ботинки с плетеными шнурками отчаянно цеплялись за чемодан – Леся с тайным удовольствием припрятала любимую одежду, собираясь вернуться в ней в Москву. Однако она больше не торопила время и не представляла, как садится в электричку и мчится обратно. Пожалуй, свалившиеся на нее приключения – самое интересное, что случилось за последние годы.

– В шесть часов около сосны...

Леся расчесала волосы, отчего они увеличились в объеме, пригладила их рукой, тряхнула головой, немного подумала, а затем все же заплела косу и затянула ее резинкой. Теперь не придется постоянно убирать непослушные пряди от лица. Душа требовала ощущения собранности: внешней и внутренней. Запомнить бы каждую мелочь и деталь, а потом перенести на бумагу. Можно ли нарисовать вздох, взгляд, несказанное слово?

Почему бы и нет?

– В шесть часов около сосны...

Леся улыбнулась, вышла из дома и направилась к противоположному краю деревни. Она не смотрела на часы – опаздывает или нет, – просто шла и думала о Кирилле.

Новое знакомство – это всегда немного странно, особенно если речь идет о девушке и мужчине. «Две планеты приближаются друг к другу и либо, столкнувшись, разлетаются в разные стороны, либо какое-то время (или вечность) движутся вместе, наперекор законам физики и астрономии». Леся улыбнулась собственным сравнениям и подумала, что как раз физику и астрономию знает плохо, а уж законы – и подавно... Но мысли получались именно такими, весьма образными, и, с одной стороны, хотелось замедлить шаг и помечтать, а с другой, пойти быстрее.

Кирилл стоял в назначенном месте, прислонившись спиной к сосне. Черная челка съехала на лоб, взгляд устремлен именно в ту сторону, откуда должна появиться Олеся. Поза расслабленная. Он терпеливо ждал, не отвлекаясь на мобильный телефон или что-то еще. Спокойный и уверенный в себе. Леся отметила, как Кирилл хорошо смотрится на природе, впрочем, он наверняка отлично смотрелся на любом фоне, даже на белом листе бумаги... если нарисовать.

«Тетя Саша сказала бы, что я сошла с ума, раз завожу знакомства неизвестно где неизвестно с кем. Да, именно так она бы прокомментировала нашу встречу, но я в Утятине, и передо мной – Кирилл Кравчик, вроде я правильно запомнила фамилию. – Леся приветственно махнула рукой и прибавила шаг. – И все же чудесно, когда две планеты...»

– Привет! – громко произнес Кирилл. – Я чуть сам в сосну не превратился, пока ждал тебя.

– Я сильно опоздала? – Леся подошла ближе и остановилась, пряча некоторую неловкость. Кирилл вновь смотрел слишком пристально, изучая, точно проверял, та ли эта самая «лесная фея» или кто-то другой.

– Все нет. Но должен же я намекнуть, что надеялся, верил и вообще стою здесь давным-давно.

– Я рада тебя видеть, – просто ответила Леся и тоже принялась изучать Кирилла, будто и он мог измениться с утра и превратиться совсем в другого человека. Но он остался таким же: взрослым, высоким, красивым и хорошо одетым.

– Как прошел обед с дядей?

– Иногда мне кажется, что, разговаривая с ним, я решаю хитроумную логическую задачу. Но главное – вовремя спастись! – Леся засмеялась, пожала плечами и развела руками, пытаюсь объяснить, насколько тяжело дается общение с Василием Петровичем Дюковым. – Он... непростой человек. Мне с ним интересно.

– По твоему рассказу сложно понять, отрицательный он персонаж или положительный.

– Пожалуй, я сама еще не разобралась. Ты обещал показать достопримечательности Утятина. Предложение в силе?

– Да, но придется истоптать не одну пару туфель.

– Я никуда не тороплюсь.

– С чего начнем?

– С колодца. Зачем ты накидал в него крапиву?

– Собственно, это была затея брата, а я его прикрывал. Он начитался сказок и решил, что нам срочно нужен колодец с живой водой, а так как крапива известна своими целебными свойствами, то... Кажется, он думал, что вода с крапивой хорошенько настоится, и мы потом все станем бессмертными. – Кирилл усмехнулся, указал на дорожку и пропустил Лесю вперед. – А о чем я в тот момент думал, уже не помню, вряд ли надеялся на подобный результат. Я гораздо старше брата.

– Забавно... Какая у вас разница в возрасте?

– Семь лет. Еще у меня есть сестра.

– Ого, а я одна в семье. – Леся не стала говорить о том, что она сирота, этим никогда и ни с кем не хотелось делиться. Слишком личное. Если бы Кирилл спросил, она бы ответила честно, но без подробностей и без желания обсуждать дальше. Иногда легче нарисовать, чем произнести вслух... А уж в рисовании одиночества ей нет равных.

– Значит, тебя особенно холили и лелеяли.

– Да, причем все родственники разом.

– Я их прекрасно понимаю. У тебя их много?

– Мне почему-то кажется, гораздо больше, чем у других.

Кирилл не мог отвести глаз от Олеси, и в этом было нечто удивительное, почти магическое. Ему нравилось, что она совершенно из другого мира, где наверняка верят в книжных героев, по утрам не

мажут тосты джемом... Овсянка? Овсянку, может, и едят, но уж точно при этом не фигурируют белоснежные тарелки, которым лет сто как минимум. «Диковинная птичка... Лесная фея... Кто же ты?» Кирилл шел рядом, улыбался и получал удовольствие от вечера. Поездка в Утятино стала более чем приятной. «Мама, мама, Господь услышал твои молитвы, я встретил поистине особенную девушку, которая... тебе опять не понравится. – Он сдержал улыбку и скользнул взглядом по шее Леси. – Почему у меня устойчивое чувство, что ты свалилась с неба?»

– Пожалуй, побуду немного бестактным. Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– А мне тридцать четыре. Надеюсь, тебя это не испугает?

Лесья повернула голову и заглянула в глаза Кирилла. Он произнес фразу, за которой скрывался определенный смысл... Недосказанность коснулась души, сжала ее и отпустила. Просто прогулка или чуть больше? Как это для нее и как это для него?

– Не испугает. Я смелая.

– Честно говоря, заметно.

– У меня воинственный вид? – Лесья засмеялась.

– Нет, бесстрашный обезоруживающий взгляд.

«Нужно запомнить, буду вспоминать об этом при каждой встрече с Василием Петровичем. Хотя он вроде тоже считает меня смелой...»

– Я его долго оттачивала перед зеркалом.

– Сомневаюсь, – усмехнулся Кирилл. – Но я хотел бы знать, где обучают такому взгляду, я бы не отказался взять пару уроков.

«Для этого нужно всего лишь познакомиться со всей моей родней, – мысленно ответила Лесья, сорвала травинку и с улыбкой принялась накручивать ее на указательный палец. – Кирилл мне нравится, – решила она. – Вот теперь я знаю точно. Он мне нравится».

Колодец оказался самым обыкновенным, стареньким и заброшенным, но эхо, летевшее из него при каждом «Эй!», «Кто там?», «Ау!», получалось волшебное. Оно поднималось из глубины, устремлялось к небу, и казалось, будто лицо обдает теплом. Лесья с удовольствием бы еще покричала в колодец, но Кирилл потянул ее за руку к старой яблоне, и слова на короткий миг улетучились – тепло его пальцев манило намного сильнее.

– Вот та самая яблоня, благодаря которой я заработал сотрясение мозга. Сейчас она кажется маленькой, а тогда – гигантской. Вечный вопрос: почему чужие яблоки всегда вкуснее? Запретный плод сладок, и ничего с этим не поделаешь. – Кирилл развел руками и спросил: – А тебе приходилось поддаваться искушению?

Ему хотелось смутить Лесю и тем самым хотя бы на минуту почувствовать определенную власть над ней. Должен же он как-то спастись от этих рыжих волос, серо-зеленых глаз, невероятной притягательной силы... Слишком спокойна, слишком независима, и... он слишком много думает о ней.

– Наверное, – Леся пожалала плечами. – Но, полагаю, эти искушения не были по-настоящему серьезными. Пожалуй, я даже не вспомню их.

– Это хорошо или плохо? – Кирилл облокотился о забор и замер, не отпуская Лесю взглядом. – Ты бы хотела пережить нечто новое, то, что окажется сильнее тебя?

– И потом обязательно придется пожалеть о содеянном? – Она засмеялась и добавила: – Знаю точно, я не струшу.

– Да или нет?

– Да, – быстро ответила Леся и смело встретила взгляд Кирилла. Похоже, в Утятине все устроено так, что она постоянно будет попадать на экзамен... Куда бы ни пошла, с кем бы ни встретилась – придется держать удар, идти по краю обрыва и узнавать все больше о себе самой. Удивительно, как легко, хотя должно быть наоборот! – Теперь эта яблоня растет на покинутом участке... А кто здесь жил раньше? – Леся подошла ближе к забору и заглянула в заросший крапивой сад. Посеревший от времени дом покосился, выглядел жалко и страшновато одновременно.

– Старик с седой бородой. Имени не помню. – Кирилл коснулся локтя Леси, сжал его и тихо спросил: – Зайдем в гости? Если не боишься, конечно.

– Но... закрыто же.

– Вовсе нет. Поверь, заброшенный дом, рядом с которым живут мальчишки, не может быть неприступным. Уверен, здесь полно лазеек, нужно только найти их. Чего нахмурилась? Сомневаешься?

– Нет. – Леся мотнула головой. – Хочется рисовать... Сейчас бы лист бумаги и карандаш!

Вторая калитка, расположенная позади дома, оказалась открытой, дверь террасы держалась на одной верхней петле, два окна без стекол смотрели на незваных гостей с абсолютным равнодушием. Здесь не гулял весенний ветерок, точно ему не разрешалось ворошить прошлое, не росли цветы, не шумели ветки плодовых деревьев и даже не жужжали насекомые. Зато крапива беспрепятственно ползла корнями во все стороны, ее толстые, избалованные свободой стебли проникали даже между ступенек.

– Прощу. – Кирилл чуть приподнял дверь и открыл ее. Отряхнув руки от облупившейся краски и пыли, он первым зашел в дом и добавил: – Чувствую себя подростком, впрочем, я давно и не совершал ничего подобного. Видела бы меня сейчас мама или сестра...

– Они бы удивились?

– Боюсь, их постигло бы такое глубокое недоумение, что они не смогли бы даже сказать, что думают о моем отрицательном поведении. – Кирилл засмеялся, представляя ошарашенное лицо Евы. – Но нарушать правила иногда очень приятно. Особенно в такой компании. – Он подмигнул Олесе. – Мебели практически нет, пол частично поехал... Будь осторожна.

Пожалуй, Кирилл и сам не ожидал от себя подобного поступка: каким шальным ветром его занесло в заброшенный дом? Что двигало им? Неужели... желание произвести на Олесю впечатление?

«Тяжелый случай? Старые способы не работают? – насмешливо спросил он себя. – Да я вообще-то еще и не пробовал... Ничего не поделаешь, в Утятине нет ресторанов».

Сердце вновь настойчиво закололо, Кирилл поморщился, автоматически приложил ладонь к левой стороне груди и резко развернулся к Олесе. Нет, ее ресторанами не удивишь. Скорее всего, увидев соте из черноморских мидий, она начнет рисовать его, а не есть. Но как бы хотелось на это посмотреть... Странно, «лесная фея» хорошо смотрится в окружении старых стен, ей удивительно подходит атмосфера заброшенного дома. Будто загадочная рыжеволосая девушка пришла из прошлого и еще толком не знает, что делать в мире, где есть машины, самолеты и где электронная почта давно вытеснила бумажный конверт.

«Совсем юная, но в то же время... Боже, откуда во мне этот приторный романтизм?!»

– Возможно, в доме живут привидения, – улыбнулся Кирилл.

– Наверняка. И такое чувство, что они живут не только здесь, а вообще везде в Утятине. – Леся прошла вдоль стены, обогнула небольшой прямоугольный стол, расслоившийся от влаги, и остановилась около двери, сцепив руки перед собой. Кирилл смотрел на нее внимательно, горячо, и хотелось ответить ему тем же, иначе не получилось бы унять волнение в груди. Бесполезно спорить с силой притяжения, лучше довериться ей и попробовать угадать, почему происходит так, а не иначе... Леся смело подняла голову и встретила взгляд Кирилла.

– Послезавтра у моей матери день рождения. Хочу пригласить тебя на ужин. Ничего особенного не планируется, будут родственники и друзья семьи, – услышал Кирилл свой голос и мысленно порадовался тому, что не пришлось долго раздумывать и решать, все получилось само собой. Конечно, Олеся из другого мира, но мама с Евой желают ему счастья и любви, не так ли? Кирилл подавил усмешку и шагнул вперед. «Вы хотели, просили, даже настаивали, и я всего лишь вам уступаю». – Вкусно поедим, послушаем скучные разговоры, я покажу тебе дом, а потом прогуляемся. Согласна?

– Ты... приглашаешь меня на день рождения своей мамы?

– Абсолютно верно.

– Но...

Кирилл рассмеялся и, ловя в душе искры счастья, подошел к Олесе. Ему все же удалось ее смутить: хотя бы на миг «лесная фея» попала под его влияние. О, это пьянящее чувство победы... Пусть и маленькой.

– Не беспокойся, я буду рядом и смогу спасти от любых вопросов. Ты говорила, что хочешь пережить нечто новое, поверь, тебя ждет незабываемый вечер. Я бы на твоём месте обязательно согласился. Пойти или не пойти? Один из примеров искушения. И ты обещала не трусить, помнишь? – Кирилл многозначительно приподнял правую бровь, и на лбу образовалась короткая морщина, напомнившая о возрасте. – Признаюсь сразу, мама – человек сложный, многие ее побаиваются, но тем интереснее, не так ли? И потом, я смогу пригласить тебя на танец, не лишай меня такой возможности, пожалуйста.

Леся улыбнулась, представляя старинный бальный зал, гостей, разодетых в пух и перья, небольшой оркестр и сияющий мраморный пол. Воображение торопливо дорисовало круглые столы, застеленные свисающими до пола скатертями, всевозможные закуски, фрукты и десерты. И в центре зала – трон, на котором сидит...

– Как зовут твою маму? – спросила Леся.

– Зофия Дмитриевна.

...на котором сидит Зофия Дмитриевна Кравчик, точно королева.

– Редкое имя.

– У нас польские корни; впрочем, мама очень любит рассказывать об этом сама, так что, скорее всего, послезавтра тебя ознакомят с генеалогическим древом нашей семьи. Мужайся! – Кирилл подошел к двери, наклонил голову набок и весело спросил: – Согласна?

Приглашение действительно граничило с искушением, когда слишком много «нельзя», мало «можно», подрагивает душа, а разум молчит, не желая брать на себя ответственность. Во-первых, предстоит познакомиться с семьей Кирилла, во-вторых, речь о дне рождения его мамы, в-третьих, в чемодане нет подходящих для подобного вечера вещей, в-четвертых, Василий Петрович... в-пятых... в-шестых...

– Согласна, – кивнула Леся, не оставляя себе шанса для отступления. Теперь, когда воздух был пропитан свободой и началась новая самостоятельная жизнь, чувства стали острее и тяжелее, хотелось идти вперед, пробовать, решаться и ни о чем не жалеть. Леся подошла к Кириллу, бросила на него короткий взгляд и вышла из дома, пряча улыбку. Стало даже интересно, как отреагирует на эту новость Василий Петрович, нужно ли готовиться к очередной битве или дядя абсолютно равнодушен к соседям? Хотя польские корни и краковскую колбасу он поминал недобрым словом, кажется, уважением семья Кравчиков у него не пользуется. А существуют ли на земле те, кого Василий Петрович действительно уважает? Битва. Да, будет битва. Олеся автоматически сжала кулаки. Она бы не рассказывала о приглашении, но избежать разговора не получится.

– Мне кажется, пришло время обменяться номерами телефонов. Если ты заблудишься в наших окрестностях, то звони, я с радостью спасу.

– Хорошо, – Леся засмеялась и продиктовала свой номер. – Только я редко беру с собой мобильный телефон, почему-то в Утятине он

кажется лишним. Да и в Москве тоже не всегда... Здесь здорово, мне очень нравится.

– На улице гораздо лучше, чем в доме. Старина стариной, однако свежий воздух еще никто не отменял. – Кирилл набрал номер Леси, дождался гудка и отключил вызов. – Теперь и у тебя есть мой номер, звони, когда захочется: по поводу и без повода. Мне будет приятно. – Он выделил последнее предложение, подошел ближе и добавил: – Предлагаю завтра встретиться на том же месте, только пораньше. Боюсь, я буду слишком сильно скучать и до вечера не доживу. После обеда, часа в четыре подойдет?

Леся поймала искры веселья в темных глазах Кирилла и ответила улыбкой. Он обещал пригласить ее на танец, неужели это случится? Послезавтра... Как странно представить, что они кружатся по залу. Да-да, по залу, как в давно забытые времена. «Мне нужно платье. Простое. Лучше однотонное. Где бы его раздобыть?»

– Значит, в четыре часа у сосны? – уточнила Леся, мысленно торопя время.

– Да, – Кирилл взял ее за руку и потянул к калитке. – Давай обойдем вокруг поля; надеюсь, дорога сухая, иначе мы перепачкаемся по самые уши. Не знаешь, почему мне бесконечно хорошо с тобой? Признайся, ты свалилась с неба. Пожалуй, другого объяснения быть не может... Я не верю в Москву, в электричку, в твоего дядю, ни во что не верю! Ты свалилась с неба, и точка.

– Честно говоря, нет, – развеселилась Леся, чувствуя, как Кирилл крепче сжимает ее пальцы, будто она – неземное существо, способное с минуты на минуту раствориться в воздухе, и есть еще маленький шанс удержать ее рядом. – А дядя у меня уж точно самый настоящий...

Она замолчала, вспомнив, как похожи дома Василия Петровича и Кравчиков. Странно – да, но часто сложное объясняется простым, и сейчас совсем не хочется думать, отчего так, а не иначе. Лучше потом еще раз задать вопрос дяде.

«Василий Петрович, я пойду к Кириллу в гости, надеюсь, вы не станете возражать».

Глава 9

Глеб немного кривил душой: Ева интересовала его не только как пропуск в семью Кравчиков; чем больше он думал о ней, тем сильнее разгорался азарт. Девчонку Олесю в хорошие руки он пристроил («принц» наверняка уже скачет на белом коне в ювелирный магазин), теперь потянутся однообразные серые будни, и останется лишь таскаться по полям-лесам, пить горькую и спорить с бабкой Лизой. Елизавета Ильинична – женщина, несомненно, интересная и обожаемая, но по возрасту уже глубоко дремучая... Нет, куда лучше совместить приятное с полезным. И чем задача сложнее, тем заманчивей результат.

«Да, Небесная канцелярия? Соскучились, наверное, по мне? Все в окошко смотрите: не едет ли наш бравый Амур? Наш геройский Глеб Андреевич Трофимов! Ничего, скоро увидимся...»

Правда состояла в том, что никто не имел права лишать Еву Кравчик выбора: идти ей направо или налево, любить или ненавидеть, грешить или нет. Каждый человек на земле, сталкиваясь с теми или иными предложениями судьбы, самостоятельно делает выбор и несет за него ответственность.

«А я всего лишь скромный змей-искуситель, случайно встретившийся на пути. Не аплодируйте моему коварству, что вы, что вы, это совершенно лишнее».

Глеб подавил смешок, поднялся в горку, остановился около трех дружных сосен и посмотрел на внушительный дом Кравчиков. Прячется за редкими высокими кустарниками было удобно: они скрывали от посторонних глаз, но при этом предоставляли вполне сносный обзор.

Новые джинсы сидели как влитые, свитер модного горчичного цвета добавлял шика, коротко стриженная борода явно работала на мужественность и загадочность. Глеб посмотрелся в зеркало перед выходом и остался абсолютно доволен отражением.

«Люди, любите простых рядовых Амуров, они так нуждаются в вашем тепле... – Едко улыбнувшись, он прислонился к стволу дерева. – Интересно, как часто Ева выходит из дома? Не сидит же она

часами в четырех стенах. Н-да... Не пришлось бы здесь дежурить сутками».

Глеб настроился на волну Олеси и удовлетворенно кивнул, обнаружив ее в северной части деревни – видимо, свидание затягивается, домой девчонка явно не торопится.

«Воркуйте, голубки, воркуйте, может, я попозже и присоединюсь к вам...»

Давным-давно, когда Глеб только обрел определенные способности, «волшебство» вызывало взрыв эмоций. По телу разливалось блаженство вседозволенности, от восторга кружилась голова и подкашивались ноги. Но как быстро его научили падать с небес на землю (в буквальном и переносном смысле), как доходчиво объяснили, что дарованной силой можно пользоваться лишь при определенных обстоятельствах, исключительно для достижения поставленной цели. К тому же любое «волшебство» имеет строго установленный объем и срок, не стоит тратить его по пустякам, иначе потом придется скрипеть зубами и ждать, когда все вернется на круги своя. «Бюрократы!»

За много лет Глеб так и не привык к своей белоснежной комнате, которая не имела точных координат. Небесная канцелярия, длинный коридор и двери, двери, двери... Раз – и дома, один вдох, выдох, погулял, и хватит.

В узкой казенной кровати спалось плохо, да еще раздражало тонкое вафельное одеяло и плоская подушка, умело принимающая очертания шеи и головы. Идеальность имеет свойство раздражать, а уж для Глеба это страшнейшая пытка.

И он много чего ташил в свои «хоромы» с земли, зная, что в положенный срок случится уборка, и вновь придется довольствоваться столом, стулом, книжной полкой и мятными конфетами. Глеб подозревал, что конфеты ему постоянно подкладывали именно потому, что мяту он не любил. Где начинается и где заканчивается чувство юмора Небесной канцелярии – понять сложно.

Спасибо, не засадили за бумажную работенку, Глеб бы тогда не раздумывая написал заявление с красноречивым требованием отправить его прямехонько в ад. «Лучше помереть второй раз, чем разбираться с вашими килограммовыми отчетами!»

Но Глебу была уготована иная доля, он стал тем, кто частенько мотается на землю в командировки: ищет, спасает, исправляет, выполняет различные поручения и временами (видимо, в качестве поощрения и стимула) получает короткий отпуск среди «простых смертных». Вот с этим отпуском Глеб в последний раз и переборщил, за что теперь безжалостно наказан нелегкой долей Амура: начал-то он развлекаться на земле, а продолжил... у себя в комнате, в шаге от Небесной канцелярии. Еще бы вспомнить, где он взял последнюю бутылку виски и каким чудодейственным образом умудрился протащить ее на небо... Ах, как он пел, пытаясь станцевать чечетку на белоснежном столе! «Честно говоря, не думал, что у вас, мои невозмутимые, лопнет терпение. Все же оно насчитывает десятки тысяч лет. Если не миллионы. Могли бы проявить понимание, сделали бы вид, что ничего не заметили... Я посчитал бы это великим актом милосердия».

– Ева-а-а, – пропел Глеб, глядя на верхушки сосен. – Сколько тебя жда-а-ать, приди ко мне...

Он стоял уже около часа, но удача пока пролетала мимо. Минуты тянулись нестерпимо долго, хотелось перемахнуть через забор, подойти к двери, постучать и потребовать к себе внимания. «У вас же здесь не каждый день небесные посланники под окнами маячат, а?»

Разминая ноги, пританцовывая, Глеб прошелся вокруг сосен и в который раз представил встречу с «холодной селедкой» Евой Кравчик. Именно так ее припечатала бабка Лиза, а значит, правда в этих словах имеется. Язык у Елизаветы Ильиничны, конечно, острый, но зря говорить она не станет, наоборот, пойдя вытяни из нее хоть одну деревенскую сплетню – устанешь клянчить!

Среагировав на движение, резко повернув голову, Глеб увидел на тропинке, ведущей к воротам, высокую худую девушку в ярко-красном спортивном костюме и белых кроссовках. Прямые светлые волосы собраны в низкий хвост, спина ровная, грудь маленькая, ноги длинные. Слишком простенькое описание для такой красотки, но азарт торопил и не давал возможности насладиться первым впечатлением в полной мере.

– А вот и ты, моя дорогая, – тихо произнес Глеб, не сомневаясь, кто перед ним. Осталось только дожидаться скорого знакомства, и – «давайте прижмемся друг к другу покрепче». Оценив

профессиональным взглядом ухоженность, безошибочно прочитав гордыню, Глеб усмехнулся и добавил: – Здравствуй, Ева...

Он никогда не пробовал привязать к себе женщину, используя дарованные способности. Это ж все равно что признать собственную мужскую несостоятельность. Зачем? И какие чувства можно испытать, опустившись до столь червивого состояния? Подобное – удел слабых слизней. Наоборот, предстоящая игра всегда щекотала нервы, обещала массу удовольствий и дразнила победой. Непременной победой. И чем сложнее случай, тем интереснее.

Предвкушая нешуточную охоту, Глеб направился вдоль кустов, не спуская глаз с девушки. Хорошо бы она отошла от дома подальше, ему будет приятно проводить ее обратно, да и мешать никто не станет... «Мы пойдем вместе, рука об руку, тра-ля-ля, не сомневайся, крошка».

Не так уж много дорожек вело от ворот, Ева выбрала самую широкую и неторопливо пошла к лесу, разговаривая по мобильнику. Беседа оказалась короткой: около первых елок она убрала телефон в карман кофты, застегнула молнию и продолжила путь уверенно, не оглядываясь по сторонам. Теперь Глеб смотрел ей в спину: взгляд постоянно опускался ниже талии, и на губах появлялась довольная улыбка. «Холодные селедки часто оказываются весьма горячими в постели. Мне кажется, я не разочаруюсь... Готов поспорить на миллион!»

Он уже не скрывался: тоже шел по дорожке, но ступал мягко, не желая пока привлекать внимания. Если Ева обернется, то наверняка удивится или испугается. Глеб не знал, какая реакция его порадовала бы больше: и то и другое неплохо. Безусловно, она уверена в себе. Более чем. Привет, гордыня.

«В этом костюме ты почти Красная Шапка. Жаль, мой свитер подкачал, до страшного волка не дотягиваю... Интересно, если я сейчас завою, ты завизжишь?»

Когда они вышли к реке, Ева остановилась, безразлично посмотрела на воду, перевела взгляд на старый мостик и шагнула вправо, собираясь продолжить путь по узкой тропинке, тянущейся вдоль берега. Увидев Глеба, она чуть приподняла правую бровь, недовольно поджала тонкие губы и отвернулась, будто незнакомец являлся досадной помехой и самое лучшее, что он мог сделать, – испариться, не оставив после себя даже белого облачка.

«Да ты еще по мне скучать станешь, – развеселился Глеб, подходя ближе. – Ну что, красавица, готова ли ты познакомиться с худшим мужчиной на земле? Почему с худшим? Все просто. Мало того, что я тебя обязательно брошу, так я еще и давно мертв. Крошка, у тебя были подобные отношения? Нет? Так самое время это исправить!»

Неторопливо подойдя ближе, Глеб бесцеремонно встал рядом и с отточенной вежливой улыбкой произнес:

– Добрый вечер. Я не видел вас ранее... Даже странно, я же каждый день хожу к реке... Как вас зовут?

Прежде чем начать вешать женщине лапшу на уши, ее желательно получше узнать. Вернее, прочувствовать. Это простое, но верное правило Глеб усвоил давным-давно и теперь с азартом и нетерпением ожидал начала игры. Лучшее лекарство от скуки – достижение невозможного, когда ветер непрерывно в лицо, подводные камни через каждый метр, в душе огонь, и нет дороги назад. И еще неизвестно, что лучше – получить желаемое сразу или пройти определенный путь и только тогда...

Ева обдала Глеба ледяным взглядом, будто перед ней стоял облепленный грязью фонарный столб, сделала глубокий вдох, выдох и в ровном темпе... побежала по тропинке.

– Куда... – тихо произнес Глеб, округлив глаза. – Мы так не договаривались.

Только сейчас он сообразил, что спортивный костюм и фирменные кроссовки – это явный намек на вечернюю пробежку. Чтобы иметь такую точеную фигуру, нужно стараться, не покладая рук и ног: да-да, красота требует активных жертв, причем каждый день.

«Приплыли... Нет, я не побегу. Дорогая, э-э-э... я подожду тебя здесь».

Зная, что сигарет нет, Глеб все же похлопал по карманам, недовольно скривился, издал тихий страдальческий стон и смирился с неизбежным. Если уж взялся производить впечатление на женщину, то давай, порази ее мировыми рекордами!

– Ладно... я совершу этот подвиг ради тебя и нашей любви. – Глеб щедро улыбнулся и сделал пару тренировочных прыжков на месте. – Дело, конечно, дрянь. – Нехотя свернув на тропинку, он побежал сначала медленно, а затем быстрее, наращивая темп. Деревья запрыгали перед глазами, Ева стала гораздо ближе. – Думал ли я, что

когда-нибудь полюблю женщину настолько, а? Посмотрите на меня... Вот они – настоящие чувства! Практически льются через край... Черт! – Глеб споткнулся, получил болезненный укол в бок, поднял голову и отправил насмешливый взгляд в небо. – Да знаю я, могли бы и не колоть своими иголками. Так... извините, мне уже не до вас.

Несмотря на подтянутое тело и крепкие мышцы на руках и спине, Глеб дружбу со спортом не водил. После загулов у него даже появлялся небольшой животик, исчезающий вместе с головной болью ближе к обеду следующего дня. Но за последние десять лет ему столько приходилось мотаться по свету, преодолевать видимые и невидимые преграды, что калории сжигались на раз, жир не откладывался нигде. Пару месяцев назад, например, Глеба отправили в позабытое всеми село спасать от пожара православную библиотеку. Вытаскивая книги из огня, наполняя ведра водой наперегонки с тремя местными стариками, он за день похудел килограмма на три, а потом еще сутки пролежал в избе, вытянув ноги и руки, умирая от боли абсолютно во всех мышцах. Пожалуй, Небесная канцелярия никогда еще не выслушивала столь длинные и витиеватые монологи... Но «бессмертных охотников» мало, а проблем на земле полным-полно.

Глеб практически не пересекался с такими же, как он, «счастливчиками», видел двоих – мельком, иногда... Он подозревал, что не случайно их постоянно разводят в стороны разными поручениями, будто им нельзя сблизиться и привыкать друг к другу. Не положено.

«Почти догнал, голубку сизокрылую мою, – мысленно пропел Глеб, пытаясь выровнять дыхание. – Куда ты бежишь так быстро... Я ж и передумать могу».

– Добрый вечер! Хотя я уже здоровался, но вы, к сожалению, не ответили. Честно говоря, ранили меня в самое сердце! – крикнул он, когда до Евы осталось меньше метра. – Любите спорт? Прекрасно вас понимаю! Спорт – это жизнь! – «Будь он неладен!» Глеб провел пятерней по волосам и потер ладонью небритую щеку. – Как вас зовут? Меня – Глеб. Древнерусское имя, между прочим.

«Ох, не зря тебя бабка Лиза селедкой прозвала. Ну ничего. – Он улыбнулся. – Я тебя отогрею...»

Добежав до трех берез, Ева поднялась по берегу выше и сменила тропинку, теперь ее путь лежал в обратную сторону. Она подчеркнута

не обращала внимания на Глеба, но он все же поймал ее короткий взгляд и мысленно потер руки – дело сдвинулось с мертвой точки, никуда Ева Кравчик от «своего счастья» не денется.

Теперь он бежал за ней легче и с особым цинизмом и наглостью изучал стройную фигуру. «Если разобраться, я вовсе не виноват в своих низменных желаниях. Напялила красный костюм и скачет по лесу, а у меня рефлекс... Я с детства реагирую на красное». Глеб еле сдержал смех – настроение улучшалось с каждой минутой.

– Так как вас зовут, прекрасная незнакомка?! – крикнул он весело, перепрыгивая через торчащие корни дерева. – Давайте угадаю! Мария? Елена? Нет... Ева! Да, вам подходит именно это имя!

Теперь пришел черед споткнуться Еве: ее левая нога устремилась вбок, правая, подогнулась, из груди вылетело испуганное: «А!» – руки взметнулись вверх, и...

Инстинкты Глеба сработали безошибочно, он мгновенно рванул вперед, подхватил Еву за талию, притянул к себе. Но она, не желая принимать помощи от назойливого незнакомца, сильно дернулась, взвизгнула, упала на землю, схватилась за щиколотку и выдохнула еще одно болезненное резкое: «А!»

– Чего ж ты так вертишься! – раздраженно рявкнул Глеб, сел на корточки и протянул руку к шнуркам кроссовки.

– Не прикасайтесь! Вы кто? Это я из-за вас упала! – В ее глазах сверкнул гнев, тонкие идеальные брови встретились на переносице, дыхание сбилось, лицо побледнело. – И мы с вами не переходили на «ты».

– Это мы там не переходили, – усмехнулся Глеб и махнул в сторону первой дорожки. – А здесь уже перешли. И лучше дай мне осмотреть ногу, а то вдруг перелом: косточки хруп-хруп, поломались и торчат в разные стороны...

– Что?

Ева размахнулась и хотела ударить Глеба, но он перехватил ее руку, заглянул в глаза и спокойно сказал:

– Тише, ну кто тебе сейчас поможет, если не я?

– Повторяю для непонятливых, не смейте ко мне прикасаться...

– А как же первая медицинская помощь?

– Уберите руки.

– Как скажешь.

Глеб поднялся и даже отошел на шаг, давая возможность Еве насладиться беспомощным одиночеством в полной мере. Скорее всего, у нее растяжение, а в таких случаях требуется тот, на кого можно опереться. Надо же, ничего не пришлось изобретать, он лишь назвал имя, и она спилотировала на землю – бум! Иногда везет.

– Если бы вы не приставали ко мне с пошлыми вопросами...

– Если бы ты просто по-человечески познакомилась со мной... – перебил Глеб. – Открою страшную тайну: люди иногда общаются и – о, ужас! – знакомятся. Я точно знаю, что от этого еще никто не умер.

В отношениях с женщинами Глеб использовал разные тактики. Изначально с Евой Кравчик он собирался вести джентльменские разговоры, окутывающие душу бархатной паутиной искушения. Конечно, первое время он говорил бы ей «вы», но получилось иначе, и, кажется, наглость сработала хорошо. «Ты привыкла командовать? А мы немножко поменяемся ролями...»

Ева вздернула подбородок, обдала Глеба гневным взглядом и холодно прочеканила:

– Меня не интересует ваше мнение ни по какому вопросу. А сейчас подойдите и дайте руку, я хочу встать.

Ее губы дрогнули, щеки порозовели, на гладком лбу блеснули еле заметные капельки пота. Красивая неприступная Ева Кравчик на берегу реки, в окружении зеленых кустов и травы...

«Сказочная картинка, – подытожил Глеб, залюбовавшись. – Знакомиться-то будем или нет? Эх, сейчас бы мне медицинское образование не помешало. Попал бы в точку!»

– Глеб, – напомнил он, подошел и протянул руку.

– И стойте ровно, мне больно.

– Могу донести тебя до места жительства. Уверен, это более быстрый и правильный вариант.

– Почему я должна все это слушать? – Ева зло выдохнула, вцепилась в запястье Глеба, осторожно поднялась и выпрямила спину. Вынув из кармана мобильник, она быстро набрала номер и приложила телефон к уху.

– Правильно, – весело поддержал Глеб. – Звонок близким иногда решает многие проблемы. Придут, спасут, пожалеют.

– Я замужем, ясно?! – гневно убирая мобильник в карман, выпалила Ева.

– Нет связи? – усмехнулся Глеб. – Так деревня же, глухомань.

– От моста ведет дорога, пойдете по ней все время прямо. Увидите большой дом. Это мой дом! Так вот... Сообщите моим родственникам, что я подвернула ногу. Пусть кто-нибудь придет.

– Кто-нибудь? Ты же замужем. По логике, спасителем должен оказаться именно муж. Или он в отъезде?

– Не ваше дело. Идите же!

– Хорошо, – Глеб кивнул и улыбнулся. – Но... есть условие. Выбери: или ты добавишь «пожалуйста», или назовешь свое имя. Тяжелое испытание, знаю, однако частенько обстоятельства сильнее нас, и, похоже, это именно тот случай.

* * *

Расставшись с Кириллом около колодца, Леся бодро направилась в сторону дома Дюкова. Мысленно она прокручивала предстоящий разговор и готовилась к тому, что краковскую колбасу дядя упомянет как минимум раз пять. Вопрос с одеждой стоял ребром. Расклешенная теплая юбка, висевшая в шкафу, не подходила для подобного вечера: слишком тяжелая. В ней хорошо гулять в холодную погоду, сидеть на скамейке в парке, попивая обжигающий кофе из бумажного стаканчика, или отправляться в путешествие. Для торжественного вечера категорически не годится.

Леся перебрала имеющиеся брюки... Нет, тоже не то... Ей предстоит познакомиться с семьей Кирилла, и он обещал пригласить на танец...

«Придется разговаривать с Василием Петровичем. Пожелайте мне удачи. – Толком не понимая, к кому обращается, Леся подняла голову и посмотрела на чистое небо. – Здорово, правда? Удивительно хорошо. Почти волшебно».

Глубоко в душе она услышала тихую барабанную дробь, будто неведомая сила хотела поддержать ее, одобряя мысли и чувства.

– Вперед и только вперед, – прошептала Леся.

Утятину имело бесспорный плюс: куда ни пойдешь, везде образовывается личное пространство, всегда есть возможность хорошенько подумать, помечтать. Долгие годы Лесе катастрофически

не хватало уединения, слишком долго ее воспитывали абсолютно разные люди. И никому из них не приходило в голову, что маленькая рыжая девочка – это целый мир, со своими правилами, законами, ветрами, дождями, цветами и солнцем.

Но больше всего Лесе понравился овраг – почти сказочное, будоражащее воображение место. Чего только стоят торчащие из земли удлиненные камни и много лет назад упавшие деревья. Пока не хватало профессионализма написать картину маслом так, как хотелось бы, и это немного огорчало.

«Я научусь», – утешила себя Леся и, желая взглянуть на овраг еще раз, стала отдаляться от дома Дюкова.

Углубившись в смешанный лес, миновав тощие березки, рябину, орешник, она безошибочно вышла к оврагу и поддалась магнетизму природы. Темнело, цвета уже не были столь насыщенными и выразительными, но вечер не портил впечатления, он настойчиво выделял изгибы и прямые линии.

Желая ощутить гораздо больше, чем вчера, Леся встала на самый край. Мыски ботинок сравнялись с коричневой чертой земли.

Страха не существовало, наоборот, появилось чувство полета, и под ребрами с левой стороны дернулся обжигающий нерв, видимо, несущий ответственность за безрассудство. Звуки леса слились в один – продолжительный, шуршащий, волнующий... Мышцы неторопливо стали расслабляться, плечи опустились, пейзаж зарябил, притягивая и маня... Из-под ног полетели вниз маленькие комочки глины, кусочки мертвых корней, земля задрожала и поплыла...

– Только не шевелись, – раздался сзади предостерегающий мужской голос. – Слышишь? Не шевелись. Это опасно.

Вздрагнув, Леся резко развернулась – взгляд хлестнул по высокому худому незнакомцу, одетому в черное. Сердце сжалось, земля под ногами дрогнула и весомыми кусками полетела вниз. Край обрыва только казался безопасным...

Удержаться не получилось бы: больше не было устойчивой опоры, и в радиусе двух метров не росли кусты и деревья. Инстинктивно Леся подалась вперед, но было уже поздно...

– Сейчас! – крикнул незнакомец и рванул к ней, протягивая руку.

Ее пальцы сначала чиркнули по его пальцам, затем ладонь больно ударилась о край обрыва, и перед глазами замелькали пласты глины,

острые камни, прошлогодние пучки желтой травы, сухие листья...

Леся падала сначала медленно, но затем ее потащило вниз сильнее, страх проклюнулся в животе и резко подскочил к горлу. С какой скоростью иногда меняется жизнь: то ты уверенно стоишь на земле, а то летишь по крутому склону к неизвестности...

Крик застрял, и в это мгновение Леся увидела незнакомца, прокладывающего такой же опасный маршрут, что и она. Немигающие глаза прожигали насквозь. Лицо белое и напряженное. Он тянул руку, пытаясь схватить ее за плечо, и через несколько секунд ему это удалось. Падение сбавило темп, страх застыл, пыль залетела в рот, руки-ноги переплелись, и... боль ушла. Каким-то невероятным образом незнакомец спасал Лесю, и именно его тело теперь ударялось о каждый торчащий камень.

Глава 10

Со столь откровенной наглостью она не встречалась давно. И как ее выверенный, размеренный, устойчивый, блещущий удобствами и достатком мир мог пересечься с миром подобного человека? Какой ветер принес его в Утятино? Какой дрянной ветер?!

Замерев, Ева смотрела на Глеба и пыталась подобрать слова, способные охарактеризовать...

«Этого самодовольного...»

Не получалось.

«Как он смеет...»

Но он именно смел.

«Его зовут Глеб? Самое нелепое имя, которое есть на свете!»

Когда он сделал первую попытку познакомиться, Ева поморщилась. Невозможно любить надоедливых мух, они ужасно раздражают, особенно летом. Лезут в лицо и, не зная усталости, жужжат свои долгие докучные песни. Хотя нет, к ней пристала не муха, а волосатый шмель...

Ева поморщилась во второй раз, когда поняла, что Глеб настойчиво бежит за ней. Надо же, не отстаёт, интересно, сколько выдержит? Не загонять ли его до посинения: с моста на берег, с берега на мост?.. Скривив губы, Ева уверенно перечеркнула мысли – слишком много чести, не нужно забывать, кто он и кто она.

Но Глеб странным образом угадал ее редкое имя, и, как назло, в этот момент под ногу попала коряга! Унизительное падение, которое невозможно простить... «Этому... этому...»

У Евы сбилось дыхание, боль в щиколотке то вспыхивала, то гасла, к глазам подступили слезы отчаяния, но разве можно позволить себе слабость, если рядом «жужжит волосатый шмель»?

А вдруг перелом?

Нет, нет и нет...

– *Меня не интересует ваше мнение ни по какому вопросу. А сейчас подойдите и дайте руку, я хочу встать...*

Выпрямившись, Ева почувствовала значительное облегчение: все же у страха глаза велики. Нога ныла (до дома добраться будет непросто), но, по ощущениям, ничего страшного не случилось,

главное – не перенапрягать. Послезавтра наверняка от растяжения не останется и следа, а воспоминания о досадном падении перестанут нервировать и портить настроение.

Ева набрала номер Кирилла, вот только он не взял трубку. Нет, она вовсе не мечтала о появлении мужа, лучше бы пришел и помог старший брат... О, каким бы ничтожным, ненужным и никчемным почувствовал себя этот обнаглевший Глеб! Ева бы с удовольствием посмотрела на выражение его лица в тот момент, когда Кирилл пойдет по дорожке – высокий, стройный, подтянутый и, безусловно, красивый. А то, что он брат, а не муж, озвучивать совершенно необязательно.

В детстве Ева часто представляла будущего мужа как на картинках в книгах сказок: настоящий принц в окружении придворных дам. Он, конечно, смотрит лишь на нее и протягивает руку, приглашая на танец... «Какая чужь!» Очень скоро Ева поняла, что далеко не все принцы наследуют богатство родителей или сами добиваются необходимых высот. И лишь каждый сотый оказывается хорош собой.

Ей хотелось походить на мать во всем: иметь большой роскошный дом, драгоценности, связи, уважение и многое другое. Жить в глуши? Нет. Это выбор Зофии Дмитриевны Кравчик, никто ее не уговаривал и не принуждал. «Здесь скучно. Невыносимо скучно», – думала Ева, желая роскошной самостоятельности подальше от Утятина. А способов достижения цели было не так уж и много...

Сначала кандидатура Юрия Григорьевича Алпатова показалась... ужасной. Бледная, почти белая кожа, редкие рыжеватые волосы, тонкие губы, обвислые щеки. Никакой харизмы, точно мертвая, вылизанная ветрами земля, а не человек. Но мама порекомендовала не отвергать Юрия Григорьевича сразу, а дать ему шанс. К семье Алпатовых она давно хорошо относилась. «Он старше тебя, и это плюс, а не минус. Несимпатичный? Моя дорогая, внешность – самое последнее, о чем нужно думать, когда выбираешь мужа». И в какой-то момент Ева поняла, что, по сути, ей все равно. А тут еще Юрий Григорьевич принялся одаривать ее бриллиантами, водить в первоклассные рестораны и... поцеловал после оперы. Самое главное – не возникло отвращения, пожалуй, ощущения можно было сравнить с прохладным равнодушием. Так почему бы и нет? Каждому свое.

Стремясь к новой жизни, желая оправдать ожидания матери, игнорируя предостережения Кирилла, Ева согласилась на брак. Она жалела лишь об одном – что хорошенько не погуляла и не взяла у судьбы те самые страстные моменты, о которых потом, засыпая, было бы приятно вспоминать.

Алпатов, к счастью, оказался не слишком активным мужчиной и о правах мужа вспоминал не чаще двух раз в месяц. Ева ни в чем не нуждалась, занималась собой, большую часть времени проводила в салонах и клубах с такими же «счастливыми» женами, как и она. Но однажды, во время обычного семейного ужина, пришло озарение, Ева поняла: Алпатов ее не любит и никогда не любил. Совсем. Это поразило до глубины души и даже повергло в болезненный шок.

Сильнее удара по самолюбию невозможно представить. «Бледный вампир», как его называет Кирилл, не испытывает к ней (самой лучшей Еве на свете) ничего... Юрий Григорьевич просто нуждался в семье, наследниках и лишь поэтому расчетливо женился на подходящей девушке. Вот и все. Она оказалась обыкновенной пешкой в чужой игре, Алпатов вовсе не сражен ее красотой, не страдает и не скучает, если ее нет рядом... Пожалуй, к своей маленькой комнатной собачонке он привязан гораздо больше, чем к собственной жене.

«Мне любить не обязательно, а он должен!»

Ева успокоилась только тогда, когда придумала месть: Юрию Григорьевичу Алпатову не стать отцом, об этом уж она позаботится, благо способов решить данный вопрос предостаточно. Да и к чему портить фигуру? Промелькнула мысль об измене, но мужчины после супружеских отношений абсолютно перестали интересовать. Еву обдавало холодом, когда кто-нибудь пытался с ней познакомиться или предлагал встретиться.

Но по прошествии времени она иначе взглянула на свою жизнь и пришла к выводу, что браком – в общем и целом – довольна. Свобода и роскошь – чего еще желать? Ева заняла именно то положение, о котором мечтала.

«Чувства – книжная ерунда».

К тому же никому не известно, что после выполнения супружеских обязанностей Алпатов сначала тщательно моется, а затем уходит в свою личную спальню. Со стороны – они отличная пара: муж любит и балует жену, а она дарит в ответ снисходительную

благодарность. Еве нравился этот сценарий, она получала удовольствие от мысли, сколько подруг ей завидует. У тех тоже были состоятельные мужья, но пока Юрия Григорьевича никто переплюнуть не смог. И он не контролировал жену так, как другие: Ева тратила деньги, не задумываясь ни о чем.

– Да как ты смеешь... – прошептала она, задыхаясь от возмущения.

– Кажется, только что мы окончательно и бесповоротно перешли на «ты», – весело ответил Глеб и развел руками. – Правильно. Жизнь коротка, не стоит терять время даром. А вообще, глупо тащиться к дому за подмогой, когда я сам могу проводить тебя до двери. Предложение остается в силе: донесу, не расплескаю.

Ева закрыла глаза и полминуты сохраняла молчание, успокаивая нервы, затем надменно встретила взгляд Глеба и четко произнесла:

– Вы сейчас пойдете и сообщите моим родным о том, что случилось. Пусть кто-нибудь придет. Надеюсь, я объяснила ясно. У меня болит нога, и эту комедию пора заканчивать.

– Ты постоянно забываешь добавить волшебное слово «пожалуйста». Или предпочтешь назвать свое имя? Смелее: вежливость или имя? Ну же, давай. – Глеб почесал затылок и насмешливо добавил: – Наитруднейший выбор.

– Идите!

– Хорошо.

Развернувшись, сунув руки в карманы, Глеб неторопливо пошел по дорожке. Вечерний сумрак хорошо выделял его спину, точно намеревался обвести контур фигуры жирной изогнутой линией.

Ева провела ладонью по волосам, поправила хвост. Нет... Он бы не ушел так просто... Куда он направляется?

– Стойте!

Глеб послушно остановился и лихо развернулся на пятках. «Испугалась? – с удовольствием подумал он, изображая скучающее равнодушие. – Чую, сейчас познакомимся. Укрощение строптивой – особое удовольствие, можно сказать, повезло».

– Чего изволите? – спросил Глеб, театрально кланяясь.

– Куда вы идете?

– В деревню, к бабке своей. Ждет небось, сердешная, скучает, волнуется.

– Меня зовут Ева. – Пытаясь погасить гнев, она сделала два глубоких вдоха и замерла, потому что Глеб возвращался. Кричать на весь лес уже не имело смысла.

– Очень приятно, – улыбнулся он и, пользуясь ситуацией, бесцеремонно чмокнул Еву в щеку, подхватил на руки и широким шагом направился в сторону моста. – Только не дергайся, а то грохнемся вдвоем, и я уж точно придавлю тебя своим телом.

– Что?.. – Ева врезала кулаком в каменную грудь Глеба, замахала ногами, но тут же застонала от острой боли в травмированной щиколотке.

– Неугомонная, – усмехнулся он, сворачивая к дому Кравчиков.

– Я вас ненавижу!

– Уже лучше, от ненависти до любви, как известно, один шаг. Давай я завтра приду тебя навестить? Или можем здесь встретиться.

– Поставьте меня на землю, я сама пойду. – Ева уловила в голосе отчаяние и сжала кулаки. Демонстрировать душевное состояние ей категорически не хотелось, но сдерживаться не получалось: возмущение, злость и беспомощность подкидывали дров в огонь.

– Поставлю чуть подальше. До твоего дома еще далеко.

– Я замужем, – подчеркнула Ева, пытаясь хоть как-то отстраниться от Глеба.

– Да, ты уже говорила. Но я не знал, что замужние девушки должны отказываться от помощи и гордо умирать в лесу.

– Вы... вы...

– Негодяй, – подсказал Глеб, перешагивая большую длинную корягу.

– Хуже!

– Скотина?

Их взгляды встретились, дыхание перемешалось, и Ева почувствовала, как ненависть медленно покидает душу, оставляя после себя звонкую пустоту. Кажется, она устала ругаться с этим... Глебом. Невыносимо. И откуда он только взялся в Утятине? Она точно никогда не видела его раньше. Остается только надеяться, что больше они и не встретятся – хватит впечатлений на всю оставшуюся жизнь.

– Хуже, – спокойно повторила Ева.

Глеб нарочно споткнулся, и ей ничего не оставалось, как вцепиться в его мягкий свитер.

Леся медленно повернула голову и увидела своего спасителя. Он лежал рядом и смотрел на нее спокойно, будто пару минут назад они не катились на дно оврага, рискуя сломать руки и ноги. На лбу и щеке у него красовались ссадины, тонкая струйка крови неторопливо ползла от виска к подбородку...

Что произошло? Почему на короткий миг она потеряла способность соображать? Там, наверху. Будто ее накрыло тонкой, но цепкой паутиной гипноза. Какая сила ее прилепила к самому краю и не дала возможности вовремя увидеть приближающуюся катастрофу?..

– Жива? – спросил спаситель.

– Да. – Протянув руку, Леся коснулась его щеки и добавила: – У тебя кровь.

– Поднимайся осторожно. Если почувствуешь боль, остановись.

– Ты кто?

– Дурак, который прыгнул за тобой. – Проигнорировав ее заботу, он перевернулся на бок, оперся на локоть, сел, чуть подтянул ноги и поморщился.

– Я не хотела... То есть... – Леся тоже села, сделала попытку отряхнуть джинсы, но быстро бросила эту затею. Не стоило подходить к краю обрыва, кто ж спорит, она и не заметила, как земля под ногами стала осыпаться.

– Жива? – повторил он вопрос и вытер рукавом свитера щеку.

– Да, – повторила Леся.

– Хорошо.

– А ты как?

– Вполне.

«Он немногословен. Сердится на меня?»

– Я испугалась, когда ты сказал не шевелиться. Не думала, что кто-то стоит за спиной.

– Под тобой кусок земли отламывался. Не видела?

– Нет. Ну-у... не сразу поняла. – Пытаясь оценить последствия, Леся дотронулась до своего лица, ощупала подбородок, лоб, нос. – Спасибо за помощь, – произнесла она коротко, хотя сказать хотелось намного больше. Но взгляд серых глаз, сдержанность незнакомца,

чувство вины и что-то тайное, неуловимое сковывали движения и мысли. Шок охлаждал сердце, и пока не получалось прогнать его окончательно и бесповоротно.

– Не волнуйся, лицо у тебя не разбито.

– Я правда очень благодарна... Спасибо... Большое спасибо.

– Ерунда.

Незнакомец встал, вновь поморщился и протянул Лесе руку. На этот раз она крепко вцепилась в его пальцы и, лишь поднявшись, отпустила их. Неожиданно вспомнился вчерашний рисунок: большущий клубок, летящий вниз... люди... падают... и настойчивый красный цвет.

«Его кровь... Я предсказала судьбу? Невероятно... – Леся изумленно приподняла брови и посмотрела на незнакомца, желая изучить его получше. Не каждый день ее спасают, рискуя собственной жизнью. Наверное, удивление от того, что это возможно, и являлось весомой частью тягучего шока. – Немного странный. Высокий, худой. Волосы русые... длинноваты... Большой лоб, прямой тонкий нос... Черные джинсы, черный свитер без какого-либо узора. Похож на пианиста, но уверена, к музыке он отношения не имеет».

Незнакомца не получилось бы назвать красивым, симпатичным или хотя бы приятным. Он точно появился из другой реальности, более мрачной, пустынной, ветреной, умеренной. И было категорически неверно оценивать его здешними мерками, слишком понятными и простыми. Лесе вспомнились книжные фантастические миры, она улыбнулась.

«А умеет ли он улыбаться?»

– Пойдем через засохший ручей, там легче подняться.

– Я не знаю, где это, – ответила она, собираясь спросить имя спасителя. Однако слова не успели слететь с губ.

– Иди за мной, – бросил незнакомец, развернулся и довольно быстро пошел по дну оврага к невысоким кустам, растущим в шахматном порядке. Но через несколько шагов притормозил, обернулся и голосом, не терпящим возражений, произнес: – Дай руку. Смотри под ноги, уже темнеет.

– Мы, между прочим, остались живы.

– Я заметил.

– Ты испытываешь радость по этому поводу?

– Огромную.

Теперь от шока не осталось следа, Леся взяла незнакомца за руку и засмеялась, выплескивая пережитый страх и волнение. Его пальцы сжались, от запястья к плечу побежала теплая волна мурашек, сердце дрогнуло, и все плохое забылось в один короткий миг. «Вот бы еще он не смотрел на меня так...» Но он смотрел – пристально, сверху вниз, и терпеливо ждал, когда она успокоится. Наверное, на его планете не умели извлекать подобные звуки, их приравнивали к непонятым, ненужным, а может, даже преступным. Мысли полетели быстрее, и Леся ухватила за самую настойчивую и яркую: «Он держит меня за руку так, точно не собирается отпускать. Но мне не страшно».

– Как тебя зовут? – спросила она и быстро убрала несколько заноз-щепок из рукава его свитера.

– Егор, – ответил он и, не поинтересовавшись ее именем, двинулся дальше.

– А я Олеся. Ты, наверное, здешний, если знаешь про ручей.

– Да. А ты – нет.

– Я приехала в гости к дяде. Поживу у него немного, а потом вернусь обратно в Москву.

Егор не проявил любопытства, не задал никаких вопросов.

Молча поднявшись, они дошли до того места, где случилось скоростное падение, и остановились метра за три до края. Здесь было гораздо светлее, верхушки деревьев не закрывали полностью небо, не давили со всех сторон резкие очертания земли и камней. Не верилось, что совсем недавно здесь чуть не случилась трагическая история.

Леся счастливо вздохнула и осторожно вытянула свою руку из руки Егора. Сам он почему-то ее не отпустил. «Его нужно рисовать среди деревьев, потому что он похож на сосну. Ну-у... на какую-то необычную черную сосну... Нет, лучше среди птиц, потому что нос такой...» Образ ускользал, не поддавался пониманию и прочтению, и от этого в душе заерзала досада.

– Расплети волосы, – сквозь раздумья услышала Леся и посмотрела на Егора. Он стоял напротив и, кажется, был удивлен.

– Зачем?

– Ты... рыжая?

Наверное, на дне оврага, в сгущающейся темноте, в пыли цвет волос не сильно бросался в глаза. Теперь, среди зелени леса, наоборот,

выделялся сильнее.

– Да. – Она улыбнулась, соглашаясь с названным цветом.

Егор бросил резкий продолжительный взгляд на овраг, затем вновь посмотрел на Лесю и покачал головой, будто отрицая собственные мысли. По его лицу пронеслась тень, в глазах застыл вопрос, на который, похоже, не было ответа.

Леся стянула с косы резинку, провела рукой по волосам и специально тряхнула головой, чтобы выующийся оранжевый пожар подскочил вверх и окружил ее со всех сторон. Сколько раз она пыталась усмирить его, заплетая туже, теперь же... Пожар был на свободе, и Леся чувствовала себя удивительно свободно и хорошо.

Егор закрыл глаза, открыл их, первый раз коротко улыбнулся (или усмехнулся?) и со вздохом сказал:

– Только не говори, что ты живешь в доме Дюкова и он твой дядя.

– Откуда... – теперь пришел черед удивиться Лесе. – Откуда ты знаешь?

– Это так?

– Да, я приехала к Василию Петровичу.

Взгляд Егора задержался на копне рыжих волос, потом медленно, точно каждый сантиметр имел огромное значение, потянулся вниз, оставляя после себя обжигающий след. Ниже, ниже, до коленок, до высоких тяжелых ботинок с потертыми от времени мысками, до травы... Егор будто только что увидел Лесю и теперь намеревался познакомиться с ней обстоятельно. Его чувства не угадывались, лицо оставалось спокойным, лишь глаза болезненно щурились, будто в них попали крупинки песка.

– *«Лесные феи носят тяжелые ботинки, потертые джинсы и длинные вязаные зеленые платья. Волосы у них огненно-рыжие... Их, похоже, не так-то просто забыть...»* – еле слышно произнес Егор, но Леся поймала каждое слово. Непонятно, чьи это были фразы, они будто принадлежали другому человеку, а Егор их просто повторил. – Иди домой, – устало сказал он, делая шаг назад. Но через секунду на губах заиграла усмешка. – Думаю, очень скоро тебе понадобится помощь, и... – Он хотел сказать что-то еще, но не стал, развернулся и пошел к ближайшей тропинке, ведущей в деревню.

– Я упала, стукнулась головой, все это мираж, – выдохнула Леся и, дождавшись, когда фигура в черном исчезнет, принялась отряхивать

платье и джинсы. Таким видом нельзя шокировать Василия Петровича, тем более что предстоит серьезный разговор.

* * *

Встречей с Евой Глеб остался абсолютно доволен и теперь пребывал в отличном расположении духа. Конечно, она и не подумала сказать ему «спасибо», но кого это расстроило? Правильно. Никого.

«Сегодня поистине великий день, ибо я узнал многое... А именно: холодные селедки – моя слабость. Дорогая, я непременно вернусь, обязательно жди».

Около елей Глеб опустил Еву на землю, и дальше они шли рядом, причем ей приходилось держаться за его локоть. «Сближение на пять с плюсом». Он нарочно меньше шутил и демонстрировал ослабевший интерес, что должно было уязвить ее самолюбие и поселить в душе занозу нетерпения. В данную минуту Ева Кравчик наверняка вспоминает о каждом взгляде, прикосновении и гадает: увидятся они еще или нет. «Даже не сомневайся». И, конечно, она представляет, как будет подчеркнуто равнодушна и холодна... Ну да, ну да, кто такая она и кто он?..

Глеб проводил Еву до дома, а она, бросив на прощание острый взгляд, закрыла перед его носом дверь. «Крошка, ты еще будешь шептать слова благодарности... Жду не дождусь этого момента. Кстати, где девчонка?..»

Настроившись на волну Олеси, Глеб «поймал» ее около дома Дюкова и зашагал к противоположному краю деревни. Пора уже посмотреть, как там подопечная. Прыгает от счастья или нет?

«Лучше бы прыгала. Сколько мне еще торчать здесь?»

* * *

Увидев Василия Петровича на скамейке рядом с раскидистой яблоней, Леся замедлила шаг. Калитка хлопнула за спиной, будто хотела подтолкнуть вперед и подчеркнуть: назад дороги нет. Но никто

отступить и не собирался: наоборот, после оврага разговор Лесю совершенно не страшил. Если она и желала растянуть минуты, то вовсе не трусость была тому виной, а колоритный вид Василия Петровича и его царственное выражение лица. Дядя, вновь облаченный в длинный леопардовый халат и бордовые бархатные тапочки с нелепыми помпонами, читал газету и попивал из тонкой фарфоровой чашки не то чай, не то кофе. Если бы не пестрое одеяние, то он вполне бы мог претендовать на роль заезжего графа.

«Кофе», – уловив аромат, поняла Леся.

Свет фонарей выделял наваленные бревна, засохший кустарник, скворечник, повисший на одном гвозде, заросшие дорожки... Какой же противоестественной казалась картина! Василий Петрович в ярком халате никак не гармонировал с окружающим миром. Сюда бы художника-авангардиста...

– А я тебя заждался, – сказал он, тщательно складывая газету и отправляя ее на край скамейки. – Загулялась ты что-то. Тетка твоя звонила и задавала бесконечно длинные и нелепые вопросы.

– Какие? – автоматически спросила Леся, присаживаясь рядом.

– Не болит ли у тебя горло, ешь ли ты овощи... Ха! Я их сам не ем! Подозреваю, Сашка просто хотела сунуть нос в наши дела. Насколько я помню, этим она способна заниматься с утра и до вечера. Но доставлять ей удовольствие я не собираюсь. Обойдется! Постой... – Василий Петрович вынул из кармана очки в золотой оправе и нацепил их на нос. – Что за вид? Где ты валялась? – Он фыркнул и приподнял брови-домики.

– Я скатилась в овраг, – честно ответила Леся и сделала попытку еще раз отряхнуть правую коленку. Но именно в этом месте грязь пристала намертво.

– А я предупреждал... Не подходи к обрыву, и никому потом не придется считать твои кости. Сдается мне, ты хочешь трагедии. Если твоя тетка узнает об этом, она прилетит на ковре-самолете, задушит меня, а потом напечет пирогов с капустой и соберет на поминках всех двоюродных братьев и сестер. Был бы повод! – Василий Петрович беззвучно засмеялся, получая удовольствие от собственной шутки, но быстро успокоился и деловито осведомился: – Внешние и внутренние органы целы?

– Да.

– Отлично. Больные родственники меня утомляют. А если учесть, что я жадный, а врачи нынче дороги, то... То тебе лучше не огорчать меня.

– Постараюсь.

– И все же... – Василий Петрович пригладил редкие волосы и замер, будто пытался обдумать нечто важное. Его щеки порозовели, глаза забегали, широкий лоб заблестел. Облизав губы, Дюков уточнил бархатным голосом: – Говоришь, скатилась в овраг?

– Земля под ногами посыпалась, а я и не заметила. Глупо вышло.

– Отнюдь не глупо, – протянул Василий Петрович и повторил тише: – Отнюдь не глупо...

Леся повернула голову к дому, вздохнула и почувствовала радость. Оттого, что виделась с Кириллом, гуляла с ним, от спасения в овраге, от встречи со странным Егором, от слов Василия Петровича. Неважно, каких слов. В душе сидела железобетонная уверенность: случись что плохое, дядя не пожалеет денег на врачей. Кажется, она уже начинает улавливать, где шутка, где правда, а где... «М-м... безумие».

– И чему ты улыбаешься? – поинтересовался Василий Петрович.

– Мне кажется, вы хороший человек.

– Ты сошла с ума! – Он закинул голову назад и захохотал. Но Леся уже была знакома с этим раскатистым смехом, и он не показался ей обидным или зловещим.

– Вовсе нет.

Василий Петрович перестал трястись, убрал очки обратно в карман, закинул ногу на ногу, посмотрел на раскачивающийся тапок и поднял указательный палец вверх:

– Поверь, ты еще не раз обвинишь меня в самых страшных грехах. Уж не откажешь себе в удовольствии. И я даже не стану возражать. Именно потому, что ничего хорошего во мне нет. Запомни сегодняшний вечер. Да, запомни. – Василий Петрович допил кофе, осторожно поставил чашку на скамейку рядом с собой и потер руки, будто только что провернул отличную сделку. – Совсем не холодно. Вечерок нынче отличный. И знаешь, какой момент меня радует больше всего?

– Нет.

– Ты свалилась в овраг! Это чудесно. Я бы даже сказал – прекрасно. Превосходно!

Леся решила не задумываться о словах Василия Петровича. Какие мысли бродят в его голове, как они переплетаются – непонятно. Плохое может оказаться вполне нормальным, а нормальное – плохим. Надо же, а еще несколько минут назад казалось, что она начала понимать дядю, но нет – слишком поспешные выводы.

– Завтра в первой половине дня я бы хотела уехать.

– Куда?

– Точно не знаю... Мне нужен магазин одежды. Может, подскажете, где ближайший?

– А чего тебе не хватает? – Василий Петрович сцепил пальцы на животе. – Сдается мне, ты замышляешь побег. Как не стыдно... Ай-яй-яй... Неужели ты бросишь одинокого больного старика в лесу? И это после всего, что я для тебя сделал... Честно говоря, попахивает черной неблагодарностью.

Я, безусловно, имею право на банальный стакан воды из твоих рук. Спроси у своей тетки, она непременно подтвердит мою правоту.

Их взгляды встретились, и Леся поймала в зеленых глазах Василия Петровича уже привычную насмешку.

– Вы же знаете, что я не собираюсь сбегать.

– Быть может.

– Тогда зачем говорите?

– В профилактических целях. И к тому же твоя разлюбезная тетка велела мне заниматься твоим воспитанием денно и нощно. Должен же я удовлетворить хотя бы одну ее просьбу из тысячи? И не просьбу, а требование. Бред... какой многолетний вдохновенный бред!

Леся встала, подошла к фонарному столбу и прислонилась к нему спиной. Теперь Василий Петрович находился напротив, а для предстоящего разговора это было лучше. Леся собиралась повторить вопрос про дом Кравчиков и объяснить, куда и с кем идет послезавтра. Продолжит ли дядя считать вечер отличным после ее слов?

– Я вас спрашивала про дом... Он похож на ваш и находится на противоположном краю деревни.

– Помню, – махнул рукой Василий Петрович.

– Тогда вы мне не объяснили, с чего такая схожесть. Это же не случайно.

– Конечно, нет! Завистливые поляки, чтоб им пусто было! Принесла же их нелегкая в наши края. Кравчики... – Василий Петрович наклонился вперед и смачно с чувством плюнул на дорожку. – Вот мое отношение к ним, и другого не будет.

– Но что плохого они сделали?

– Украла мою идею – и точка! Дело давнее. Надеюсь, третья башенка у них все же рухнет. Пристраивали они ее впопыхах.

Леся еле сдержалась, чтобы не обернуться. Дом Кравчиков выглядел крепким и монолитным, а третья башенка «гуляла» как раз у Дюкова... «Бесполезно, Василий Петрович не станет ничего объяснять. Если дело действительно давнее, то наверняка и разобраться в нем не получится. И нужно ли? А вот сейчас мне надо быть сильной...»

– Я хочу купить вещи, потому что меня пригласили в гости.

– Однако...

Она явно удивила дядю, и от этого в душе заерзло удовольствие. Будто они давным-давно начали вести счет побед друг над другом, и теперь Леся вырвалась вперед.

«Это еще не все новости, Василий Петрович. Сейчас я скажу правду».

– Меня пригласили в дом Кравчиков.

Фонарь мигнул, вдалеке гаркнула неведомая птица, залаяла чья-то собака, зашуршали ветки давно заброшенных кустарников. Лицо Дюкова побледнело, и показалось, будто оно светится в полутьме. Всегда аккуратная эспаньолка теперь выглядела так, точно ее причесали снизу вверх. На голове Василия Петровича наверняка бы тоже зашевелились волосы, но они были редкими, длинными и, похоже, слишком жесткими.

– Куда пригласили?.. – просипел он и подался вперед так резко, что с ноги слетел тапок.

– В дом, очень похожий на ваш...

– Одна-а-а-ко, – перебил Василий Петрович. Нашарив тапок, он встал, поправил пояс халата и странно дернул сначала одним плечом, а затем другим.

– Я познакомилась с Кириллом Кравчиком. Сегодня мы с ним встречались, и он пригласил меня на день рождения своей мамы. Мне

нужна подходящая одежда, лучше простое платье. Я не могу идти на вечер в джинсах.

Леся нарочно произнесла слова торопливо, не останавливаясь. Сейчас нельзя думать над реакцией Василия Петровича. Ясно же, что он будет против, но любой человек имеет право ходить в гости, к кому считает нужным. Это не преступление. Зачем жить старыми дрызгами? И уж она точно ни в чем не виновата и не имеет отношения к давним спорам и «загулявшей» третьей башенке.

– Однако, – в очередной раз произнес Василий Петрович, и наконец его лицо приобрело нормальный цвет. – Постой, постой... – Он заложил руки за спину и принялся расхаживать по дорожке: пять шагов туда и пять обратно. – Не хочешь ли ты сказать, что я буду лишен каких-либо подробностей? А впрочем... Куда уж больше! – Василий Петрович стал двигаться быстрее, и Лесе показалось: еще немного, и он побежит. Теперь в темноте светились зубы дяди, улыбка становилась шире, в глазах плясали огни. – Платье. Непременно платье! Кстати... – Василий Петрович резко остановился, сунул руки в глубокие карманы халата, развернулся и твердо сообщил: – В магазин я поеду с тобой. Возражения не принимаются, побереги их для своей чокнутой тетки.

Я, знаешь ли, сильно сомневаюсь, что девушка, одевающаяся, как ты, в состоянии выбрать нормальное платье. Не надо меня позорить перед дорогими и горячо любимыми соседями. Ясно?

«Конец света», – подумала Леся.

Глава 11

Ночью Глеб спал плохо: то мешали дурные сны, то мысли сверлили мозг, то хотелось пить, то в туалет. «Чего колобродишь, неугомонный!» – прикрикнула бабка Лиза, когда он налетел в сенях на ведро. «Да если б я знал!» – раздраженно бросил Глеб в ответ.

Инстинкт охотника не давал покоя: дергал, зудел, гудел, задевал ребра, кидал то в жар, то в холод.

– Да твою ж мать! – взревел Глеб, когда сто первая попытка заснуть провалилась. – И не пил же ничего.

«Что я пропустил?.. Что?»

Ощущение, будто важная деталь, связанная с девчонкой, ускользнула, не давало покоя и к утру уже бесконечно злило. А ведь он радовался вечером, когда застал Олесю с Дюковым в саду. Подслушивать – сплошное удовольствие, и далеко ходить не нужно, получите и распишитесь.

Оказывается, Кирилл на свидании пригласил девчонку в гости. А события-то развиваются в нужном темпе, без проволочек. Вот она – великая сила волшебства в действии.

«Но это, конечно, не значит, что я и дальше буду работать долбаным Амуром! – на всякий случай адресовал в небо Глеб, когда дежурил за забором и наблюдал, как мечется Дюков. – Ишь ты, заволновался, забегал. Да-да, уведут у тебя Олеську, и никто памперсы лет через десять тебе менять не станет».

Но, как оказалось, Василий Петрович вовсе не расстроился...

Собственно, пришло время расслабиться. Кирилл Кравчик планирует познакомить девчонку со своей семьей.

«Дамы и господа, ясен пень, куда дело клонится».

Но не спится, мягко говоря...

Глеб откинул одеяло, сел, свесил ноги с кровати.

«Олеська молодец, правильные вопросы Дюкову задает. Нужно бабку Лизу к стенке прижать, пусть объяснит, что за ерунда с этими домами... И не обнаглет ли мне вконец? Обнаглет... Надо попасть на вечеринку Кравчиков и посмотреть, что да как... Чую, дело нечисто. А это как раз задачка несложная. У меня же теперь есть Ева. Милая, добрая, нежная... Почти».

Улыбнувшись, он неторопливо лег, подтянул одеяло к подбородку, услышал утренний крик петуха, послал «горластый будильник» куда подальше и почти сразу уснул.

* * *

Неприязнь Василия Петровича к Кравчикам исчезла без следа. За завтраком дядя даже произнес длинную вдохновенную речь об уважении к людям – в частности, к соседям, – чуткости, понимании и даже о мире во всем мире... Краковская колбаса больше не являлась поводом для едких шуток, а Вислу Василий Петрович признал «вполне нормальной рекой». Леся слушала внимательно и гадала, с чего такие перемены?

Если бы дядя нуждался в деньгах или мечтал попасть в «высшее общество», то можно было бы предположить, что он радуется возможности завести знакомство с обеспеченными соседями, но... Василий Петрович не желал ни с кем знаться, и уж чужое богатство его точно не волновало.

– Кирилл... Я видел его несколько раз. Он хорош собой.

– Да, – коротко ответила Леся, не желая развивать тему.

– И все же ты мало ешь! Если бы ты ела по-человечески, у тебя бы давно выросла большая грудь, – хохотнув, сказал Василий Петрович и с удовольствием положил на свою тарелку добавку омлета и бекон. Разломив пшеничную булку, он щедро намазал половинки сливочным маслом и добавил: – Бери пример с меня.

– У вас выросла большая грудь? – сдерживая смущение и улыбку, спокойно спросила Леся. Противостоять дяде было не так уж и просто, но она решила держать оборону при любых обстоятельствах. Иначе Василий Петрович однажды слопает и ее – за завтраком, обедом или ужином.

– Мне нравится твое чувство юмора, – одобрил он. – И вдвойне нравится то, что ты защищаешь себя. Похоже, тебе все же досталось немножко нашей крови... Дюковской. – Василий Петрович отодвинул тарелку, вытер рот салфеткой, смял ее и отшвырнул к кувшину с водой. Затем неторопливо налил в широкую чашку чай и притянул к себе вазочку с зефиром и пастилой. – Пожалуй, расскажу тебе немного

о своей семье, сейчас это будет как раз кстати. Мой отец сбежал в поисках лучшей жизни, когда мне исполнился год. Но лучшая жизнь, а вернее – смерть, нашла его спустя пару лет под колесами старенькой «Волги». Мать скончалась через четыре года, и моим воспитанием занялась тетка. Обрати внимание, как схожи наши судьбы! – Василий Петрович дернул носом и прищурился от удовольствия. – Невозможно это отрицать. Даже преступно! – Он постучал указательным пальцем по краю стола. – Быть может, именно поэтому я взялся тебя содержать. Быть может... Быть может...

Василий Петрович говорил все тише и, похоже, мысленно обращался уже не к Лесе, а к кому-то другому. Или к себе.

– Сходство есть, – согласилась она, пытаясь представить жизнь дяди лет пятьдесят назад. «Его детство тоже нельзя назвать радужным и счастливым. Он до сих пор одинок...»

– Быстро доедай, и поехали за платьем, – неожиданно резко скомандовал Дюков и бросил прощальный взгляд на пастилу.

Василий Петрович настоял на поездке в Москву, хотя Лесю устроил бы магазин и поближе. «В четыре часа у сосны» – вот ее ориентир. Нужно успеть вернуться, чтобы встретиться с Кириллом. Они обменялись номерами телефонов, но пока не хочется звонить или писать эсэмэски, в душе сидит ощущение, что это нарушит таинство знакомства. Их отношения и дальше должны быть окружены небом и лесом, а не электрическими проводами и невидимыми нитями сотовой связи... Да и не так легко позвонить или написать первой. «Я не трусиха, просто...»

Садясь в машину Василия Петровича, Леся еле сдерживала улыбку – нельзя показывать чувства, лучше их скрыть. Иначе есть вероятность «попасть на допрос» к дяде, который, как ни странно, пока вопросов про Кирилла не задавал. Интуиция подсказывала, что дело не в корректном и уважительном отношении к ее личной жизни, а в чем-то другом. Пока неведомом.

«Буду сидеть тихо».

Дорогу до Москвы Леся практически не заметила. Погрузившись в воспоминания, она неторопливо перебирала события последних дней. В груди настойчиво пекло, но не получалось определить почему. Из-за Кирилла? Или предстоящего вечера в кругу его семьи?

«Чувствую себя подростком, впрочем, я давно и не совершал ничего подобного...»

Она тоже не совершала ничего подобного.

Потому что не имела на это права.

Колодец, яблоня, шершавый забор, запах старого дома... Нет. Запах земли.

Откуда?

Овраг...

Она падает. Мелькают ветки и камни... А затем – серые глаза Егора. Он хватается ее за плечо и, как котенка, прижимает к себе, спасая от ссадин и всевозможных травм. Кто он?

Быстро вытащив из сумки планшет и карандаш, Леся принялась рисовать овраг во второй раз. Ускользали детали, и это болезненно отзывалось в пальцах: будто тончайшие иголки кололи по очереди, на что-то намекая, но не настаивая. Клубок летит вниз. Двое. Она и Егор?..

«Нет. – Леся чуть вытянула руку, отдаляя планшет. Не она и не Егор. Два других человека. – Похоже, я все же не умею предсказывать судьбу. Какое счастье! – Бросив взгляд сначала на водителя, а затем на Василия Петровича, Леся осторожно улыбнулась, стараясь сохранить атмосферу уютного одиночества, царившую на заднем сиденье машины. – Нет ничего хуже, чем знать будущее, пусть завтрашний день всегда будет сюрпризом. Хорошим, конечно. Василий Петрович, не оборачивайтесь, не задавайте вопросов, я все равно не скажу правды».

Лесе показалось, что она забыла лицо Егора, а помнит лишь его руки и глаза (черты всегда рябили, уплывали, оставляя в душе досадливый непокой). И все же откуда он взялся? То есть... «Странные люди в странном месте. Иначе и быть не может там, где живет Василий Петрович Дюков». Решительно перевернув страницу, она принялась рисовать Егора и не остановилась, пока на белом листе не появилась высокая худая фигура, закрашенная черным. И лицо, вовсе не позабытое.

– Приехали, – довольным голосом объявил Василий Петрович. – Я с удовольствием подарю тебе самое лучшее платье, какое найдется. И учти, возражения не принимаются.

Леся подняла голову, посмотрела в окно и увидела роскошный магазин, сияющий золотом, стеклом и рекламой. Промолчав в ответ, она убрала планшет в сумку и открыла дверцу. Москва. Родной город с высокими домами, шумными улицами, парками, кафе, салонами, автобусами, троллейбусами, такси... Такое чувство, что она была здесь много лет назад и в другое время года. Может, шел снег или на асфальте лежала опавшая желтая и красная листва?

«Утятину меня заколдовало», – весело подумала Леся, и сразу захотелось оказаться в своей квартире, на кухне. Она представила, как покупает маленький бисквитный торт с заварным кремом, а затем кладет его на полку холодильника... Своего холодильника... Нажать бы кнопку чайника, сесть в уголочке и ждать, когда он наконец звякнет, приглашая за стол.

– Ты идешь или нет? – нетерпеливо спросил Василий Петрович, нарушив ход мыслей.

В магазине он сразу направился к вешалкам, на которых висели яркие длинные вечерние платья. Мгновенно очаровав девушку-консультанта, игнорируя возражения Леси, Василий Петрович после недолгих раздумий завалил примерочную красными и черными платьями, ассоциирующимися с лимузинами и алыми ковровыми дорожками.

– Нет, – в который раз твердо произнесла Леся, не представляя себя в образе светской львицы, сошедшей с обложки журнала.

– Ты же не собираешься выглядеть, как пыльная Золушка? – многозначительно приподняв брови-домики, спросил Василий Петрович. – В семье Кравчиков нужно блистать, иначе быстро сольешься с окружающей средой и прислужой. Ты не бедная родственница. И, кстати... – Он сделал продолжительную паузу. – Еще нужны туфли... Две пары. В одних ты пойдешь, а другие наденешь в доме. Не надо, не надо на меня так смотреть!

– Я всего лишь собираюсь в гости, – напомнила Леся. – Простое платье и подарок для мамы Кирилла – вот все, что нужно.

– Нашла о чем беспокоиться, – небрежно махнул рукой Василий Петрович. – Сойдет и коробка конфет. Важен не подарок, а внимание. Тебя этому тетка не учила?

Победа в затяжной битве около примерочной досталась все же Лесе. Выбрав темно-зеленое платье до колен (с треугольным вырезом,

широкими рукавами и волнистой юбкой), она твердо сказала: «Мне нравится это», – и бесстрашно встретила мрачный взгляд Дюкова. Его лицо не выражало ничего хорошего, глаза превратились в щелки и изучали ее с головы до ног придирчиво и долго. Решив держаться до последнего, Леся не шевелилась и сохраняла абсолютное спокойствие. На встречу с Кириллом она успевала, вряд ли в первой половине дня станут помехой дорожные пробки.

– Распусти волосы, – потребовал Василий Петрович, и время понеслось вспять... Совсем недавно ее просил об этом Егор.

– Я рыжая, не сомневайтесь, – улыбнулась она.

Усмехнувшись, он кивнул и неожиданно сдался, забыв о тех платьях, что выбирал сам.

– Туфли, конфеты, – подвел итог Василий Петрович и подмигнул Лесе.

* * *

«Многоуважаемая Ева. Надеюсь, Вы чувствуете себя гораздо лучше, и от ушиба не осталось даже воспоминаний. Буду рад увидеть Вас сегодня в семь часов на берегу реки. Глеб Андреевич Трофимов».

Еще никогда Глеб не старался писать так вдохновенно и красиво. Выводя каждую букву, он широко улыбался, представляя удивление Евы. Волны удовольствия то накатывали, то отступали, давая возможность обдумать следующую фразу. Записка короткая, но в подобных случаях предложения нужно оттачивать. Как стрелу.

– Да, вот такой я загадочный, – пропел он, складывая листок и отправляя его в конверт, «любезно» предоставленный бабкой Лизой. «Наверняка дело темное удумал, а меня в пособницы тянешь», – возмутилась она, выдвигая ящик комода. «Это всего лишь письмо, любимая Елизавета Ильинична», – беззаботным тоном утешил Глеб.

Самое простое – поймать какого-нибудь паренька и отправить его с конвертом к Кравчикам. Но проберется ли он к «спящей красавице», минуя мужа (возможно, ревнивого) и других членов семьи?

«Или сходить самому...» – мелькнула шальная мысль, и Глеб ухватился за нее, ловя уже знакомый азарт. Развалившись на стуле, вытянув ноги, он закрыл глаза и представил Еву в своих объятиях.

Горячую, смущенную, позволяющую абсолютно все. Пожалуй, он бы раздел ее быстро, хотя можно и потянуть, помучить, распаяя сильнее...

– Еще немного, и я чокнусь в этой глуши. Елизавета Ильинична, а пойду-ка я прогуляюсь!

Поднявшись, сунув узкий конверт в задний карман джинсов, Глеб вышел на улицу и направился к дому Кравчиков. Неизвестность бодрила, шаг пружинил, образы улетали, выдвигая на первый план действительность. Кому, как не ему, наслаждаться каждой минутой и получать удовольствие? Впрочем, он себе ни в чем и не отказывает. Если бы не девчонка...

Дойдя до края деревни, не сбавляя скорости, Глеб прошел мимо сосен, ступил на дорожку, открыл калитку и направился к двери. Увидев звонок, надавил на кнопку, убрал руки за спину и изобразил на лице любовь ко всему живому и мертвому.

Спустя минуту дверь открыла полноватая седая женщина в серой униформе. Увидев незнакомца, она поправила очки и методично произнесла:

– Здравствуйте. Вы к кому?

– К Еве Кравчик.

– Как вас представить?

«Вопрос, конечно, не из легких... Лучший любовник планеты. Нет, нескромно... Чаровник и чародей. Тоже не очень, клинкой пахивает... Змей-искуситель. Э, я пошутил, готов искупить... лет через сто».

– Глеб Андреевич Трофимов.

Женщина пропустила его вперед, проводила в гостиную, напоминающую огромный зал, и указала на одно из кресел.

– Прошу вас, подождите здесь.

– С удовольствием. – Глеб лучезарно улыбнулся и огляделся. Однажды он уже побывал в этом доме, но только несколько иным образом... Проходил сквозь стены и двери, видел зажженные свечи на столе, камине... И еще видел женщину в ночной рубашке. Женщину по имени...

– Вы к кому? – раздался за спиной натянутый как тетива голос.

Глеб обернулся. «По крайней мере, вы сегодня одеты, Зоя Дмитриевна».

– Добрый день, – бархатным тоном произнес Глеб, – я хотел увидеть Еву. Вчера она упала во время пробежки. Честно говоря, я чувствую свою вину и пришел справиться о ее здоровье.

* * *

В присутствии посторонних Зофия Дмитриевна предпочитала кофе. Тонкий аромат наполняет пространство и создает иллюзию гостеприимства при любых обстоятельствах. Нельзя пренебрегать мелочами, и, безусловно, важно оставить о себе желаемое впечатление. Глядя на Глеба Трофимова, Зофия Дмитриевна испытывала те смешанные чувства, которые иногда бывают у зрелой женщины в обществе харизматичного мужчины намного младше ее.

– Так значит, это вы напугали мою дочь? – сдержанно улыбнувшись, она сделала глоток кофе и задержала вопросительный взгляд на госте.

– Да, каюсь. Тоже вышел на пробежку, хотел обогнать, но все испортил. – Глеб, извиняясь, развел руками, затем положил ложку сахара в свою чашку, размешал и откинулся на мягкую спинку уютного кресла. Он четко знал, как вести себя с хозяйкой дома: в подобных случаях нужны особые светские приемы и пленительная сдержанность. От напряжения у Глеба даже ныла спина, но роль выбрана, и обратной дороги нет. «Видела бы меня сейчас бабка Лиза. А то ж не верит в силу мужского обаяния, сомневается старушенция». – Я нахожу прекрасным тот факт, что спорт стал занимать гораздо больше места в нашей жизни. Растет здоровое поколение.

– Я увлечена йогой, – призналась Зофия Дмитриевна. – Тишина и концентрация мне подходят. А вот и Ева. – Она повернула голову к лестнице и посмотрела на дочь. – Мы заждались тебя, дорогая.

Глеб, демонстрируя «чудеса воспитания», поднялся и без тени иронии произнес:

– Добрый день. Рад вас видеть.

«Каким ветром тебя сюда принесло?! – вспыхнуло в глазах Евы. – Что это вообще значит?»

– Глеб Андреевич пришел тебя навестить. Мы успели с ним обсудить многое. – Зофия Дмитриевна плавно опустила руку на подлокотник кресла. – Оказывается, он архитектор. Рядом с Осинками будут строить коттеджный поселок. Давно пора, место живописное, и неподалеку есть источник. Полагаю, желающих поселиться в наших краях будет предостаточно.

Нагромождая гору красивого вранья, Глеб очень кстати вспомнил об Осинках – попался на глаза указатель, когда пришлось съездить за одеждой попримличнее. Собственно, уже можно было праздновать победу, встреча с Зофией Дмитриевной – большая удача: еще лучше, если на завтрашний званый вечер его пригласит сама виновница торжества.

«Пожалуй, я молодец, – мысленно похвалил себя Глеб. – Мне начинают нравиться многоходовые истории... Крошка, да, это я, твой спаситель».

– Добрый день, – холодно произнесла Ева и села на свободное кресло рядом с матерью. Появление «дорогого гостя» нарушило дневной сон, именно поэтому она задержалась. *Глеб Андреевич Трофимов*. Сначала Ева хотела попросить выставить «самодовольного нахала» за дверь, но потом передумала. Да и хотела ли? «Пришел... Что ж, посмотрим...» Однако равнодушие давалось нелегко, Ева хорошо помнила, как Глеб насмешливо улыбался на берегу, как пытался познакомиться, нагло чмокнул в щеку, подхватил и понес. И вчера вечером, и сегодня утром она возвращала эти моменты, придумывая колкие ответные фразы, раздражаясь, временами испытывая легкую головную боль... Слишком настойчивые мысли. Несколько раз Ева подходила к зеркалу и внимательно изучала то лицо, то идеальную фигуру. И все же... как он мог поцеловать ее, пусть и в щеку! – Так вы – архитектор? – приподняв правую бровь, спросила она.

– Да. Как ушиб?

– Нога практически не беспокоит.

– Отлично.

Ева не хромала, и это радовало. Если бы травма оказалась серьезной, то вряд ли бы его встретили хлебом-солью, да и планы покатались бы с грохотом вниз. «А щеки моей ненаглядной порозовели. Вижу, скучала... Не грусти, крошка, я уже здесь». Взгляды

встретились, и Глеб в глазах Евы прочитал то, что было нужно. Ей не все равно. Равнодушием тут и не пахнет.

– Тебе лучше позабыть пока о пробежках. – Зофия Дмитриевна побарабанила пальцами по подлокотнику кресла. – Торчащие коряги, конечно, являются полезными препятствиями, но беговая дорожка безопаснее. – Она улыбнулась. – И после травмы необходимо сделать продолжительный перерыв.

Зофия Дмитриевна распорядилась принести еще кофе и, пребывая в прекрасном расположении духа, рассказала, как в детстве увлекалась гимнастикой, но Ева слушала невнимательно. Ее гораздо больше интересовали «случайные» взгляды Глеба и свои дребезжащие чувства. «Я просто очень давно не общалась с... посторонними. Да, я буду называть его так. Он чужой, совершенно ненужный и неинтересный. Скорей бы ушел, к чему эта комедия? И зачем он строит из себя интеллигента? Я знаю, какой он на самом деле...»

– Обязательно приезжайте в Утятينو летом. Воздух прекрасен! Мне кажется, он становится густым от цветочных ароматов. – Зофия Дмитриевна посмотрела на Еву и театрально вздохнула. – Жаль, дети разъехались, но я надеюсь на внуков.

– Я с тобой абсолютно согласна, мама. Летом здесь великолепно.

– Вы давно живете в Утятине? – спросил Глеб.

– С юности, – ответила Зофия Дмитриевна и добавила: – Завтра у меня день рождения, но о возрасте говорить не будем. – Она засмеялась, продемонстрировав ровные белоснежные зубы. – Вся семья в сборе, чего еще желать.

«Так именно по этому поводу я и пришел, – мысленно усмехнулся Глеб. Разговор наконец-то свернул в нужную сторону, и осталось совсем немного. – Уверен, я смогу справиться с вашим мозгом, многоуважаемая Зофия Дмитриевна. Чем больше пороков, тем больше шансов».

– О возрасте не может быть и речи, – галантно произнес Глеб и сосредоточился, концентрируя внимание на гладком лбу хозяйки дома. «Пригласи меня. Сейчас», – сформулировал он желание и приготовился услышать ответ.

– Я бы хотела... – начала Зофия Дмитриевна и замолчала, коснувшись пальцами виска.

– Мама, все в порядке? – спросила Ева и посмотрела на Глеба. «Вам лучше уйти, вы достаточно испытывали мое терпение. Наше терпение».

– Да. – Она кивнула, вновь выпрямила спину и дежурно улыбнулась. – Сегодня душно, наверное, завтра будет дождь. Не хотелось бы.

– Уверен, дождь не сможет испортить вам праздник.

«Недооцени-и-ил... – мысленно протянул Глеб с досадой. – Нужно четче, жестче и ярче. Зофия Дмитриевна Кравчик, без сомнения, женщина сильная и требует особых стараний и усилий. Да, мои красавицы? Недооценил...» Глеб сосредоточился и улыбнулся в ответ. В его глазах вспыхнул и погас голубой огонь, губы дрогнули, по лицу пронеслась тень.

– Я бы хотела пригласить вас на свой день рождения, – легко произнесла Зофия Дмитриевна, точно собиралась сказать это давным-давно. – Надеюсь, Глеб Андреевич, вечер вам понравится. Со мной и Евой вы уже знакомы, еще приедут наши ближайшие родственники и друзья. Нам будет о чем поговорить.

– Огромное спасибо за приглашение, непременно буду, – ответил Глеб, наблюдая за тем, как меняется выражение лица Евы. Ее удивление достигло наивысшей степени, однако ничего изменить она не могла. – Во сколько торжество? Мне не хотелось бы опаздывать.

– В пять. Начнем с шампанского.

– Замечательно, – Глеб поймал испепеляющий взгляд Евы и продолжил специально для нее: – Буду рад нашей новой встрече. А сегодня, пожалуй, я прогуляюсь к реке. Говорят, здесь хорошая рыбалка.

– Да, – подтвердила Зофия Дмитриевна, – мои сыновья часто рыбачат, когда приезжают в Утятино.

Покинув дом Кравчиков через полчаса, Глеб порвал письмо, написанное Еве, смял клочки и сунул их в карман джинсов. Не пригодилось. Он сделал и сказал все, что требовалось.

«Жду тебя на берегу... Придешь, никуда не денешься. Должна же ты рассказать мне о том, какой я отвратительный тип. Негодяй. Скотина. Подлец. И так далее, и тому подобное. Да, жду тебя, моя горячо любимая Ева, с нетерпением».

Глава 12

После поездки в Москву Леся чувствовала тягучую усталость. Оплатив платье, туфли, клатч и колготки, Василий Петрович бросил прощальный взгляд на отдел нижнего белья, сморщил нос, протянул загадочное: «Живы будем, не помрем», – и, находясь в перевозбужденном состоянии, отвез Лесю в сказочный магазин шоколада, где они и выбрали подарок для Зофии Дмитриевны. Но сколько было потрачено времени... Сначала Василий Петрович ходил от прилавка к прилавку, затем метался, выбирая то одно, то другое, и наконец купил красивую коробку с конфетами ручной работы. Коробка была изготовлена в форме книги и уже сама по себе являлась произведением искусства. «Подойдет, подойдет... – бормотал Василий Петрович, расплачиваясь. – Это формальность, чего уж стараться...»

– «Важен не подарок, а внимание», – не удержавшись, напомнила Леся слова, которые дядя говорил совсем недавно.

– Знаю, – буркнул Василий Петрович и небрежно сунул коробку под мышку. Леся представила, как трюфели переворачиваются, теряют обсыпку, и коротко вздохнула. Не зря все родственники считают Дюкова странным.

В Утятино они вернулись к трем. Быстро справившись с салатом, выпив чай, Леся переоделась и направилась в сторону дома Кравчиков. Василий Петрович, уже не прячась, провожал ее, устроившись на балконе в кресле-качалке. К обеду перепады настроения у него прекратились, и теперь он пребывал в задумчивом состоянии, будто непрерывно выстраивал мысли в ряд и пытался выделить и запомнить самые важные. «Веди себя прилично, – благословил он на дорожку и насмешливо добавил: – То есть держи фасон!»

Леся долго чувствовала взгляд Дюкова, пока березы и старая разросшаяся сирень не скрыли ее из виду.

«Я научусь его понимать. Но... хватит ли на это времени? Вот как он относится к Кравчикам? Вроде плохо. И при этом делает все, чтобы у меня с ними завязались хорошие отношения. Такое чувство, будто я иду по тонкому льду... и он треснет, обязательно треснет: по гладкой полупрозрачной поверхности побегут тончайшие серые дорожки, они пересекутся, переплетутся, разлетятся в стороны... Или виной всему

богатое воображение? – Леся улыбнулась. – И еще почему-то кажется, что Василий Петрович знает, в каком месте лед треснет, но молчит. То ли чего-то ждет, то ли хочет посмотреть, как я буду тонуть и кричать: «Спасите, помогите!» Он займет место на берегу и станет повторять, щурясь: «Выплывет или не выплывет, выплывет или не выплывет?..» Такое вполне возможно».

Леся развеселилась, представляя эту картину. Душа вновь заскучала по бумаге и карандашу, уже виделись заснеженные просторы, зубастая дыра на поверхности реки, брызги, летящие в разные стороны, руки и голова, торчащие из воды... Карикатурно, в черно-белом варианте. И Василий Петрович на берегу. С вытянутой от любопытства шеей, кустистыми бровями и взъерошенными волосами... «Выплывет или не выплывет, выплывет или не выплывет?..»

– Выплыву, – пообещала Леся. – Обязательно.

Разве она не приняла вызов еще тогда, в первый день знакомства с дядей?

Кирилл, точно часовой, стоял у сосны, и это было приятно. Но сожаление все же коснулось сердца и ручейком побежало по телу. Она не пришла первой. Не испытала долгие минуты ожидания, помноженные на волнение и радость. Сейчас эти эмоции казались особенно нужными и важными, они бы стерли и первую половину дня, и задумчивый взгляд Василия Петровича. Тревожно. А значит, нужно срочно самостоятельно исправить настроение, шагнуть на правильную тропинку и не оглядываться назад.

– Привет, – улыбнулся Кирилл.

– Привет, – ответила Леся.

– Чем занималась?

– Покупала платье для завтрашнего вечера.

– Ого! И как успехи?

– Я нашла то, что искала.

– Значит, тебе здорово повезло. Полдня на платье... Для некоторых женщин это поистине мировой рекорд. – Засмеявшись, Леся подошла ближе, и Кирилл сразу взял ее за руку и сжал пальцы. Заглянул в глаза и добавил: – Какое счастье, что здесь живут лесные феи, еще немного, и я переосмыслю собственную жизнь.

Леся впервые видела Кирилла в пиджаке. Пусть небрежно надетом на футболку, да еще джинсы, но все же. Перед ней стоял взрослый мужчина, а она об этом немножко забыла. «Мы из разных миров и вот встретились... Почему?» – пролетела и погасла быстрая мысль. Кирилл смотрел на Лесю внимательно, тепло и не собирался отпускать.

– Куда пойдём сегодня?

– На речку. У воды прохладно, но я взял пиджак, чтобы тебя согреть. Как видишь, я все продумал, коварство – мой конек. И не говори потом, что я тебя не предупреждал. – Он подмигнул ей и потянул за собой.

– Речка – тоже достопримечательность?

– Бесспорно! Даже не представляешь, сколько рыбы в ней водится.

– Много?

– Ну-у-у, – произнес Кирилл с иронией, – честно говоря, мало. Зато ловить ее – сплошное удовольствие. К сожалению, сегодня не смогу побыть с тобой долго, обещал помочь маме. Даже если она устраивает скромное торжество, оно так или иначе превращается в нечто помпезное. А куда лучше просто посидеть с бутылочкой хорошего вина и парой закусок. Не находишь?

– Нахожу, – легко согласилась Леся, вспоминая свои дни рождения, четко спланированные тетей Сашей. Когда «ветренная Зинка» подарила ей на шестнадцатилетие тушь для ресниц и пудру, случился настоящий скандал. «Но как же так... ты должна была подарить хороший вместительный пенал и циркуль. Мы договаривались, – сверяясь со списком, выдохнула тетя Саша и мрачно сдвинула брови, – а это что?» Но Зинка закатила глаза к потолку и голосом революционерки, не сомневающейся в скорой кончине от рук врагов, с отчаянием выпалила: «Да пропади пропадом ваша занудная канцелярия! Девчонке замуж скоро, а вы все мешки для сменки и толковые словари дарите! Олеська, спасайся, беги от них, чтоб только пятки сверкали!» Это был бунт. Катастрофа. И в душе всплеск невероятного счастья. Тогда Леся на пару секунд закрыла глаза и побежала: босиком по акварельной траве, торопливо дорисовывая справа и слева ромашки и березы, раскрашивая небо голубым, облака – бледно-розовым... И в тот момент никто бы не смог у нее отобрать

запретную тушь и недозволенную пудру, так крепко Леся никогда еще ничего не держала. Она и пользоваться-то косметикой не собиралась, но иногда куда важнее обладать. Знать, что это у тебя есть, и, когда захочется, можно достать, открыть, рассмотреть, вдохнуть ненавязчивый аромат... После того дня рождения тетя Саша не разговаривала с Зиной полгода.

– Давай как-нибудь сходим на рыбалку. Червяков не боишься?

– Не-а, – мотнула головой Леся. – Мне приходилось рыбачить. Двоюродный дядя по папиной линии возил меня на озера. Правда, давно... Но я помню, как мы прикармливали рыб: кидали в воду кукурузную кашу и потом в шесть утра мерзли в резиновой лодке. Было здорово!

– Что-нибудь поймали?

– Щуку. Одну. – Леся засмеялась и честно призналась: – Совсем маленькую.

– Нет, ты все же плохой рыбак: не умеешь хвастаться уловом. Запомни, не важно, что ты поймала, главное – сказать всем, что на твой крючок попался как минимум кит.

На мостике Кирилл отпустил ее руку и облокотился о перила. Воды неторопливой речки двигались от деревни дальше к лесу, унося с собой ветки, травинки, прошлогоднюю листву. Настойчиво пахло тиной, и это отчего-то ассоциировалось с пробудившейся весной и чем-то далеким, из детства...

– Летом вода будет чище, – сказал Кирилл, разворачиваясь к Лесе. – У берега обычно видно дно, мы с братом часто ловили мальков мелкой сеткой. Вон у тех зарослей. – Он кивнул в сторону кустов, завалившихся набок. – Каждый раз я хочу побыстрее вернуться в Москву, но никогда не жалею о том, что приезжал в Утятино. А теперь... – Кирилл помолчал, подошел ближе и коснулся щеки Леси. – А теперь я думаю, а не остаться ли мне подольше? Я о тебе ничего не знаю, а хотел бы узнать...

Показалось, будто она слышит биение собственного сердца, но не от того, что Кирилл так близко и взгляды встретились, слились, переполняя душу уже знакомым непокоем, а потому что остановилось время...

Он хочет ее поцеловать? Сейчас? И есть необъяснимое право выбора... да или нет...

– Я пока сама не знаю, сколько здесь пробуду, – улыбнулась Леся и повернулась к воде, потеряв тепло руки Кирилла. Разочарование и даже злость на себя заставили сжать губы, но утраченного мгновения уже нельзя было вернуть, его унесло течением реки за поворот, к другим берегам... Положив руку на шершавые перила, сделав несколько шагов, под настойчивый скрип досок под ногами Леся улыбнулась: «Пусть так», – затем посмотрела на Кирилла, мысленно дорисовала ему темный плащ, шляпу и сказала: – Я бы хотела написать твой портрет, именно здесь, на мосту. Согласен? Но тебе придется простоять не шевелясь минимум пять часов.

– Сколько?!

– Шучу. – Леся звонко засмеялась, прогоняя неловкость, развернулась и подошла к Кириллу. На его лице застыло удовольствие, будто лесная фея, которую он однажды встретил, оказалась именно такой, как он и мечтал.

– Вообще, я готов отдежурить на мосту, если нужно. Но мне жаль тратить столько времени напрасно... Подозреваю, нас будут разделять метры, а это никуда не годится. Давай лучше сядем где-нибудь рядом, и ты нарисуешь меня в профиль. Обещаю не шевелиться, не дышать и вообще не подавать признаков жизни. – Кирилл усмехнулся и весело добавил: – Вру, конечно. Честно говоря, чем дальше, тем сложнее оставаться джентльменом. Но не беспокойся, у меня железная сила воли.

Леся выдержала его горячий взгляд. «У меня тоже железная сила воли, – мысленно произнесла она, дорисовывая к плащу и шляпе шпагу. – Нет... не выходит... – Леся мгновенно стерла шпагу. – Ты какой-то другой герой... Но какой?»

* * *

Кирилл плеснул виски в тяжелый широкий стакан, чуть помедлил, сделал глоток и посмотрел на часы. Пройдя вдоль стола туда и обратно, он провел ладонью по лицу и попытался унять рябь воспоминаний. Кажется, он превращается в малолетнего юнца, которому до дрожи в коленях хочется испытать новые ощущения.

– Удивительно. – Кирилл поднял стакан, будто собирался поприветствовать невидимого собеседника, и сделал еще один торопливый глоток. Он не терпел, когда виски наливали в бокалы: мужской напиток требует толстого стекла и продолжительной прохлады, способной утешить любую жажду. – А-а-а... – протянул он, чувствуя, как в груди разгорается, а не утихает огонь. – Откуда ты взялась? Откуда! – И произнес гораздо тише, почти шепотом: – Она другая...

– Уже разговариваешь сам с собой?

Кирилл резко развернулся и увидел в дверях Егора.

– Почему бы и нет? Все лучше, чем общение с Евой и ее вампиром.

– Что-то случилось?

– Да. Во-первых, я влюбился. А во-вторых... И во-вторых, я влюбился тоже! Черт тебя дери! Как ты можешь ходить с такой кислой физиономией, когда жизнь прекрасна, а на дворе весна?! – Кирилл стукнул стаканом по столу, и виски волной бросило сначала вправо, а затем влево.

– Весна близится к концу, – ровно произнес Егор, взял чашку, подошел к кофемашине и нажал кнопку. В ответ раздался приглушенный гул и нетерпеливое шипение пара. – До лета остались считанные дни.

Кирилл не ответил. Прихватив с полосатой керамической тарелки шоколадное печенье, он покинул кухню и направился к лестнице. Ему не хватило времени, проведенного с Олесей. «Но сыновний долг зовет, и тут ничего не поделаешь...» Однако всегда можно найти поводы для утешения. Пожалуй, в перетаскивании стульев есть своя прелесть, точно попадаешь в далекое прошлое: прямоком в гости к беспечности, любопытству, большим и маленьким шалостям.

Тогда, много лет назад, подобные торжества вызывали восторг. Дети, ожидая десертов, прятались под столами и подслушивали, о чем говорят взрослые. Иногда хватали кого-нибудь за ногу, и это считалось одним из самых смелых поступков. «К сожалению, сейчас я на такое уже не способен, а было бы забавно».

Олеся... Они прогулялись по берегу и уже традиционно обошли вокруг поля. Теперь Кирилл знал, что у Леси нет родителей, ее воспитывали родственники. Вероятно, поэтому она увлеклась

рисованием – выдуманный мир часто является спасением от не слишком доброй реальности. Но ко всему прочему у лесной феи есть талант, он видел, с какой легкостью и точностью фантазии ложатся на бумагу, выделяя главное, пряча мелкое.

– Мама, я здесь и готов выполнять самые сложные поручения. Только не заставляй расставлять цветы, – зайдя в библиотеку, весело произнес Кирилл. – Тебе все равно потом придется исправлять «безвкусицу». В прошлый раз ты именно так охарактеризовала мои жалкие флористические способности. Но... сначала я бы хотел поговорить с тобой. – Он нарочно выдержал паузу, подошел к книжным полкам, повернулся к ним спиной и с иронией добавил: – Кажется, пухлый Амур отыскал дорогу в Утятино. Все как ты и просила. Я встретил прекрасную девушку и... – Кирилл чуть подался вперед. – Только не ругайся, я пригласил ее на твой день рождения. – Выпрямившись, он наслаждался удивлением матери, плюхнулся на свободное кресло и положил ногу на ногу.

Зофия Дмитриевна медленно отправила книгу на журнальный столик, покачала головой и с усмешкой спросила:

– И где ты ее встретил? Надеюсь, она не пастушка, а то вдруг тебя потянуло на экзотику... Лучше предупреди заранее, это поможет мне избежать сердечного приступа.

– Мама, она художница, – с укором ответил Кирилл. – Олеся. Мы познакомились неподалеку. Она рисовала наш дом, а я...

– А ты после расставания с Вероникой рыскал по округе в поисках новой прекрасной жертвы.

– Боюсь спросить, что ты сейчас читаешь. Триллер? – Он засмеялся, ловя на себе неизменно любящий взгляд. – Вообще-то я совершенно ни при чем, разве не вы с Евой вчера за завтраком посылали в небо запросы относительно моего скорейшего счастья? Может, я встретил ту единственную и неповторимую, которую...

– ...которую бросишь через месяц, – закончила фразу Зофия Дмитриевна.

– Вовсе нет, – коротко ответил Кирилл. – Иногда наступает день, когда жизнь меняется целиком и полностью. И главное – узнать этот день, не пропустить его и не спутать с другими, менее важными. Наверное, подобные слова тебе кажутся пафосными, но именно такие мысли и чувства сейчас крепко застряли во мне.

– А что сегодня читал ты? Притчи и философские трактаты? – Зофия Дмитриевна вопросительно приподняла правую бровь и улыбнулась. Тяжелые серьги, усыпанные аметистами, дрогнули, на шею упали и тут же исчезли два бледно-сиреневых блика. – Я так понимаю, выбора у меня нет, девушку ты уже пригласил. Что ж, я не против, посмотрим на твою художницу. Возможно, она произведет благоприятное впечатление, хотя сомнений слишком много. – Зофия Дмитриевна тяжело вздохнула, подчеркивая личную неустроенность сына. – Последнее время мне скучно... Кстати, завтра у нас будет еще один гость – Глеб Андреевич Трофимов. Я рассказывала тебе про падение Евы, он помог ей добраться до дома. Вполне приятный мужчина, я благодарна ему за чуткость. Не хотелось бы, чтобы он чувствовал себя неловко, пообщайся с ним немного при случае.

– Без проблем, – кивнул Кирилл и задумчиво перевел взгляд на потолок, искусно украшенный резными элементами по периметру библиотеки и вокруг большой круглой хрустальной люстры. Спаситель Евы интересовал мало, Кирилл представлял Олесю, входящую в гостиную. «Она заплетет волосы или распустит?.. Лучше бы распустила...» – Так с чего начнем? – прогнав зыбкий мираж, спросил он и посмотрел на мать. – Давай с мебели. Перетащим столы и достанем стулья. А цветами пусть займется Ева.

* * *

«...а сегодня я, пожалуй, прогуляюсь к реке, говорят, здесь хорошая рыбалка». Глеб сказал при Еве все, что хотел, этих слов вполне достаточно, чтобы ее душа задрожала от дарованного повода выяснить отношения. Он же собирается ловить не плотву, карасей и подлещиков, а «холодную селедку», сменившую против воли привычные воды райского озера на стремительный речной поток.

– Уж я постарался, – пытаюсь разобраться со старыми удочками в сарае бабки Лизы, довольно произнес Глеб. Лески давно перепутались, и самым правильным было бы сжечь скопившееся барахло, но на хорошем спектакле должны присутствовать не только актеры, но и декорации, а значит, придется повозиться и выбрать хоть что-то, способное подыграть. «Она придет. Не вытерпит... Потому что

искушения на дороге не валяются. А тут, можно сказать, с доставкой на дом».

Глеб совершенно не думал о муже Евы, будто его и не существовало. Вопрос – в какой географической точке Утятина получится обстоятельно согрешить – интересовал намного сильнее. «К бабке Лизе ее не приведешь... Хотя забавно было бы попрыгать на столетних перинах. У Кравчиков тоже не разгуляешься: доступ закрыт. На сеновале? Но где ж его взять... Май месяц! На берегу реки? Не-е, там аккуратную спортивную попку Евы застудить можно», – Глеб усмехнулся и наконец-то распутал более-менее подходящую удочку.

– Елизавета Ильинична! Где тут у вас дикие черви водятся?! Откормленные экологически чистым перегноем! – крикнул он, покинув сарай. – Поймаю вам на ужин жирного осетра, не сомневайтесь.

На берегу Глеб устроился неподалеку от моста, уж на этом козырном месте его не заметить невозможно. Поплавок вел себя странно, то клонился влево, то вправо, но чего ждать от раритета? Сделав глубокий вдох и выдох, Глеб дежурно глянул на небо и едко спросил: «Завидно, да?»

Погода стояла прекрасная, и в душе присутствовало только одно сожаление: «Сейчас бы бутылочку прохладного пива...»

– Ловись, рыбка, большая, маленькая и... аппетитная...

Глеб знал, Ева начнет свою обвинительную речь с гневных и оскорбительных фраз. Но не только оттого, что градус ее негодования превысил определенный уровень, а потому, что она, по сути, бессильна и безоружна перед ним. «Враг слишком хитер и коварен, – поглядывая на поплавок, похвалил себя Глеб. – Но, с другой стороны, я дам тебе то, о чем ты и не мечтала. Я подарю тебе воспоминание. Ну-у, с учетом нашего скорейшего расставания, оно будет, конечно... с налетом первоклассной трагедии».

– Надеюсь, помешала, – раздался за спиной резкий голос.

«А вот и малышка моя пришла и всю рыбку распугала. Не видать тебе осетра, бабка Лиза, ох, не видать».

Глеб не стал оборачиваться, и Ева не увидела его первую довольную улыбку.

– Добрый вечер, – произнес он и подергал удочкой, изображая наивысшую степень занятости.

– Я пришла сказать... Ваше появление в моем доме отвратительно! Я надеюсь, вам хватит ума не приходить завтра вечером. Я не желаю вас видеть!

Вот теперь, когда первые порывы ураганного ветра пронеслись, можно подняться и продолжить блистательное оболъщение, тем более что рыбка приплыла сама и далее не требуется никаких особых действий. Обернувшись, Глеб старательно ощупал взглядом Еву, отложил удочку и неторопливо поднялся.

– Ты прекрасна, – просто сказал он и наклонил голову набок. – Даже разгневанная ты прекрасна.

– Я не спрашиваю вас...

– А я и не отвечаю. Я самым банальным образом констатирую факт.

Глеб отметил, как хорошо Ева одета: джинсы обтягивали стройные ноги, ярко-красная вязаная туника с короткими рукавами и объемным воротником добавляла сочности и, пожалуй, дерзости. Так выглядит уверенная в себе женщина, готовая к бою. «Но крошка, я воевать с тобой не собираюсь. Наоборот, у меня самые мирные, я бы даже сказал – деликатные, намерения. И еще, знаешь что... не такая уж ты и отмороженная, как считает бабка Лиза. Вон как глаза горят, любо-дорого посмотреть!»

Прямые светлые волосы лежали на плечах, макияжа вроде бы и нет, но некоторые штрихи косметики угадываются. Глебу было интересно, усиленно ли готовилась Ева ко встрече с ним? Скорее всего, да.

– Я запрещаю вам приближаться ко мне и к моему дому, – ровно, но четко произнесла она и сжала кулаки.

– Не то что?

– Вы...

– Мы это уже обсуждали. Забыла? – Глеб улыбнулся. – Ранее мы подробно разобрали мою персону. Вдоль и поперек. – Он неторопливо подошел к Еве и заглянул в глаза. – Так что будет, если я завтра все же приду к вам в гости? Меня, между прочим, приглашали.

Ева, тяжело дыша, помолчала немного, а потом тихо произнесла:

– Я тебя убью.

Глеб коснулся ее запястья, наслаждался ощущением гладкой нежной кожи и спокойно ответил:

– Во-первых, это невозможно, а во-вторых, зачем?

Демонстративно убрав руку за спину, Ева вздернула подбородок и ледяным тоном ответила:

– Чтобы больше никогда не видеть тебя и не слышать.

– Как говорится, бойтесь своих желаний. Вполне может наступить день, когда ты потеряешь меня, вспомнишь эту томительную минуту и пожалеешь о сказанном.

– Я поняла... – Ева улыбнулась, приподняла тонкие брови и добавила: – Ты сумасшедший. Это многое объясняет.

– Извини, у меня клюет. Осетра на ужин ловлю для своей старушки. Не хотелось бы его упустить. – Ответно улыбнувшись, Глеб развернулся и вразвалочку направился к удочке. Спину жгло от испепеляющего взгляда. «Гнев тебе к лицу, дорогая. Но многое уже изменилось между нами, а ты и не заметила... Скучаешь, да? Пустячок, а приятно». Посмотрев на опять завалившийся набок поплавков, Глеб иронично произнес: – Ушла рыбешка-то. – И, глядя на небо, добавил: – Не дождалась меня, грешного.

* * *

Да, она пришла, чтобы высказать все. Ева сжала губы, резким движением убрала съехавшую на лицо прядь и решительно пошла к дому. Травмированная щиколотка ныла, но сейчас было совершенно не до нее – чувства, жужжащие, точно очумелые пчелы, ранили душу и доводили почти до исступления.

Ева потратила больше часа, уговаривая себя не идти на реку, но разумные доводы не победили в горячем споре. Волновались, подрагивая, вешалки в шкафу, рука тянулась к расческе, капучино оказался не таким горячим, как требовалось, да и может ли отвлечь кофе, когда «враг явился в дом». И только представить: завтра эта наглая физиономия своим самодовольством буквально осветит гостиную...

«Нет!»

Ева остановилась, прижала ладонь правой руки ко лбу и закрыла глаза. Шум деревьев сразу вышел на первый план, обжигающие мысли отхлынули. Как, оказывается, мало нужно, чтобы успокоиться, сердце

постепенно перестает бешено колотиться, ноги немеют, напряжение в позвоночнике тает... Ева медленно опустила руку и открыла глаза.

– Он прогнал меня? Нет, я ушла сама. – Она вновь поправила волосы и устремилась к дому более уверенно, глядя вперед. – Я ушла сама. Ясно?

С ума сойти, у нее никогда раньше не случалось подобных перепадов настроения, а теперь... Что с ней сделал этот... Всего за пару дней. Ева пошла быстрее оттого, что последующие рассуждения потянули ее в сторону правды, а к этому душа была совершенно не готова. Она думает о Глебе, слишком много и часто. Почти каждая его фраза застрекает в голове, и нет способа перечеркнуть ее или стереть. «Наваждение какое-то». И зачем нужно было столь тщательно подбирать одежду, наносить макияж?.. Зачем?! Какая разница, что подумает Глеб Андреевич Трофимов!

«Не поленился, притащился в дом... А мама тоже хороша, пригласила его на день рождения... – Ева подумала о спокойствии, всегда царившем в ее жизни, расправила плечи и коротко улыбнулась: – Ничего, выдержу. Можно не сомневаться, завтра Глеб непременно явится. Ну и пусть. Не буду обращать на него внимания, уверена, его это заденет».

Она представила, как гордо стоит около окна в прямом длинном красном платье, достигающем до пола. Царственная, бесподобная. В гостиную входит Глеб. Их взгляды встречаются и... «Интересно, он со всеми женщинами ведет себя так?» Сердце застучало чаще, Ева коротко вздохнула и подавила желание обернуться. Деревья давно скрыли берег реки и Глеба, но отчего-то захотелось убедиться в этом. Глупо. Она же знает каждый изгиб этой тропинки, каждое дерево.

Зайдя в дом, Ева быстро поднялась в свою комнату, переделалась, простояла около зеркала минут пять, а затем забралась с ногами на диван и посмотрела в сторону окна, вытаскивая из памяти каждую минуту, проведенную с Глебом Трофимовым. Как бы хотелось узнать, о чем он думал при первой встрече и сейчас... Откуда ощущение, будто он угадывает ее поступки и даже читает мысли? Ева покачала головой и замерла.

«Ничего удивительного, у него наверняка богатый жизненный опыт. Зачем я потащилась к реке... Лучше ежечасно убивать его

равнодушием... Я надену именно красное платье, оно мне особенно идет».

Ева прислушалась к себе и поняла: больше всего ей хочется, чтобы завтра на вечер не пришел совсем другой человек. Ее муж.

Глава 13

Несмотря на возраст, Зофия Дмитриевна любила утро дня рождения. Ей нравилось обходить дом, пока все спят, и вспоминать те события и чувства, которые когда-то тревожили или радовали душу. «Все к лучшему» – пожалуй, эту фразу она могла приложить к любому году своей жизни. Исключение – смерть мужа.

Много лет назад Зофия Дмитриевна покинула Польшу. Потеря матери, наследство и проблемы со здоровьем требовали перемен. Ей тогда было семнадцать.

– Семнадцать прекрасных лет, – тихо произнесла Зофия Дмитриевна и внимательно оглядела гостиную, выискивая какой-либо недочет. «Идеально. Да, Ева гораздо лучше расставляет цветы, Кирилл бы опять устроил из ваз парад войск. – Она мягко улыбнулась, думая о сыне, и перевела взгляд на часы. Семь. К двенадцати начнут подтягиваться гости. Сначала чаепитие, затем отдых после дороги, а уж там и до вечера рукой подать. Глеб Трофимов и неизвестная Олеся... Они придут позже, к торжественной части. Новые лица – это даже хорошо... Надеюсь, Кирилл понимает, что ничего общего у него с художницами быть не может. Ему просто скучно... Тридцать четыре года – прекрасный возраст для создания семьи. Кажется, он и сам к этому давно готов... Вот только где взять достойную кандидатуру на место жены? И как страшно ошибиться... – Зофия Дмитриевна коснулась кончиками пальцев белоснежного цветка орхидеи и мысленно добавила: – «Хочу, чтобы Кириллу повезло. Он заслуживает счастья, вот только в наше время девушки оставляют желать лучшего. Редко встретишь достойную семью, уделяющую достаточно времени воспитанию детей. То одно, то другое...»

Для вечера Зофия Дмитриевна выбрала платье с длинными рукавами из лилового панбархата. Без какого-либо воротника, с мягкими складками на длинной юбке. Последнее время нравилась роскошная простота, именно поэтому наряд должны были украсить длинные бусы из крупных жемчужин. Лет пять назад эти бусы ей подарил Кирилл. Она любила их брать в Москву, когда навещала знакомых, ходила в театр, выступала на благотворительных вечерах.

Но последние годы Зофия Дмитриевна выбиралась из Утятина все реже и реже, больше нравилось приглашать гостей к себе.

– Значит, Олеся... Посмотрим...

* * *

За что он любил тетю Фаю, так это за неугасаемый оптимизм и яркое чувство юмора. Когда Кириллу было лет тринадцать, она подсовывала ему деньги и обязательно добавляла: «На женщин, милок. Они всегда стоили дорого». Невысокая, чуть сгорбленная, с крючковатым носом, пышно взбитыми седыми волосами и выразительными карими глазами, тетя Фая походила не то на злую колдунью, не то на старую добрую фею. Внешность, манера держаться, острые фразы гармонично сливались, перечеркивая старость, так любившую глубокие морщины.

К вещам тетя Фая оставалась равнодушна, предпочитала балахонистые пестрые платья, безразмерные кофты, юбки и лаковые туфли на устойчивых квадратных каблуках. В такой одежде она обычно тонула, выглядела нелепо, точно летучая мышь, запутавшаяся в перепонках-крыльях. Кирилл был абсолютно уверен, что тетя Фая доживет до ста лет. Как минимум.

– Золотенькие мои, – громко произнесла она, подслеповато щурясь, торопливо шагая и шаркая привезенными с собой тапками. – Дорога скверная. Но пока мои кости не уложили на смертном одре в стройном порядке, я буду приезжать к вам, пить текилу и надоедать разговорами.

Кирилл раскинул руки, обнял старушку и почувствовал, какая она сухонькая и маленькая. Кажется, с каждым годом ее становится все меньше и меньше. Наверное, она и не умрет, а однажды попросту растворится в воздухе, и это будет правильно.

– Тетя, вы же знаете, как мы вам рады, – сдержанно улыбнулась Ева.

– Егорушка, ты все растешь? Где справедливость, скажите на милость? Я вниз, а он вверх!

– Тетя Фая, я давно уже не расту, – утешил Егор, наклоняясь и целуя старушку в морщинистую щеку.

К часу следом приехали Ковальские и Берковичи. Кирилл недолюбливал и тех и других, поэтому, обменявшись дежурными рукопожатиями, передал гостей имениннице, тем более что те привезли огромное количество подарков в больших фирменных пакетах. Зато Романа Григорьевича Мишулина и его жену, Ирину Сергеевну, он встречал радушно. Эта спокойная пара, когда-то очень дружившая с отцом Кирилла, не могла не вызывать уважения.

Хирург Лознер с женой, Иван Васильевич Поляков с сестрой Капитолиной, двоюродный брат Вениамин с великовозрастным сыном приехали ближе к трем.

Зофия Дмитриевна устроила грандиозное чаепитие с ароматными китайскими чаями, фруктовыми мини-пирожными, шоколадным муссом в крошечных креманках с глазированным печеньем и напомнила, что в пять часов ждет всех на шампанское.

– А потом, мои дорогие, ужин.

– Боюсь, если ты сейчас не накормишь меня отличным бифштексом, я умру гораздо раньше, чем собиралась, – ответила тетя Фая, не сомневаясь, что ее, в отличие от других, непременно угостят именно сейчас.

Когда все разошлись по гостевым комнатам, Ева вздохнула с облегчением и остановила на Кирилле вопросительный взгляд:

– Кофе?

– Да, пожалуй. Егор, ты с нами?

– Да.

– Кирилл, ты действительно пригласил свою новую девушку на вечер? – усмехнувшись, спросила Ева. – До чего же ты скор. Нет, это невозможно... Раньше, по крайней мере, ты не обращал внимания на деревенских простушек.

– Она художница. А в Утятине гостит у дяди. Я удовлетворил твоё любопытство? – Кирилл пропустил Еву вперед. – Кстати, я слышал, и к тебе гость пожалует. Ты поймала его на больную ногу? Нет предела женской изобретательности!

– Что? – Ева остановилась, развернулась и гневно посмотрела на Кирилла.

– Шучу. Я же знаю, как преданно и страстно ты любишь мужа. Не каждый день встретишь такую идиллию. – Он улыбнулся, заметив на щеках сестры румянец, и добавил: – Прошу тебя не цепляться к Олесе,

ей и так будет неловко среди незнакомых людей. Надеюсь, правила гостеприимства ты помнишь?

– Не надо меня воспитывать, – холодно ответила Ева и направилась в столовую быстрым шагом.

– Ты тоже считаешь, что у меня всего лишь мимолетное увлечение? – спросил Кирилл стоящего рядом Егора. И, не дожидаясь ответа, сам подвел итог: – Ничего вы не понимаете. Она самая лучшая. Я раньше таких не встречал. – Он пошел следом за Евой, раздумывая, чем ее задобрить: хочешь не хочешь, а мириться нужно.

– Мимолетное увлечение... – еле слышно произнес Егор. – Кажется, я знаю больше, чем ты, брат.

* * *

В костюме Глеб выглядел так, точно ему никогда не приходилось носить другой одежды. Казалось, он даже стал выше ростом и шире в плечах. Коротко стриженная борода теперь добавляла солидности и серьезности, белоснежная рубашка и темно-серый галстук в тонкую полоску удачно подчеркивали загар.

– Добрый молодец, да и только. Согласны, Елизавета Ильинична? Уж говорите правду, как есть. Обязуюсь выдержать даже самый суровый приговор.

Бабка Лиза бросила чистить картофель, подняла голову и хмыкнула: уголки губ дрогнули, на короткий миг образовав две глубокие морщины. Глеб уловил на ее лице еле заметную тень одобрения, но одно дело подумать, а другое – сказать. Елизавета Ильинична ни за что бы не стала его нахвалять, потому что воспитательный процесс еще никто не отменял. Да и видела она гораздо больше, чем другие. И не только видела, но и угадывала, чувствовала.

– Вырядился, как павлин. Ладно бы дело доброе на душе имел, а то ведь все тянет тебя на безобразия.

– Что плохого в том, чтобы поужинать с семейством Кравчиков? – хитро улыбаясь, спросил Глеб. – Они меня пригласили, не отказывать же добрым людям.

– Знаю я твои ужины.

– Конечно, вкусно меня не накормят. Разве что-нибудь может сравниться с вашими капустными пирогами и кулебяками? Нет и еще раз нет. – Глеб прошелся по сеним туда и обратно, развернулся, расстегнул пуговицы пиджака, сунул правую руку в карман. – Елизавета Ильинична, любимая моя, у вас вторая попытка: так как я выгляжу?

Бабка Лиза тяжело вздохнула, взяла следующую картофелину и коротко и емко ответила:

– Как греховодник бессовестный.

– Отлично, – широко улыбнулся Глеб, подавив острое желание подойти к Елизавете Ильиничне и обнять ее. Но это слишком большой риск даже для однажды умершего человека... Прибьет, не помилует. – Значит, вечер пройдет на славу. Аривидерчи. На этом покидаю вас, ибо меня ждет прекрасная, но холодная и не разбуженная настоящим мужчиной Ева Кравчик.

– Тьфу, – в который раз подытожила Елизавета Ильинична.

На подарок Глеб и не собирался тратить много сил, он все же не близкий друг или родственник. В данном случае вопрос скорее в вежливости, внимании, не более того. Да и что можно подарить человеку, у которого все есть? Правильно, книгу. Прикупив вместе с костюмом «Мастера и Маргариту» в подарочном издании, Глеб остался вполне доволен выбором и там же, в книжном магазине, упаковал бесценное и вечное в матовую шуршащую бумагу яркого красного цвета. Направляясь к дому Кравчиков, он нес увесистый подарок в левой руке, ритмично размахивая им, сдерживая улыбку. Мысленно Глеб продолжал разговор с Елизаветой Ильиничной, настроение было отличным, и осталось только засвидетельствовать неземную любовь Кирилла Кравчик и девчонки Олеси, и можно спать спокойно. Собственно, для этого он и раздобыл «билет на бал».

«Дорогая Небесная канцелярия, спешу сообщить, что задание, порученное мне, без пяти минут выполнено. Сводничество. Да, будем называть вещи своими именами... Долой ложную скромность! Конечно, конечно, любовь-морковь... дела амурские... все понятно. Но по сути это – элементарное сводничество. Во всяком случае, мне так приятнее думать. Даже не знаю почему. Возразить нечего? Я так и предполагал». Усмехнувшись, посчитав облака – раз, два, три, – Глеб

пошел быстрее. Перед глазами уже маячил образ Евы, и мысль: «Ладно, какой у нее там муж?..» – весело пролетела, не требуя ответа.

– Чувствую, вечер будет насыщенным, – произнес он, проходя мимо сосен.

* * *

За завтраком Василий Петрович был молчалив, лишь несколько мимолетных улыбок говорили о том, что он размышляет о чем-то приятном, а не пребывает в состоянии глубокой дремы. Леся съела кашу и сыр в тишине, не проронив ни слова, стараясь не обращать на себя внимания. Подобное поведение дяди казалось непривычным: поглощая любую пищу, он всегда походил на голодного зверя, наконец-то поймавшего лань. Но если Василий Петрович хочет помолчать и подумать, то это, бесспорно, его право.

Во время обеда картина изменилась на противоположную. Дядя с привычным аппетитом съел суп с осетриной, тщательно облизал ложку и наложил на тарелку столько мяса, салатов и закусок, что Леся поспорила сама с собой: съест или не съест. Василий Петрович остановился, когда на тарелке осталось меньше половины, устало вытер рот салфеткой, крикнул, откинулся на спинку стула, побарабанил пальцами по столу и неожиданно произнес:

– Скажу Сашке, что воспитала тебя хорошо. Сделаю приятное старушке.

– Тетя Саша совсем не старая, – нарочно возразила Леся, взяв вилку и нож.

– Давай спорь со мной, – довольно протянул Василий Петрович и похлопал себя по животу. – Кравчики, может, и занудные со своими трафаретными правилами, но, интуиция подсказывает, этот вечер ты запомнишь надолго. – Его глаза сверкнули, рука потянулась к стакану с морсом. – А что Кирилл?.. Надеюсь, он ведет себя как джентльмен?

– Да, – коротко ответила Леся, давая понять, что личную жизнь ей обсуждать не хочется. Хотя, нужно отдать должное Василию Петровичу, он проявлял сдержанность и не вмешивался в ее отношения с Кириллом. Тетя Саша завалила бы предостережениями,

советами, запретами, окружила бы всевозможными «нельзя» и «ни в коем случае» со всех сторон. От ее вторжения не было бы спасения.

«Честно говоря, чем дальше, тем сложнее оставаться джентльменом. Но не беспокойся, у меня железная сила воли», – вспомнились слова Кирилла, и Леся улыбнулась.

– Он взрослый парень. В таком возрасте хочется серьезных отношений, – произнес Василий Петрович и добавил: – Наверняка его мамаша уже требует внуков. – Кривая усмешка скользнула по лицу Дюкова, и он бросил на Лесю быстрый взгляд: – Молчишь? Не желаешь обсуждать? – Хлопнув ладонью по столу, он громко расхохотался. – Я знал, я знал, что ты такая! Обещай пойти к Кравчикам с распущенными волосами, пусть видят, какая ты красавица!

В его смехе и голосе было столько почти детского счастья, что Леся сразу кивнула. Шаловливая радость вспыхнула в душе и разлилась по телу, не оставляя места волнению. Даже самому маленькому. Будто уверенность и гордость Василия Петровича волшебным образом оградили ее от проблем внешнего мира. Теперь спутником по дороге к дому Кравчиков станет удивительное спокойствие, столь необходимое для знакомства с семьей Кирилла.

– Через час начну собираться.

– Благословляю тебя на великие подвиги, – торжественно произнес Василий Петрович и, бросив презрительный взгляд на морс, подхватил бокал красного вина.

На сборы Леся не потратила много времени, она практически не пользовалась косметикой, и лишь минута потребовалась на румяна и блеск для губ. Платье струилось по стройной фигуре, густые волосы рыжим облаком лежали на плечах, туфли добавляли пять сантиметров роста, сердце стучало бодро, устремляясь к новым впечатлениям и пока еще не до конца понятным чувствам.

– Хороша-а-а, – протянул Василий Петрович, встретив Лесю в гостиной. – Слишком бледная помада, но все равно хороша.

– Спасибо. – Леся мягко улыбнулась, взяла у дяди пакет со сменными туфлями и подарком, автоматически поправила волосы и поймала свое отражение в стеклянной дверце книжного шкафа. Пожалуй, так хорошо она никогда не выглядела. Это первое особенное

платье... «И вечер особенный». – Я пойду. Честно говоря, не знаю, когда вернусь.

– Ничего. Отдыхай, сколько нужно. Надеюсь, накормят тебя там сытно. А то все же ты слишком тощая, будто тебе десять лет одну вяленую воблу давали. А у Сашки небось дочурка – наливное яблочко. Не сомневаюсь. Так всегда бывает. – Василий Петрович широко улыбнулся, подался вперед и тише, точно по секрету, добавил: – В сказках бывает. Даже если мачеха добрая. А почему? А потому что против сиротской судьбины не попрешь. Вообще против судьбы не попрешь. Так-то вот. – Выпрямившись, он деловито похлопал Лесю по плечу. – Ступай, Золушка, на бал, принц заждался. А у меня кофе стынет.

Развернувшись, Василий Петрович поплыл к лестнице, из чего можно было сделать вывод, что сейчас он займет привычное место на балконе. Леся не сомневалась: цепкий взгляд дяди проводит ее, как всегда, до деревьев, и уж только потом Василий Петрович вспомнит о кофе. Мысленно уносясь на другой край деревни – к соснам, Кириллу и дому Кравчиков, – Леся направилась к двери.

– Ты вернешься очень скоро, – прошептал Василий Петрович, неторопливо поднимаясь по ступенькам, поглаживая эспаньолку. – Максимум через полчаса явишься. На погибель, как известно, много времени не требуется. Погибель – дело быстрое. Как же долго я ждал этого дня...

Глава 14

В любом незнакомом обществе Глеб чувствовал себя как рыба в воде. «Жаль, собрались одни стариканы, а то Еве пришлось бы поревновать. Уж я бы подразнил ее от души, голубку сизокрылую».

Выпив пару бокалов виски, обойдя гостиную по периметру, «налюбовавшись» картинами, которые наверняка имели баснословную цену, познакомившись с хирургом Лознером, поговорив с ним о вероятности жизни после смерти, Глеб уселся рядом с тетей Фаей и от души налил ей полный бокал шампанского.

– Благодарю покорно, – ласково произнесла она и сделала два смелых глотка.

«Везет мне на старушенций».

С первого взгляда было ясно, что Кравчики живут на широкую ногу и ни в чем не нуждаются, Глеб рассчитывал на отличный ужин с мясом и икрой. Соленья и пироги многоуважаемой Елизаветы Ильиничны, безусловно, вне конкуренции, но почему бы не порадовать себя изысканными блюдами на тарелочках с золотой каемочкой. Сейчас бы тартар из маринованного лосося с моцареллой и томатами или телятину с перечным соусом и овощами гриль.

«Обстановка на пять с плюсом. Такой домина – неделю убирать нужно... В лучшем случае».

Гостиная напоминала бальный зал, по одной из стен даже тянулись огромные зеркала в тяжелых узорчатых рамах. Всего было слишком: и царственных кресел, и красных бархатных ковров, и хрустальных люстр, и портьер с золотыми кистями, и блеска, и света. Но великолепие отчего-то навевало скуку.

– Живенько, как в музее, – резюмировал Глеб, барабаня пальцами по резному подлокотнику.

– Что вы сказали?

– Отличная музыка!

– Как вас зовут, молодой человек?

– Глеб!

– Не нужно кричать, я прекрасно слышу. А меня – Фаина Борисовна.

– Извините за крик, – щедро улыбнулся Глеб, придвигая свое кресло ближе к разомлевшей старушенции. – К вам он совершенно не относится. Я, знаете ли, временами бываю на стройке, я архитектор. И приходится орать так, что уши закладывает. Издержки профессии.

– Тогда я вас прощаю. – Тетя Фая кокетливо подмигнула Глебу и обмахнулась тонким глянцевым журналом с фотографиями знаменитостей на обложке. – А то некоторые, проявлю дипломатию и не стану называть имен, полагают, что у меня проблемы со слухом. А впрочем, что за тема. Чушь!

– Виновница торжества задерживается, и Ева тоже, – непринужденно произнес Глеб.

– Прихорашиваются, – ответила тетя Фая и поправила брошку-лилию на груди. – Я уже не занимаюсь этими глупостями давным-давно, жалко времени.

– Мне кажется, вам это и не нужно.

– Что вы сказали?

– Вам это совершенно не нужно!

– Лстец!

– Да, я такой. – Глеб кивнул и получил заслуженный взгляд обожания.

Благодаря тете Фае он уже через десять минут знал, что муж Евы – абсолютно непримечательная личность, «мутный образец помеси моли и богомола», что этой семье давно нужна «новая кровь, непременно горячая», что во времена молодости Фаины Борисовны «подарки не складывали бездушно на столик при входе, а дарили лично, непременно поцеловав именинника или именинницу в щеку». И когда в зале появился Юрий Григорьевич Алпатов, Глеб уже понимал, кто перед ним. Собственно, он для того и пришел на полчаса раньше, чтобы разведать обстановку.

– Ну и как он вам? – прошептала тетя Фая, подавшись вправо, сморщив покрытый пигментными пятнами нос. – Я бы, честно говоря, ни за что не легла с ним в постель.

– Признаться, – усмехнулся Глеб, – я бы тоже.

– Вы даже не представляете, какое счастье, что на этот раз он не привез свою вечно твякающую собачонку. Она ужасно невоспитанная. Постоянно ждет подачки со стола, путается под ногами... Два раза я чуть не упала из-за нее, а в моем возрасте такие рискованные

пилотажи категорически противопоказаны. Шейки бедра, знаете ли, на дороге не валяются, их беречь нужно. – Фаина Борисовна раздраженно хмыкнула и дернула плечом. – Избалованное животное. А вот Алпатов ее обожает, сажает на колени и кормит, приговаривая ласковые слова. *«Красавица моя, как ты провела день без меня?»* Мне кажется, если бы он то же самое говорил своей жене, то у них бы давно появились дети. Да, дети рождаются не от слов, но все же... Не сомневайтесь, я еще помню, от чего они рождаются. Как же зовут его собачонку? – Фаина Борисовна сморщила лоб и возвела глаза к потолку. – Нет... Невозможно вспомнить! Имя дурацкое и слишком длинное. Говорят, хозяин и собака всегда похожи. Чушь, скажу я вам. Она, по крайней мере, живая, а он... – Фаина Борисовна многозначительно подняла брови, усмехнулась, откинулась на спинку кресла и вновь принялась обмахиваться журналом.

Алпатов производил удручающее впечатление. При общей худобе у него были не впалые, а обвисшие щеки, практически белая кожа и редкие рыжеватые волосы. Передвигался он плавно, чуть притормаживая, не демонстрируя никаких эмоций. Лицо напоминало маску угрюмого мима, презирующего всех, не умеющего наслаждаться жизнью.

«Брак по расчету», – бегущей строкой пронеслось в голове Глеба, и он резко поднялся с кресла и прошел в угол гостиной, чтобы иметь лучший обзор. Не то чтобы не любили бледных и рыжих (о, еще как их могли любить!), но Ева была слеплена из другого теста. Она вышла бы замуж за подобного мужчину только ради его солидного многообещающего достатка и роскошной жизни.

«И можно не сомневаться, ее мамаша здесь тоже постаралась. Пристроила дочурку в «хорошие» руки. Хорошая женщина».

Алпатов подплыл сначала к Кириллу, обменялся с ним парой фраз, затем направился к гостям, стоящим около окна. Ему явно хотелось влиться в политическую дискуссию и обозначить свое мнение по ряду вопросов. Застегнув пуговицы темно-серого пиджака, одернув его, Юрий Григорьевич заговорил неторопливо с оттенком важности, выделяя некоторые слова интонацией. Гости закивали, уважительно относясь к его точке зрения.

«Наверняка любит поумничать и скучен, как выстиранный чек. – Глеб скривился и, мгновенно потеряв интерес к мужу Евы, перевел

взгляд на Кирилла. – Ждешь Олеську? Молодец. Давай, страдай хорошенько, зря я, что ли, сердце тебе дырявил. И лучше бы ты сегодня прижал ее уже где-нибудь. Слышишь? Я в тебя верю!»

Существовала большая вероятность того, что девчонка не понравится Зофии Дмитриевне, а значит, нужно ее подстраховать. Особо колдовать сейчас не хочется, лучше бы подкопить силы, вдруг еще пригодятся, а вот отвлечь внимание на себя, если понадобится, отвести разговор в сторону... Это без проблем, всегда пожалуйста.

Глеб подошел к другому окну и стал тихо насвистывать бодрую незатейливую мелодию, соответствующую настроению. Теперь Кирилл находился точно напротив, следить «за ходом пьесы» стало удобнее – обзор, как в партере театра! И декорации что надо.

«Так-так... главные герои подтягиваются... – Повернув голову вправо, Глеб увидел хозяйку дома и Еву, спускающихся по лестнице. Мать и дочь. Трудно понять, кто из них притягивает внимания больше: обе хороши, каждая по-своему. – Ну, Олеська, держись, у нас с тобой сегодня экзамен еще тот. – Глеб широко улыбнулся и почувствовал острое желание выпить и закусить. Азарт уже бежал по венам, обещая отличный вечер и массу занимательных воспоминаний. – Не отступать и не сдаваться. Надеюсь, Дюков тебя приодел, а то у Зофии Дмитриевны как минимум глаз дергаться начнет, если ты явишься в джинсах. Впрочем, на это я бы тоже посмотрел с превеликой радостью. Небесная канцелярия, – Глеб посмотрел на люстру, – мы стараемся. «Один за всех, и все за одного». И не мешало бы меня поощрить, так сказать, как главного стратега и тактика, Амура всех времен и народов, да чтоб... Короче, двухнедельный отпуск меня вполне устроит. Я вообще не понимаю, почему мне постоянно приходится клянчить честно заслуженный отдых?»

Зофия Дмитриевна источала безусловный аристократизм. Лиловое платье струилось до пола, подчеркивая стройность фигуры, стирая возраст, крупный жемчуг отвечал за торжественность, волосы, уложенные волнами, собранные на затылке в пучок, короновали образ и добавляли штрих ретровечности. Женщина без возраста: из прошлого, настоящего или будущего?

Красное платье Евы... «Малышка, ты призываешь меня к себе? Зачем же так откровенно, да я и так без ума от тебя!» Глеб автоматически похлопал себя по ноге и посмотрел на Алпатова так,

точно у того за последнюю минуту уже могли вырасти большие ветвистые рога.

Юрий Григорьевич на жену не глядел, он что-то говорил полноватому мужчине, опустив голову и покачиваясь на пятках.

«Сочувствую, – усмехнулся Глеб, улавливая ароматы всевозможных блюд. С появлением хозяйки начали накрывать на стол, голод мгновенно дал о себе знать коротким урчанием в животе. – Да, дорогие товарищи, жрать уже очень хочется».

Зофия Дмитриевна с Евой обошли гостиную, обменялись фразами с друзьями и родственниками и неторопливо выпили по бокалу шампанского в обществе ухоженной брюнетки, постоянно поправляющей прическу. Ева демонстративно не поворачивалась в сторону Глеба, видимо, пытаясь тем самым сказать: «Ты для меня не существуешь», – но по сути это означало совсем другое. В сторону мужа она тоже не смотрела.

«Ох, как же тебе не все равно, как не все равно... – мысленно протянул Глеб, сдерживая улыбку. Он мог голову отдать на отсечение, что Ева думает именно о нем и сейчас ее сердце разрывают весьма порочные страсти. – Прекрасные, обжигающие, запретные. Список можно продолжать бесконечно. Все идет по плану... по моему плану».

Оставив брюнетку, Зофия Дмитриевна направилась в сторону Глеба, Ева помедлила и все же пошла вслед за матерью, чуть вздернув подбородок. Равнодушие давалось ей все труднее, в движениях угадывалась дрожь, лицо несколько побледнело, губы сжались. Но эти еле уловимые мелочи мог угадать только тот, кто сделал слишком много, чтобы нарушить душевный покой «холодной селедки», Евы Кравчик.

– Глеб Андреевич... А впрочем, я буду обращаться к вам по имени. Добрый вечер, Глеб. Рада вас видеть. – Зофия Дмитриевна радушно улыбнулась, ее карие глаза блеснули, ресницы тут же опустились и вспорхнули. Она знала, что выглядит бесподобно, и уж точно не на пятьдесят пять лет, и в этот день победа над возрастом была особенно приятна.

– Добрый вечер, Зофия Дмитриевна. Добрый вечер, Ева. Выглядите божественно. – Глеб отступил на шаг и развел руками, демонстрируя двойное восхищение.

– Выглядим как обычно, – коротко ответила Ева.

– Благодарю, – улыбнулась Зофия Дмитриевна, принимая комплимент.

– От души поздравляю вас с днем рождения. Счастье всегда актуально, поэтому в первую очередь пожелаю его. И, пожалуй, не будем забывать о прекрасных моментах любви...

– О, что вы! Это уже не ко мне. – Зофия Дмитриевна засмеялась и добавила, махнув рукой: – Знаете, любви мне уже давно не желают. Подозреваю, боятся.

– Видимо, я здесь самый смелый. – Глеб широко улыбнулся, старательно очаровывая.

«Или самый наглый», – мгновенно вспыхнуло в глазах Евы. Демонстративно повернув голову к окну, сцепив руки перед собой, она изобразила скуку.

– Возможно. – Зофия Дмитриевна приподняла брови и оглядела зал. – Сколько подарков... целая гора. Я люблю распаковывать подарки утром, когда вроде все улеглось, но душа еще просит праздника. Мне нравится угадывать, кто и что подарил... Глеб, надеюсь, вам не скучно в новом обществе?

– Нет. Абсолютно. К тому же я уже познакомился с Валентином Сергеевичем Лознером, мы даже обсудили, есть ли жизнь после смерти. Меня всегда интересовало, что думают на этот счет врачи.

– И каково его мнение? – спросила Ева, разворачиваясь к Глебу. – Он рассказал вам про светлый коридор, который видят его пациенты в состоянии клинической смерти? – Усмешка коснулась ее красных губ.

– Представьте себе, нет. Лознер как раз уверен, что после кончины нас не ожидает ничего хорошего. Плохого, впрочем, тоже.

– А что думаете вы? – спросила Зофия Дмитриевна.

– Знаете, я не стал говорить ему правду. Зачем? Пусть будет сюрприз.

– Правду? – переспросила Ева. – Не хотите ли вы сказать, что точно знаете...

– Не хочу, – бесцеремонно перебил Глеб, ловя горячий взгляд, переполненный всевозможными чувствами. «Уже не селедка. Далеко не селедка...» – Всего лишь интуиция, но она меня никогда не подводит.

– Вы интересный собеседник. – Тонкие длинные пальцы Зофии Дмитриевны пробежались по жемчугу. – Я рада, что сегодня мы

собрались такой тесной компанией, душа отдыхает. Ждем еще одну гостью и садимся за стол. Мой повар готовит отлично, вы сможете убедиться в этом, Глеб.

– Не сомневаюсь. А что за гостья?

– Девушка моего старшего сына. Он познакомился с ней на днях и сильно увлекся, если, конечно, не иронизирует. – Зофия Дмитриевна покачала головой. – Забавно, не правда ли?

– Мне не терпится ее увидеть, мама. Какая-то художница... Разве можно познакомиться в Утятине с кем-то... нормальным. – Презрительно улыбнувшись, Ева посмотрела на Глеба, прежде всего этот камень был в его огород.

– Да, кстати. Глеб, немного позже я представлю вам своих сыновей. Старший – Кирилл, он стоит около первого зеркала. Как же он похож на отца... Такой же целеустремленный и сильный духом. И младший – Егор. Немного правее. В темно-синей рубашке, без галстука. Его совершенно невозможно уговорить надеть костюм. – Зофия Дмитриевна улыбнулась. – Они такие разные.

– Буду рад познакомиться.

Глеб держался спокойно, уверенно и с особым удовольствием контролировал разговор. Ему нравилось играть роль и осторожно наблюдать за Евой, которая явно чувствовала себя не в своей тарелке. При матери она не могла сказать всего, что думает, и скопившиеся фразы наверняка кололи сердце, требуя немедленного выхода на свободу. Тяжело держать в себе столько эмоций.

«А надо. Ничего, крошка, я найду возможность уединиться с тобой. Зачем нам мама? Не-е-ет, мама нам не нужна...»

Скользнув взглядом по залу, Глеб увидел Алпатова, приближающегося к ним. Юрий Григорьевич озабоченно морщил лоб, излишне размахивал руками при ходьбе и мысленно продолжал с кем-то спор – по лицу проносились тени, глаза бегали, на щеках появился румянец, не свойственный людям с такой бледной кожей. Ева напряглась и почти окаменела, готовясь к встрече Глеба с Алпатовым. Она не гордилась мужем, не уважала его, а в эту минуту еще и стыдилась...

«А вот и муженек тащится. Сейчас тебе придется продемонстрировать, как сильно ты его любишь. Ну, давай же, улыбнись своему ненаглядному, и мое сердце разорвется от горя на

большие и маленькие куски». Глеб нарочно сфокусировал взгляд на Еве, получая удовольствие от ее смятения и уже проклюнувшегося отчаяния.

Алпатов подошел неторопливо, встал рядом с Зофией Дмитриевной и сухо произнес несколько фраз, близких к комплиентам. Представив Глеба и Юрия Григорьевича друг другу, она бросила взгляд на настенные часы, затем на дверь и с иронией произнесла:

– Где же наша Золушка? Неужели опоздает на бал?

– Мама, еще пятнадцать минут. Думаю, мы увидим ее очень скоро, – ответила Ева и быстро посмотрела на Глеба, пытаясь понять, какое впечатление произвел на него Алпатов.

– Мы ждем кого-то еще? – осведомился Юрий Григорьевич. – Кажется, все в сборе.

– Девушку Кирилла, – ответила Зофия Дмитриевна. – Мой сын не изменяет себе даже в Утятине. – Она мягко улыбнулась и добавила: – Думаю, десерт не стоит подавать раньше девяти, предстоит слишком сытный ужин.

– Хм, на мой взгляд, ее не обязательно было приглашать. – Алпатов заложил руки за спину, качнулся на пятках и добавил ровно, но с долей важности: – Обстоятельства таковы, что я, к сожалению, вынужден уехать завтра утром. В последнее время слишком много желающих доверить мне свои капиталы. Впрочем, неудивительно, на рынке ценных бумаг предостаточно проныр и хитрых дельцов, никто не хочет рисковать. Дорогая, ты поедешь со мной или останешься?

А вот такого поворота Глеб не ожидал, он и не задумывался о том, сколько у него времени на обольщение Евы Кравчик. Дня три-четыре? Так этого более чем достаточно! Однако игра неожиданно осложняется... Но кого это расстроит? Азарта и адреналина мало не бывает.

– Вечная работа, – прокомментировала Зофия Дмитриевна, не вложив в слова никаких эмоций.

Глеб стоял рядом с Алпатовым и находился на линии взгляда Евы. Больше всего в этот момент ему хотелось сунуть руки в карманы и, подражая барабанам, выдать «па-ба-ба-ба!», но, увы, нужно было молчать. Ах, как он соскучился по таким моментам...

Что она ответит?

Согласится и тем самым воспользуется возможностью победить?
Или останется, не в силах отказаться от искушения?

Глеб видел, как тяжело Еве дается ответ, она медлила, стараясь смотреть при этом только на мужа. Но взгляд проходил сквозь Алпатова...

«Давай, крошка, срази меня наповал. Я буду аплодировать тебе, если согласишься уехать. Давай, удиви меня!» – Он нарочно смотрел на Еву пристально, подбрасывая дров в огонь ее сомнений. И мысленно подходил ближе, касался шеи, скользил ладонью вниз, опуская платье с плеча, обжигал шелковистую кожу горячим дыханием.

– Пока не знаю, – резко ответила она и, спохватившись, нарочно добавила почти ласково: – Я решу чуть позже. Устану я сегодня или нет – неизвестно...

Глеб улыбнулся, встретив гордый взгляд Евы.

«Я уеду», – говорил взгляд.

«Посмотрим», – отвечал он.

– Хорошо. – Алпатов развернулся и с важностью заложил руки за спину. – Я, пожалуй, пойду закончу разговор с Ковальским. Раньше он придерживался других взглядов, и мы приходили к единому мнению, но теперь... Меня огорчают некоторые его высказывания. – У Алпатова дернулась щека, он потянул головой вправо, затем выпрямился и решительно направился к зеркалам.

– А вот и художница, – раздался густой, несколько протяжный голос Зофии Дмитриевны. – Новая знакомая моего сына... – добавила она тише и наклонила голову набок, внимательно разглядывая гостью.

Глеб, мгновенно среагировав на слова, увидел в дверях Олесю. Она стояла спокойно, расправив плечи, держа в руках упакованный в синюю бумагу подарок. Рыжие волосы отлично сочетались с зеленым платьем, они лежали на плечах, завораживали и будто лучились необыкновенным оранжевым светом. Особенная. Из какого-то другого неведомого мира... Да, пожалуй, именно такое впечатление производила Олеся.

Аккуратно положив подарок на край столика, заваленного коробками и пакетами, она замерла, готовясь познакомиться с семьей Кравчиков и гостями.

«Постарался Дюков, – одобрил Глеб, мгновенно позабыв о Еве. – Нарядил как надо».

– Она рыжая, – раздался еле слышный шепот Зофии Дмитриевны.

Отчего-то эта фраза прозвучала как «Ее нужно отправить на костер».

* * *

Переодев туфли, Леся с любопытством огляделась. Хотелось уловить как можно больше деталей. Интересно, дома похожи только внешне или внутренне тоже? Какие цвета предпочитает Зофия Дмитриевна Кравчик и есть ли здесь приличная коллекция картин, как у Василия Петровича?

Проходя мимо зеркала, Леся посмотрела не на свое отражение, а на тяжелую раму, покрытую дорожкой дубовых бронзовых листьев, и на двух небольших, но грозных львов, украшающих углы сверху. Даже хорошо, что она не стала звонить и писать Кириллу, он ее не встречает, и есть возможность поймать каждый штрих интерьера, отдышаться и настроиться на особенный, странный вечер.

«Странный, потому что ничего похожего в моей жизни не было».

Леся прислушалась к себе и поняла, что не испытывает волнения: обстановка слишком увлекала, затрагивала тайные струны души и будто подталкивала вперед. Бархатные стулья в ряд, две большие вазы на подставках, распахнутые белые высокие двери, ковровая дорожка алого цвета...

– Как зайдете в гостиную, положите, пожалуйста, подарок на столик. Он будет с правой стороны, – раздался за спиной спокойный, вежливый голос женщины, впустившей Лесю в дом.

– Да, конечно. Спасибо!

Планировка дома Кравчиков не перекликалась с планировкой дома Дюкова, и это стало ясно почти сразу. Потолки были ощутимо выше, отсутствовали окно и небольшая ниша при входе, зато левее узкая витая лестница резко устремлялась вверх, заставляя поднять голову. Куда она вела? Возможно, в одну из башен. Леся, еще не увидев, почувствовала, что гостиная гораздо больше, чем у Василия

Петровича, наверняка когда-то она сократила другие комнаты или попросту перечеркнула их.

«Я попрошу Кирилла показать мне дом. Как тут все устроено?..»

Подойдя к дверям, Леся глубоко вдохнула, выдохнула, шагнула за порог и мгновенно попала в окружение теплого света роскошных люстр. Столик с подарками сразу привлек внимание пестротой, рука автоматически потянулась к нему, и уже через секунду коробка конфет лежала на крайнем бордовом свертке, перетянутом золотой лентой. Теперь можно знакомиться, слушать тихую струящуюся музыку, счастливо улыбаться и танцевать. Если Кирилл обещал танец, значит, он непременно пригласит, но только потом, когда торжественная часть закончится, все поужинают и начнется вторая половина вечера – непринужденная.

Гостиная поражала, и нужно было признать, что владения Василия Петровича уступали этому искрящемуся великолепию. Вот только как здесь жить? Наверное, нужно иметь определенный склад характера, чтобы чувствовать себя комфортно среди вычурных кресел с прямыми высокими спинками, огромных зеркал, тянущихся от потолка до пола, красных музейных диванов с изогнутыми золочеными подлокотниками и небольшими скульптурами, стоящими на круглых белых столиках почти между каждым окном. Невозможно представить, что такой дом есть в Утятине...

Сделав еще маленький шаг, Леся остановилась, ища Кирилла. Поймав внимательные взгляды присутствующих, она не смутилась и не занервничала. Раньше тетя Саша уже сажала ее на стул в центре комнаты, когда желала обсудить с родственниками дальнейшую жизнь «нашей несчастной сироты», так что определенный иммунитет в душе присутствовал.

«Да, я здесь новенькая, – мысленно улыбнулась Леся и убрала от лица непослушную прядь. – Кирилл, ты где? Меня срочно нужно спасать».

Она представила, как он идет к ней, пересекая гостиную, протягивает руку, и они касаются друг друга кончиками пальцев. Музыка становится громче, гости замирают, сердце начинает стучать быстрее, и...

«И в этот момент я говорю всем: пожалуйста, подождите немного, мне обязательно нужно вас нарисовать!»

Кирилл стоял около дальнего зеркала боком к двери. Безупречный костюм и белоснежная рубашка. Он выглядел удивительно естественно, свободно, будто всю жизнь проходил в строгой деловой одежде. Даже издали было видно, как тщательно начищены ботинки: они поблескивали, завершая стильный дорогой образ.

Леся собралась пойти к Кириллу, в груди даже вспыхнула золотистая искра нетерпения, но неведомая ледяная волна буквально врезалась в плечо и покрыла руку мурашками. Голова автоматически повернулась влево, туда, откуда веяло вселенским холодом, и Леся поймала взгляд немолодой красивой женщины в длинном темно-лиловом платье. Интуиция, задержав дыхание, издала глубокомысленное «м-м», сообщила, что это и есть хозяйка дома и мать Кирилла – Зофия Дмитриевна Кравчик.

«Как она похожа на Снежную королеву, вот только наряд не того цвета. Если б серебристо-белый...»

Рядом с ней стояла блондинка в красном платье, словно сошедшая с обложки глянцевого журнала. И еще – коренастый бородатый мужчина в темном костюме. Показалось, что он похож на голливудского актера, которому обычно доверяют роли отрицательных персонажей. Так смотрят, когда знают гораздо больше остальных, так расслабленно держатся, когда уверены в себе... Леся мысленно схватила карандаш, торопливо начертила зал, не слишком вдаваясь в подробности, а затем во все стороны стремительно потянулись тонкие четкие нити, соединяющие присутствующих. И одна нить, как ни странно, направилась от нее к этому мужчине, а вторая ушла вправо, теряясь между гостей.

– Добрый вечер, – раздался громкий ровный голос хозяйки дома. Сделав несколько шагов навстречу, она остановилась и сдержанно улыбнулась, но гостеприимством и добротой совершенно не повеяло. – Вы, как я полагаю, и есть та самая художница? – Выделив последнее слово так, будто в нем заключалось нечто неприличное, Зофия Дмитриевна вопросительно приподняла брови. Ни одной морщины не появилось на ее гладком лбу, у этой женщины их просто не существовало.

– Мама! Подожди, это же я должен знакомить! – крикнул Кирилл и быстрым шагом с улыбкой направился к Олесе. Он смотрел на нее с радостным удовольствием, шел торопливо, точно боялся опоздать. «*Не*

беспокойся, я буду рядом и смогу спасти от любых вопросов. Ты говорила, что хочешь пережить нечто новое, поверь, тебя ждет незабываемый вечер». И Кирилл смотрел так, будто еще раз хотел произнести эти слова, закрыть собой, заслонить, спрятать от любого холода, способного коснуться Леси. Он точно говорил: «Я хорошо знаю свою мать, держись, я с тобой». – Мама, это Олеся! Олеся, это моя мама – Зофия Дмитриевна. Ну, кажется с официальной частью я справился «на отлично». Как я рад тебя видеть.

Леся улыбнулась Кириллу, подошла ближе и смело произнесла:

– Зофия Дмитриевна, поздравляю вас с днем рождения. Огромного счастья! Пусть самые близкие, дорогие сердцу люди всегда будут рядом с вами. Мне кажется, это очень важно.

– Благодарю. Ты абсолютно права. – Зофия Дмитриевна выдержала паузу и добавила назидательным тоном: – Близкие люди значат много. Собственно, на них и держится наш личный мир. Я уже счастливая женщина, у меня есть дети и верные друзья. Далеко ходить не надо, они присутствуют здесь.

– Ты забыл представить меня. – Роскошная блондинка тоже сделала несколько шагов, остановилась и посмотрела на Лесю высокомерно, насмешливо и с явным любопытством. «Это что за маленькая букашка приползла в наш дом? Посмотрим, посмотрим...» – читалось на ее лице. – Я – сестра Кирилла. Ева. И конечно, мне безумно приятно познакомиться с новой подружкой старшего брата.

Фальшь и едкая ирония слетели с губ, упали на пол и беззвучно разбились вдребезги. Мысленно Леся нарисовала на паркете зубчатые треугольные осколки, покрытые мелкими трещинами, а рядом веник и совок, которые наверняка пригодятся, чтобы убрать мусор.

– Да, моя любимая сестра. – Кирилл оглянулся, выискивая кого-то среди гостей. – Ева, я надеюсь, ты не настолько голодна, чтобы съесть Олесю за ужином. Кстати, ты знала, что пираньи безопасны во время прилива? Будем надеяться, что сегодня именно такой день. Хотя я мог и перепутать...

– Кирилл, – с укором произнесла Зофия Дмитриевна, покачала головой и сменила тему разговора. – Олеся, я хочу познакомить тебя с интересным человеком. Он тоже у нас впервые, думаю, вам будет приятно побеседовать. Не люблю, когда гости скучают, и стараюсь не

давать им для этого ни малейшего повода. – Зофия Дмитриевна одарила Лесю улыбкой, точно хотела добавить: «Вот видишь, я могу быть с тобой доброй и милой, если, конечно, ты мне понравишься и окажешься достойной моего сына». – Глеб, можно вас на минуточку?

Бородатый мужчина в темном костюме кивнул, но подошел не сразу. Леся встретила его внимательный взгляд и уловила легкий непокой в груди, будто та самая нить, что соединяла их на воображаемом рисунке, значительно сократилась и натянулась в струну. Он сделал шаг, второй, третий, остановился и прищурился, затем неожиданно широко улыбнулся и протянул руку.

– Глеб. – Голос оказался приятным, с чуть заметной хрипотцой.

– Леся, – ответила она и тоже протянула руку. Тепло от прикосновения побежало к локтю, плечу и растворилось, будто выпорхнуло птицей к потолку. Леся поймала себя на мысли, что ей хочется разглядеть Глеба, угадать, сколько ему лет, откуда он. Зачем? Ответа на вопрос не было. – Очень приятно. – Леся опустила руку.

«Наверное, лет сорок... У него голубые глаза. Да, борода и голубые глаза. Почему он мне кажется каким-то... загадочным? Вот его бы я точно нарисовала. На облаке. С удочкой». Смешинка защекотала в носу, и Леся сжала губы, стараясь сохранить серьезность.

– Взаимно, – с естественной легкостью произнес Глеб.

– Пожалуй, принесу шампанского, – предложил Кирилл. – Надо же выпить за знакомство.

– Да, было бы неплохо. Такие прекрасные встречи случаются раз в сто лет. – Ева усмехнулась и многозначительно посмотрела сначала на Глеба, а затем на Олесю. – Определенно мне нужен бокал игристого.

– Будь так добр. – Зофия Дмитриевна улыбнулась сыну. – Глеб, вы можете?

– Конечно!

– Я могу взять поднос, – не находя проблемы, ответил Кирилл.

– Нет-нет, – добавил Глеб. – Я обязательно помогу, порадуем прекрасных дам вместе. – Одарив Еву волшебной улыбкой («Дорогая, я это делаю исключительно для тебя»), он направился вместе с Кириллом к столику с бокалами. Безусловно, Зофия Дмитриевна специально отправила мужчин за шампанским, ей хотелось задать Олесе несколько вопросов. Глеб это понимал и посчитал, что будет

лучше, если малышка пройдет определенную закалку. Выглядит она отлично, уверенно и стойко, спокойствию можно только позавидовать. «Держись, девчонка, вечер долгий, а своего любимого сыночка Зофия Дмитриевна так просто не отдаст. Интуиция подсказывает, что борьба будет суровой и в ход пойдут абсолютно все запретные приемы. Но не паникуй, я рядом. Вырвем твоего принца из крепких рук матери-королевы! Это я тебе обещаю».

Леся замерла, ожидая первого вопроса, – конечно, Зофии Дмитриевне захочется побольше о ней узнать. Кирилл если и рассказал что-то, то совсем немного. Как-то так получалось, что во время встреч они мало разговаривали друг о друге, больше рассуждали на разные темы, шутили, смеялись.

– Какими судьбами в Утятино? – нараспев поинтересовалась Ева.

– Я приехала в гости к родственнику.

– Одна?

– Да.

– И тут *совершенно случайно* встретила моего брата. Ах, как романтично. – Ева мечтательно возвела глаза к потолку, а затем посмотрела на Олесю и добавила: – Хорошее платье, тебе идет. – Ее лицо оставалось спокойным, без тени иронии, но глаза сияли, будто только что Ева получила приз за лучшую женскую роль.

Глава 15

Взгляд Зофии Дмитриевны, наполненный холодом и любопытством, скользнул вниз, затем взметнулся вверх и остановился на правом плече Леси, вернее – на волосах. Душа мгновенно уловила тревогу, но не свою – чужую. В воздухе появились нарисованные изогнутые вопросительные знаки, которые сначала поплыли к люстрам, затем, резко сменив курс, устремились вниз и закружились над полом, будто хотели опутать ноги. «Брысь отсюда!» – мысленно сказала им Лесья.

Зофия Дмитриевна отошла на несколько шагов, точно желала рассмотреть новое увлечение сына на расстоянии. Остановилась и спросила:

– К кому ты приехала? В каком доме живешь? Далеко от нас? Не собираюсь скрывать, мне бы хотелось знать о тебе как можно больше.

– Я приехала из Москвы к дяде. Он пригласил меня в гости.

– К дяде... – тихим эхом повторила Зофия Дмитриевна, и ее глаза превратились в щелки, щеки побледнели, и показалось, что дыхание стало более тяжелым. Правая рука поднялась и опустилась, оставив в воздухе невидимые круги недосказанности. Камень прыгает по воде, еле касаясь поверхности, и от него расходятся именно такие маленькие, но в то же время не имеющие границ кольца. Они расширяются, наступают и вот уже задевают песчаный берег...

– К Василию Петровичу Дюкову, – пояснила Лесья. – Он живет на другом конце деревни. Думаю, вы его знаете. Его дом очень похож на ваш.

Лицо Зофии Дмитриевны дрогнуло и на мгновение стало похожим на маску. Возраст, столь тщательно скрывааемый и гонимый, вдруг взял свое и начертил на лбу тонкую продолжительную морщину.

– Этого не может быть...

– Почему? – не поняла Лесья и тряхнула копной огненно-рыжих волос. «Вот же я стою. Недавно приехала».

– Этого не может быть, – повторила Зофия Дмитриевна тверже и, секунду помедлив, прижав руку к груди, неожиданно засмеялась. Сначала тихо, так, что подрагивали лишь плечи, а затем громче и громче, щедро добавляя резкие ноты торжества, превращая смех в

обжигающий льдом хохот. Если еще минуту назад Зофия Дмитриевна казалась неприятно шокированной, то теперь ее карие глаза сияли от колючего удовольствия, будто наконец-то она заполучила игрушку, в которую можно не только поиграть, но которую можно сломать, раздавить, превратить в пепел и развеять по ветру.

У Леся пересохло во рту, она вовсе не ожидала подобной реакции, инстинктивный страх подкатил к горлу и притормозил, давая возможность передышки. Белые жемчужные бусы больше не освежали образ Зофии Дмитриевны, они походили на тонкую напряженную змею, готовую резко устремиться вперед, к жертве.

«Рисуй!» – приказала себе Леся, и на полу мгновенно появился квадрат, часто спасающий при общении с родственниками. Линии и углы сделают свое дело. А она – в центре, практически недосыгаема.

– Дамы и господа! – громко произнесла Зофия Дмитриевна, привлекая всеобщее внимание. – Советую оставить светские разговоры на потом, иначе вы рискуете пропустить нечто куда более интересное. Сейчас на ваших глазах исполнится великое пророчество, которого мы долго ждали. – Она вновь засмеялась, наслаждаясь полученным вниманием. – Вот уж не думала, что мой день рождения окажется столь занимательным! Кирилл, это часть твоего подарка? Благодарю. – Она по-королевски махнула рукой и сделала маленький, но хищный шаг вперед. – Развлечений нам действительно не хватает, а тут такой сюрприз...

Кирилл уже подошел к ним и автоматически передал поднос с бокалами Глебу, на его лице отражалось недоумение, он пока не мог понять, что произошло в его отсутствие и о чем говорит мать. Леся встретила его вопросительный взгляд, но что можно ответить? Она и сама желала понять реакцию Зофии Дмитриевны. Понять и защититься. *«Поверь, ты еще не раз обвинишь меня в самых страшных грехах. Уж не откажешь себе в удовольствии. И я даже не стану возражать. Именно потому, что ничего хорошего во мне нет»*, – неожиданно пронеслись в голове слова Василия Петровича, и Леся уловила еле ощутимое предчувствие. Именно сейчас ее и ждет великое разочарование, неведомая правда, искривленное прошлое, ледяное настоящее и полыхающее будущее.

– Олеся... милая девочка... – с едкой улыбкой произнесла Зофия Дмитриевна и повернулась к сыну. – Ты знал, что она – племянница

Дюкова?

– Племянница? – Кирилл посмотрел сначала на мать, а затем на Лесю. – Нет, ну и что? – Он пожал плечами и усмехнулся, явно находя это забавным.

– Рыжеволосая родственница нашего многоуважаемого соседа, – выделяя каждое слово, произнесла Зофия Дмитриевна и смерила Лесю победным взглядом. – Дождался выживший из ума Дюков своего счастья! Или... быть может, ты актриса, нанятая за гроши на представление? Не удивлюсь, если это так.

– Я вас не понимаю, – ответила Леся, пожала плечами и еще раз посмотрела на Кирилла, надеясь получить хоть какое-то объяснение происходящему и столь необходимую поддержку. Он обещал ее защищать.

– Не верю, – твердо и четко произнесла Зофия Дмитриевна, протыкая взглядом насквозь. О, каким острым был этот взгляд! Сколько в нем поместилось ненависти, гнева и насмешки. – Честно говоря, не думала, что доживу до того величайшего дня, когда облака разойдутся в стороны, небо запылает всепожирающим огнем и грянет смертельный гром! – Она вновь засмеялась звонко и искренне, жемчужные бусы запрыгали, соглашаясь с каждым словом своей хозяйки. – Но не потому, что тороплюсь на тот свет. Нет, нет и еще раз нет. А потому, что все, связанное с выжившим из ума Дюковым и его покойной сумасшедшей теткой, – сущий бред! Впрочем, я явно преувеличиваю: гром мне не обещали, а вот рыжую девчонку – да. Дамы и господа, позвольте представить племянницу Василия Петровича Дюкова, которая наверняка окажется дешевой актрисой, но мы же не станем прерывать спектакль из-за наших подозрений. Зачем? Наоборот, получим максимальное удовлетворение от происходящего.

– Мама... – Кирилл сделал попытку остановить мать, но Зофия Дмитриевна лишь отправила ему тонкую улыбку, немного подняла руки и три раза методично хлопнула в ладоши, требуя абсолютной тишины. Но в зале уже было тихо, каждому хотелось узнать, что же произошло.

– Итак, моя дорогая, – Зофия Дмитриевна громко обратилась к Лесе, – самое время сказать правду.

– Я действительно племянница Василия Петровича и не понимаю, почему вы сомневаетесь в этом.

– Ах, милое, невинное создание! А впрочем, какая разница? Сюжет, собственно, прост. – Зофия Дмитриевна развернулась к гостям и, выделяя каждое слово, наполняя его едкой насмешкой, добавила: – Много лет назад тетка моего выжившего из ума соседа сотрясла Утятино страшным пророчеством. Кажется, бедной женщине приснился сон, и она потом лет десять рассказывала его на каждом углу, пока не отправилась в мир иной. О, эти сны! – Зофия Дмитриевна вновь засмеялась, наполняя пространство вокруг себя вселенским холодом. Лесе показалось, что еще секунда, и изо рта повалит пар. Слова... Они звенели хрусталем, льдом, стеклом и уже демонстрировали острые безжалостные края, способные нанести глубокие болезненные раны. – Не беспокойтесь, мой рассказ не займет много времени, эту историю знает каждая местная дворняга. – Зофия Дмитриевна посмотрела на Лесю, припечатывая и к ней ярлык беспородной бродяжки, а затем продолжила: – Итак, великое проклятье гласит, что однажды в Утятино явится рыжая девчонка, родственница Дюкова, и один из моих сыновей полюбит ее раз и навсегда. Какая мелодрама! – Губы Зофии Дмитриевны брезгливо скривились, в глазах вспыхнуло ядовитое презрение, способное стереть с лица земли любого врага. Но Леся устояла, она внимательно слушала, ждала продолжения, и именно это отвлекало и спасало ее. – А обещанная трагедия, мои дорогие, заключается в том, что любовь будет безответной, рыжая девчонка иссушит и погубит моего сына, он, несчастный, на долгие годы погрузится в пучину боли и страдания. – На этот раз Зофия Дмитриевна улыбнулась мягко, в эту минуту она походила на большую холеную кошку, которая трогает тяжелой лапой неподвижную мышь, проверяя, дышит та еще или нет. – Какая прелесть, не правда ли? – Смерив Лесю рентгеновским взглядом с головы до ног и обратно, прищурившись, Зофия Дмитриевна насмешливо спросила: – Ты уверена в своих силах, да? Что ж... проверим, хорошую ли актрису выбрал Дюков и справится ли она со своей судьбоносной ролью.

Леся впитывала каждое слово и уже не смотрела на Кирилла. Неимоверной силы злость поднималась в душе волной, замедляя дыхание, наполняя тело мелкой дрожью. «Он знал, куда меня отправлял... и знал, что так будет... как щепку, бросал в огонь и

ничуть не сожалел об этом... Почему?..» Ей не нужно было рисовать пламя, оно и так полыхало вокруг, подступая все ближе и ближе.

– Я не актриса, – ровно произнесла Леся, борясь с острым желанием сжать кулаки. Она чувствовала, как гости Кравчиков внимательно, с любопытством изучают ее, угадывала их легкую растерянность и естественное желание побыстрее узнать, чем же закончится яркое представление. Главные герои находятся близко друг к другу, воздух накален, трагедия (или комедия?) вроде и понятна, но... нет. Происходящее еще требует объяснения, нужны слова, зацепки, время... И нужен тот, кто сделает твердый шаг вперед, остановит действие, защитит.

– Итак, не будем затягивать концовку. – Зофия Дмитриевна театрально взмахнула рукой и одарила Лесю очередной смертоносной улыбкой. – Ну же, кто из моих сыновей не в силах прожить без тебя и дня? Кто страдает от неразделенной любви и собирается отчаянно погибнуть и дальше? Честно говоря, не терпится узнать.

Конечно, Зофия Дмитриевна обращалась к Кириллу, она требовала от него немедленного отречения и была абсолютно уверена, что любимый сын не разочарует. Вот он стоит – высокий, стройный, красивый, слегка удивленный, но по-прежнему уверенный в себе. На губах застыла полуулыбка, в темных глазах отражается многое: вопрос матери, готовый ответ и подрагивающий свет от больших роскошных люстр. Какая сила могла заставить такого мужчину обратить внимание на юную художницу, лесную фею, племянницу Василия Петровича Дюкова? Зофия Дмитриевна смотрела на сына, любовалась им и ожидала великую победу над прошлым.

– Мама, не нужно на меня так смотреть. – Кирилл поднял обе руки вверх, сдаваясь, покачал головой и, не глядя на Олесю, добавил: – Я вовсе не собираюсь становиться сказочным принцем и уж точно не поскачу на белом коне в сторону дома твоего ненормального соседа. Мама, в этой истории на меня не рассчитывай. Хорошего понемножку. И плохого тоже. – Он опустил руки, и зал оживился, точно наконец-то дали команду двигаться и разговаривать.

– Мои дни рождения не назовешь скучными, – с бархатным удовольствием подвела итог Зофия Дмитриевна и отправила усмешку в сторону «дешевой актрисы». – И чего только не бывает на свете... Но жизнь всегда расставляет все по своим местам.

«Да, вы правы, это так...» – пронеслось в голове Леси, и, борясь с окружившим ее одиночеством, она сцепила руки перед собой. Кирилл так и не посмотрел на нее, не протянул взгляд извинения, не нашел для нее ни слова, ни жеста, ни сострадания... Почему-то слышались аплодисменты, хотя их не было, никто не собирался кричать «Браво!» и требовать продолжения спектакля, но лампы сияли ярче, тяжелые шторы напоминали занавес, несуществующие скрипичные смычки поднимались и опускались в оркестровой яме. Яма... да, она будто образовалась на полу и начала стремительно расти, превращаясь в пропасть. Острозубые камни, изломанные временем корни деревьев, сухие комья глины, тонкие хлесткие ветки обозленных от отсутствия солнца кустарников – это ждет ее, стоит лишь подойти к краю...

– Я, – раздался громкий четкий голос, и справа картинка торопливо задвигалась.

– Что *ты*? – с долей недоумения спросила Зофия Дмитриевна, глядя мимо Кирилла.

– Ты спросила, кто из твоих сыновей не в силах прожить без этой девушки и дня, мама. Ты спросила, и я ответил. Этот человек – я.

Леся резко повернула голову и увидела Егора. «Но... откуда... почему ты здесь...» И только через несколько секунд, мысленно повторив его фразы, она споткнулась на слове «сыновей», задержала дыхание, расцепила руки и сжала кулаки. Краски закончились, карандаши затупились, на листе не осталось свободного места – в эту минуту Леся была готова признать, что теперь безоружна. Слишком много за один короткий вечер...

Егор был спокоен, его кожа оставалась бледной, тонкие губы не выдавали мыслей и чувств, и казалось, что взрывоопасный взгляд матери проходит сквозь него, не обжигая душу и сердце.

«Вам всем будет лучше без меня...» – подумала Леся, развернулась и побежала к выходу.

* * *

«Что за...»

Слова застряли в горле. Выпив залпом бокал шампанского, скривившись от пузырьков, ударивших в нос, Глеб прищурился и сжал

зубы. Поднос мешал, его хотелось не поставить на стол, а швырнуть на пол, да так, чтобы тот хорошенько загремел и все присутствующие содрогнулись и перестали пялиться в одну точку. Олеся убежала, а они все стояли и смотрели ей вслед, не в силах стереть с лица кривые растерянные улыбки. Впрочем, неподдельный интерес тоже.

«Рты пораскрывали, чтоб вам пусто было».

Дюков, Дюков...

«Старая паршивая скотина!»

Но гнев не задерживался на чокнутом родственнике девчонки, он рвался дальше, переплетаясь с более важными ощущениями и порывами. Глеб испытывал острое желание заорать, но такой роскоши позволить себе не мог, поэтому стоял неподвижно и задавался раскаленными докрасна вопросами.

Почему младший сын Зофии Дмитриевны поддержал Олесю?

«Не в него была отправлена гребаная стрела!»

Что-то упущено, утеряно, какая-то важная деталь мозаики ускользнула или... Или это просто благородный жест? Но в доме Кравчиков не пахнет благородством, здесь витают совсем другие запахи...

«Дерьмовые!»

Кирилл не защитил девчонку, хотя именно его сердце схлопотало ту самую стрелу, от которой невозможно отвертеться. При условии, конечно, что...

«...объект поддается внушению».

А Кирилл поддавался. Несколько дней назад, хорошенько формулируя приказ, Глеб даже почувствовал привычную пьянящую власть над человеком, а это стопроцентный знак: продолжай желать, и будет исполнено. Вот только почему-то результата нет. Казалось, победа близка – тили-тили тесто, жених и невеста...

«Что за фигня?..»

Резко подняв голову, Глеб уставился в потолок и почти сразу почувствовал легкую дрожь под ребрами, будто кто-то щекочет травинкой или пером. Настойчиво так...

Ответ пришел сразу, причем Глеб сам его отыскал в коридорах мыслей и чувств и на секунду изумился, насколько все просто, понятно, доступно и естественно. Нельзя... нельзя заставить одного человека полюбить другого. Невозможно. Ни при каких

обстоятельствах. Любая сила бесполезна, пуста, бездарна и неуместна, когда дело касается Ее Величества Любви.

Понравиться?

Да.

Расположить?

Вполне.

Соскучиться?

Пожалуйста.

Но не полюбить.

– Не-е-е-ет... – тихо простонал Глеб и зажмурился, пытаясь мужественно пережить правду.

Давным-давно...

На природе ей всегда становилось легче: в горле уже не першило так, будто она проглотила ложку свежемолотого черного перца и выпила стакан морской воды, глаза не слезились, насморк отступал, и не было необходимости носить с собой пять носовых платков и стеклянную бутылочку с мутными дурно пахнущими каплями. Можно подумать, они помогают! Нет и еще раз нет, но разве родителей убедишь? Они слушают врачей и точно следуют дурацким предписаниям, которым нет конца и края. Вот только если пыль больших городов для нее губительна, то хоть три литра микстуры выпей, хоть сто таблеток съешь – аллергия не отступит. Именно поэтому большую часть детства она провела неподалеку от Серпца, у бабушки, а душа рвалась в Варшаву – к родителям и друзьям, которые, впрочем, за месяцы разлуки успевали немного позабыть о своей болезненной, но в то же время стойкой подруге.

С наступлением холодов Зофия всегда возвращалась в родное гнездо с гордо поднятой головой, высокомерной улыбкой и аристократической бледностью. Несмотря на досадную аллергию и настойчивую худобу, она чувствовала себя чуть выше других и в своем положении находила лишь плюсы. Оставалось сожалеть лишь о том, что времена княжеских домов прошли, титулы остались только на бумаге и в современном мире особо не важно, кем являлись твои прапрадеды и прабабушки. Да, жаль, ее появления могли быть более заметными и даже интересными, впрочем, сплетен, зависти и торопливого шепота хватало и без того, но все же, все же...

Зофия обожала рассказы бабушки и матери о родовитых предках. Перебирая отобранные у прошлого старинные вещицы и пожелтевшие фотографии, она представляла себя то на коне, то на балу, то на прогулке в парке, среди зелени, рядом с белоснежными скамейками и небольшими прудами идеальной круглой формы. Но не романтизм будоражил воображение и выдвигал на передний план пестрые многообещающие картины, душа требовала значимости, без которой будущее казалось серым.

– Всегда помни, кто ты есть, и не разменивайся по мелочам, – любила повторять бабушка, хотя в этом не было необходимости, Зофия и без многочисленных советов чувствовала в себе силу и ничуть не сомневалась, что в ее венах течет голубая кровь. Как жаль, что время меняет многое. Или не время, а люди?.. Лучше об этом не думать: портится настроение. Но власть... Какая она? Зофия покусывала нижнюю губу и хмурилась. Повезло предкам, они знали ответ на этот вопрос.

Зофия подходила к зеркалу, долго изучала отражение и привычно отыскивала во внешности особенные черты, называя их благородными. Да, ей нравилось разглядывать себя, точно картину, написанную давно умершим художником.

* * *

На полпути Леся перешла на быстрый шаг, от бега сбилось дыхание, что мешало думать и складывать одно с другим. А впрочем, что тут сложишь?..

Она старалась не вспоминать о словах Кирилла, и это удавалось, потому что гнев, разрывавший душу, не менее четко рисовал профиль другого «героя» – Василия Петровича Дюкова. Он собирал ее «на бал», тщательно подыскивал платье, покупал подарок, провожал и напутствовал... И знал, что ее ждет впереди. Он сделал ее пешкой в своей мстительной игре, потирал руки и не задавался вопросом: а может, у этой хрупкой шахматной фигуры есть сердце, и оно потом будет болеть? Или даже разрываться на части. Почему она должна нести ответственность за то, что произошло много лет назад? Да и что произошло – непонятно! Пожалуй, с уверенностью можно сказать

только одно: Зофия Дмитриевна Кравчик ненавидит Василия Петровича Дюкова, и он ей платит той же монетой.

Странное предсказание.

Рыжие волосы...

Совпадение, вот и все.

Как же не хватает правды.

Мечь... Да, кажется, дело именно в ней, но кто виноват, кто совершил зло? Почему Зофия Дмитриевна рассказала только конец истории? Каким было начало?

Леся представила Дюкова, нетерпеливо расхаживающего по гостиной, постоянно поглядывающего то на часы, то на окно, прислушивающегося, не звучат ли легкие шаги его жертвы...

– Я не пешка, – прошептала Леся и так резко остановилась, что на короткий миг волосы волной закрыли лицо. – Нет, я не доставлю вам удовольствия...

Еще пару секунд назад она представляла, как влетит в дом Дюкова и потребует объяснений, как бросит в самодовольное лицо Василия Петровича отточенные фразы Зофии Дмитриевны и встретится с ним взглядом, и не даст возможности отвести глаз. Но сейчас все изменилось. Мгновенно.

Он ждет ее.

Нет, не ее... Душа Дюкова не болит о щепке, брошенной в огонь. Он ждет подробного рассказа о том, как она горела и с какой скоростью по округе распространялся запах гари и серый дым, от которого слезятся глаза и першит горло...

Теперь Леся шла медленно, успокаиваясь с каждым шагом и вдохом. Есть... есть наказание для Василия Петровича Дюкова, и это наказание – тишина.

Глава 16

Давным-давно...

– Мы уедем отсюда... уедем... Решено. Тебе нужен свежий воздух. И здесь все напоминает о ней... – Отец расхаживал по комнате, постоянно приглаживая бороду, наклоняя голову то вправо, то влево, будто это могло спасти от очередного приступа отчаяния и тоски. Зофия смотрела на него с сочувствием и волнением, ее любимый отец за последние полгода сильно исхудал и походил теперь на Дон Кихота, уставшего биться с ветряными мельницами. – Сначала Иринка, потом Алексей... Сейчас я понимаю, как мало заботился о них, не слышал, не видел, не чувствовал... Работа, работа, работа... Никогда не повторяй моих ошибок. Слышишь? Не повторяй! Цени того, кто рядом с тобой, люби его бесконечно! Обещаешь?

После смерти матери Зофия перестала строить планы на жизнь, будто чувствовала: скоро все изменится. Окончив школу, погрузившись в заботы об отце, она так и не подала никуда документы. Ей всего семнадцать. Успеется. Да и если затяжные аллергические приступы кашля не помешали проучиться десять лет, то и с остальными трудностями можно справиться. Безусловно, ее ждет блестящее будущее, потому что в роду Кравчиков нет места глупости и бедности.

– Да, обещаю.

– Алексей... А впрочем... – Отец махнул рукой, на несколько секунд закрыл глаза, покачал головой и издал тихий стон. – Разлучила нас судьба, разлетелись в разные стороны, точно искры от костра... братья, называется... – Он горько вздохнул, подошел к креслу, устало сел и немного помолчал, пытаясь справиться с нахлынувшим волнением. Отцу явно требовалось с кем-то поговорить, но Зофия понимала, что на роль равного собеседника не подходит. Нужен человек гораздо старше ее и мудрее. – Да, мы уедем... Меня давно зовут в Союз и предлагают хорошие условия, химики всегда были в цене, а я все же многого добился. Бедная моя Иринка, зачем же ты так рано ушла... – Взгляд отца стал тяжелее, брови сдвинулись, по лицу скользнула тень душевной боли, рот скривился в горькой усмешке. – Друзья-коллеги не поймут, и пусть, но нам необходимо начать новую

жизнь. Кто знает, Зофи, может, переезд улучшит твоё здоровье. Я надеюсь на это. Да, решено... Алексей, Алексей...

Дядю Зофия видела всего два раза, и случилось это лет пять-шесть назад. Брат отца вел богемный образ жизни в далекой Москве (так всегда говорила бабушка) и о родственниках в Варшаве вспоминал редко.

Родные братья, но абсолютно разные. Старший – ученый-химик, семьянин, серьезный, внимательный, строгий. Младший – художник-декоратор, предпочитающий свободу, подверженный перепадам настроения. Он то требовал внимания к своим экстравагантным поступкам (заваливал брата письмами), то прятался от всех в какой-нибудь глуши, вспыхивал и гас и, по сути, никогда не интересовался жизнью Кравчиков. Семейные корни уходили и в польскую, и в русскую земли, и каждый выбрал наиболее близкое душе место. Впрочем, Зофия знала: отец недолго размышлял и взвешивал, он хотел быть рядом со своей любимой Иринкой, и не имело значения, где строчить бесконечно длинные цепочки химических реакций. Зофии нравилось, что именно мама принадлежала к старинному польскому княжескому роду, отец бы не стал придавать этому столько значения. А мама и бабушка рассказывали так много... Дух захватывало, и гордость заставляла держать спину прямо и ни в коем случае не сутулиться.

– ...строил Алексей этот дом, строил... столько писал о нем! Ничего, мы справимся... Книги я заберу с собой обязательно. И фотографии. Нужно было раньше ехать. Да, нужно.

Дядю Алексея при Зофии обсуждали редко, поэтому она знала не так уж и много. Талантлив, хорошо устроился, работает со знаменитостями, чуть ли не в очередь к нему выстраиваются, чтобы помог придумать интерьер для дачи или квартиры. Дядя и для себя оформил загородный участок и вроде довольно быстро отстроил огромный дом, в котором проживал исключительно зимой в тихом одиночестве. Зофия знала, что у дяди случались головокружительные романы (в основном с актрисами), но он категорически не хотел создавать семью, а о детях вообще не думал. Зофия запомнила его энергичным, веселым, несколько бесцеремонным человеком. Казалось, дядя Алексей знает ответ на любой вопрос. Он говорил торопливо, эмоционально, будто боялся, что сейчас кто-нибудь войдет в комнату,

перебьет его и смысл сказанного навсегда уплывет в неизвестном направлении. Высокий, худой, длинноволосый. Острый нос и длинные ресницы... А еще, как оказалось, у него слабое сердце.

Дядя Алексей умер три недели назад, и это трагическое событие теперь меняло жизнь Зофии. Ей предстояло путешествие в другую страну, где наверняка пыль городов такая же въедливая, как и в Варшаве. Но все же...

«Я тоже хочу уехать, здесь больше нечего делать, а там... Там меня ждет что-то новое».

* * *

Бессонница простояла под дверью приблизительно до двух часов, душа подрагивала и требовала акварели. Полупрозрачной. Чтоб видеть и не видеть одновременно, догадываться и знать наверняка. Тишина вроде и убаюкивала, но, с другой стороны, позволяла погрузиться в случившееся с головой и хорошенько подумать. Как много шахматных фигур на поле... Да, лучше относиться к происходящему именно так, это поможет, отвлечет, даст столь необходимую передышку.

Вчера Леся осторожно прошла мимо гостиной, не сомневаясь, что Дюков ждет ее праведного гнева и мечтает узнать подробности. Однако он не догадывается, что «его пешка» делает ход конем, желая непременно устоять и не разувериться в справедливости.

Да, Леся прошмыгнула в свою комнату, плотно закрыла дверь и минут десять простояла неподвижно, вспоминая каждое слово Зофии Дмитриевны, молчание Кирилла и странный поступок Егора. Ее предали сразу два человека, а это, безусловно, много.

«...тетка выжившего из ума соседа сотрясла Утятину страшным пророчеством... однажды явится рыжая девчонка... что ж, проверим, хорошую ли актрису выбрал Дюков...»

– Я не актриса, – тихо сказала Леся уже себе и коснулась волос, будто рукой можно было почувствовать их цвет. – И я действительно рыжая.

Она неожиданно коротко улыбнулась, хотя сердце подрагивало и просило утешения. Но возможно, утешением и была эта правда, потому что Зофия Дмитриевна Кравчик сильно ошибалась.

Василий Петрович мог не дожидаться обязательного разговора за завтраком, и Леся долго прислушивалась, пытаясь уловить шорохи за дверью. Но – нет, к ее комнате никто не подходил, и даже создавалось впечатление, будто дом опустел, потому что Дюков покинул его вместе со служащими. Что ж, утро вечера мудренее...

Кирилл. Как хорошо они гуляли по деревне. А тот не состоявшийся поцелуй на речке... И портрет, который уже никогда не будет написан. Плащ, шляпа, шпага... Удивительно, она тогда угадала, что мушкетерский образ не дружит с этим мужчиной. Вот если плащ будет темный, как ночь... Леся старалась думать о Кирилле отстраненно, будто он – вымышленный персонаж, а не человек из плоти и крови. Неудавшиеся рисунки легко и удобно убирать в пыльную ненужную папку. Убирать и забывать. Получится ли так поступить с Кириллом?

«...у воды прохладно, но я взял пиджак, чтобы тебя согреть. Как видишь, я все продумал, коварство – мой конек. И не говори потом, что я тебя не предупреждал...»

– Да, предупреждал...

Стараясь беречь душу и не судить Кирилла, а лишь отодвигать его образ дальше и дальше, Леся испытывала острую потребность распахнуть окно и впустить в душу холод и ветер, чтобы заморозить и стереть воспоминания, перестать чувствовать себя игрушкой в опытных руках и вновь обрести ту жизненную радость и уверенность, которые всегда защищали ее от невзгод. «Какое счастье, что я не успела его полюбить, что бы я тогда делала? Наверное, все чаще выбирала бы темно-коричневую краску и перестала рисовать солнце...»

«...мама, я вовсе не собираюсь становиться сказочным принцем и уж точно не поскачу на белом коне в сторону дома твоего ненормального соседа...»

– Не скачи. Не вздумай скакать, – выпорхнули слова, и стало легче.

Направляясь утром в столовую, Леся держала спину прямо и почти не волновалась. Есть не хотелось, но она обязательно будет завтракать с аппетитом, спокойно, как и положено главной героине пророчества. «Я не разочарую вас, Василий Петрович, вы вложили в меня столько денег, было бы черной неблагодарностью не оправдать

ваших ожиданий. Вот только сильной я буду и с семьей Кравчиков, и с вами. Скажите честно, вы хорошо спали сегодня?»

Леся привыкла видеть Дюкова во главе стола, с удовольствием поглощающего все, что подано к завтраку, обеду или ужину. Но сейчас Василий Петрович стоял у окна спиной к двери, и оставалось только догадываться, какие настроения кружат в его дремучей душе.

«Раз, два, три...» – мысленно посчитала Леся и ровно произнесла:
– Доброе утро.

Фраза зазвенела, заискрилась в воздухе и стремительно понеслась к окну. Показалось, будто она врезалась в плечо Василия Петровича и даже прошла сквозь него. Резко развернувшись, так, что полы мрачно-серого халата вспорхнули, Дюков цепко посмотрел на Лесю. Он на миг застыл, но затем, сделав два больших шага, всплеснул руками и наиграно громко произнес:

– И где тебя носит?! Почему я должен есть в одиночестве? Так ты относишься к старому больному человеку, да? Не стыдно?

Не дожидаясь ответа, Василий Петрович решительно направился к столу. Подхватив бокал с водой, сделал большой глоток, вытер рот рукавом и сел на стул так, точно перед ним находилось пианино и срочно требовалось обрести сосредоточенность и вдохновение. Он не смотрел на Олесю – наоборот, подчеркнуто демонстрировал живейший интерес к лепешкам и омлету, но в каждом движении угадывались раздражение и напряженность, глаза сверкали, выдавая мысли и чувства.

Леся подозревала, что Василий Петрович долго в образе милого дяди не продержится, он сдастся первым, нужно только немного потерпеть...

– Доброе утро, – еле слышно повторила она, уверенно села напротив, взяла белый хлеб и намазала его сливочным маслом.

– Во сколько ты вчера пришла? Я рано лег и не дождался тебя.

– Не помню, я не смотрела на часы. Очень вкусный сыр...

Леся положила еще один кусочек на тарелку и поймала обжигающий взгляд Дюкова, понятный без слов: «Какую игру ты затеяла? Что вчера произошло? Рассказывай! Они наконец-то узнали, кто ты?.. Конечно, узнали! Но что было дальше? И почему ты молчишь?!» Леся могла ответить на каждый из этих вопросов, но все же Василий Петрович должен был их сначала задать. Безусловно, он

еще вчера ожидал скандала с обвинениями, а главное – подробностей, но героиня пророчества, вернувшись довольно быстро, молча прошла в свою комнату и закрыла дверь. Не обозначив ни одной претензии. И что теперь делать? Как вытащить из нее правду о случившемся? Или на дне рождения Зои Дмитриевны Кравчик ничего не произошло?

«Произошло, – Леся подняла голову. – И спать вчера вы легли поздно. И ко мне не ворвались с вопросами только потому, что гордыня не позволила сделать это. Или... страх?» Она удивилась собственной догадке. Боялся ли чего-нибудь Дюков? Быть может, ему было страшно от мысли, что катастрофа не разразилась и все старания оказались тщетными? И годы ожидания напрасны. Он же ждал... долго ждал.

Василий Петрович тоже оторвался от еды и поднял голову, их глаза встретились.

«Ты должна мне рассказать...»

«Чудесное утро, не правда ли?»

«Он познакомил тебя со своей матерью?!»

«После завтрака я, возможно, прогуляюсь».

«Говори!»

– Почему ты не рассказываешь о том, как ходила к Кравчикам? Я полагал, ты будешь трещать без умолку. Простыми соседями их не назовешь. – Василий Петрович улыбнулся и хитро прищурился, но сейчас он изображал непринужденность, и Леся это безошибочно читала по выражению лица. – Надеюсь, тебя хорошо и вкусно накормили. И не только кислым бигосом и жирной колбасой. – Василий Петрович засмеялся едко и искренне, но смех быстро оборвался, правая рука тяжело легла на стол рядом с тарелкой. Перед Лесей теперь был совсем другой человек – внимательный, хищный, желчный, и она автоматически отложила вилку, готовясь к битве. – Так почему ты ничего не рассказываешь о Кравчиках?

Взгляд Василия Петровича обжигал, и только теперь стало ясно, насколько тяжело ему давалась сдержанность. Он, конечно, знал, что Леся вернулась довольно быстро, и его раздражал тот факт, что многое пошло не по плану. Когда готовишься к буре, тяжело принять штиль, особенно если бурю творил собственными руками: заботливо и терпеливо выращивал, кормил, а затем благословил на дорожку. «Давай, круши, сметай все на своем пути!»

– Потому что вы ждете именно этого, – ответила Леся, не шевелясь. – А доставлять вам удовольствие мне не хочется.

Василий Петрович медленно поднялся, уперся ладонями в стол, подался вперед и превратился в ящера с зеленой кожей, желтыми глазами и острыми зубами-клыками. Напротив сидела самая обыкновенная рыжая девчонка, которая не собиралась превращаться в пешку и смела куда больше, чем позволялось. Или все же не обыкновенная?

– Не слишком ли ты многое себе позволяешь? – спросил он тихо, отчего слова прозвучали зловеще.

– Если вы и дальше будете так со мной разговаривать, я не стану отвечать на ваши вопросы и сегодня же уеду.

– Повтори...

– Полагаю, вы слышали каждое мое слово.

Леся не могла проиграть (а что терять?), теперь у нее есть право выбирать любую клетку поля: черную или белую. Выбираешь, шагаешь, и обратно дороги нет. И пусть тоже хочется многое узнать, но Дюков рискует гораздо больше. Главная героиня его тайной мести сядет в электричку, умчится в Москву, а затем исчезнет, растворится в вокзальной суете, и воспоминания наверняка перестанут ее терзать через пару-тройку недель.

Густые брови Василия Петровича подскочили на лоб, крупный нос дернулся, щеки порозовели, губы дрогнули и... медленно растянулись в улыбке. От ящера не осталось и следа, Леся сразу узнала прежнего сумасбродного дядю, абсолютно довольного жизнью, едко-ироничного и не опасного.

– Что ж... – Опустившись на стул, удобно устроившись, Василий Петрович теперь улыбнулся широко, закрыл глаза и победно произнес: – Так значит, все не напрасно. Я знал... знал... Если бы Кравчики не выставили тебя за дверь, это утро было бы совсем другим. Да и вечер тоже. Твое молчание лучше любых слов! – Открыв глаза, Дюков хлопнул рукой по краю стола и добавил, насмешливо глядя на Лесю: – Уверен, Сашка и не догадывается, кого воспитала, вернее – кого так и не смогла слепить по образу и подобию своему! Любая на твоём месте уже собирала бы чемоданы, рыдала или предъявляла мне тридцать три претензии. Но ты молчишь... – Дюков кивнул, точно хотел подчеркнуть последние слова. – Ладно уж,

откроем карты, я думаю, наш интерес в этой истории обоюдный, и у тебя не меньше вопросов, чем у меня. Твоя реакция говорит о том, что вчера дом Кравчиков содрогнулся от новости, кто ты и зачем пришла.

– Вы ошибаетесь, я пришла только затем, чтобы познакомиться с родственниками Кирилла.

– Это ты так думаешь, но помимо нас с тобой в этом деле участвует провидение. – Василий Петрович указал пальцем на потолок и хмыкнул. – Предлагаю сделку. Что может быть лучше старой доброй сделки, а? Когда каждый получает свою долю и остается совершенно доволен и счастлив! Даже враги частенько заключают союзы, желая получить выгоду, а мы с тобой вообще-то родня. Пусть дальняя, но кому интересны подобные мелочи? – Он небрежно махнул рукой и сморщился. – Судьба постаралась свести нас под одной крышей, как видишь, выбрала для этого день и час, так что перейдем к делу. Я хочу знать все. В ответ обещаю утолить твое любопытство. Сделка честная, не так ли?

Согласна?

Василий Петрович умело прятал нетерпение, но у Леси был большой опыт общения с родственниками, именно многочисленные дяди и тети выточили в ней наблюдательность. Да и художественный талант всегда помогал в трудную минуту. Сейчас не нужно было мысленно дорисовывать Дюкову черточки-морщинки и добавлять блеска глазам, это все присутствовало и так. Но напускная деловитость прятала не только вихрь всевозможных страстей, не дававших покоя душе, но и удовольствие, которое Василий Петрович испытывал в данный момент.

– Согласна.

Леся не услышала, а скорее почувствовала тихий вздох облегчения.

– Отлично, отлично. – Василий Петрович потер ладони, как заправский делец, и немедленно потребовал: – Рассказывай с самого начала, вот ты зашла в дом Кравчиков... Что было дальше? Ничего не пропускай! Слышишь? Ни одной секунды, ни одного ощущения, ни одного взгляда!

Помолчав немного, Леся приступила к выполнению своей части сделки. Выдавать чувства не хотелось, и она нарочно представляла случившееся сухо, будто читала доклад перед уставшей аудиторией.

Но «аудитория» не дремала, Василий Петрович живо реагировал на каждую фразу и резкими движениями требовал продолжения. То поднимал брови, то ерзал на стуле, то смотрел на Лесю восхищенно, то с удивлением и почти постоянно улыбался. *«Как зайдете в гостиную, положите, пожалуйста, подарок на столик... Вы, как я полагаю, и есть та самая художница?.. Этого не может быть... Развлечений нам действительно не хватает, а тут такой сюрприз... Что ж... проверим, хорошую ли актрису выбрал Дюков и справится ли она со своей судьбоносной ролью...»*

– Как смела она назвать тебя актрисой! – Василий Петрович подскочил, но сразу сел, боясь пропустить что-нибудь важное или сбить Лесю с мысли. – Да, да, сюрприз, моя дорогая... А как ты думала?.. – прошептал он, тщательно приглаживая эспаньолку, глядя в окно, будто там, за стеклом, находилась именно та женщина, к которой он обращался.

– ...я ушла, мое присутствие на этом ужине было явно лишним.

– Но Кирилл?!

Опыт общения с Василием Петровичем настойчиво советовал спрятать хотя бы один козырь в рукав, и Леся не стала говорить правду о Кирилле. Она лишь упомянула его несколько раз вскользь, делая основной акцент на главной героине – Зофии Дмитриевне.

– Он стоял вдалеке, нас разделяли метры, все случилось очень быстро и неожиданно.

– Актриса! Ну если это тебя утешит. Как?.. Как ты могла посчитать ее актрисой!?

Поступок Егора тоже остался тайной: чем меньше подробностей, тем лучше.

– Вам не стыдно? – спросила Леся, хотя торжество, сияющее на лице Дюкова, перечеркнуло вопрос почти мгновенно. Василий Петрович дирижировал невидимым оркестром и, похоже, вовсе не собирался смущаться или стесняться своего поступка.

– Я предлагаю позавтракать, – ответил он, торопливо придвигая тарелку к себе. – Конечно, все бессовестно остыло, но сейчас я готов съесть даже позавчерашнюю запеканку. Сразу пять порций! Стыдно ли мне? – Василий Петрович на миг замер. – Нет. Я рад и счастлив. И скажу больше: я заслужил эту радость и это счастье!

– Но вы...

– Бросил тебя на растерзание львам? Прикинулся заботливым дядюшкой? Да. И что? Мы можем посмотреть на ситуацию иначе. Благодаря мне ты теперь знаешь, что на свете есть не только добро, но и зло.

– Поверьте, я догадывалась об этом и раньше.

– Жаль. – Василий Петрович нахмурился и недовольно дернул плечом. – Не порть мне настроение!

– Вы расстраиваетесь оттого, что не успели первым познакомить меня с темными сторонами жизни и болью? – Леся сдержала улыбку, покачала головой и тихо вздохнула. Невозможно предъявить претензии тому, кто сознательно, с удовольствием добавляет в чистую воду черную краску, а потом берет самую толстую кисть и рисует, рисует, рисует... Акварель испачкана, каждая краска потеряла свой истинный цвет, но художник счастлив. – Вы специально пригласили меня поближе ко дню рождения Зофии Дмитриевны. Съезжаются родственники, друзья...

– И сыновья! – Глаза Василия Петровича сверкнули недобрым огнем. – Ладно уж, я выполню обещанное и вытащу прошлое на свет. – Он хохотнул. – Признаюсь честно, мне будет интересно посмотреть на твое выражение лица: когда ты становишься избранницей или избранником судьбы, это всегда приятно.

– Смотря для чего тебя выбрали.

– Ерунда, – Василий Петрович отмахнулся от уточнения и быстро добавил: – Ты еще не родилась, а я уже тебя ждал.

– Зофия Дмитриевна – ваш... враг?

– Именно так! Отличное определение. Прекрасное! Я бы даже сказал, самое любимое.

– Зачем вы построили такой же дом, как и у нее?

– Мой дом – великая насмешка над ее домом. Зофия всегда мечтала об исключительности, а я украл ее мечту и поместил в кривое зеркало. Пусть смотрит и кипит от злости. Не зря же она такая тощая, будто тифом переболела. Она же тощая?

– Зофия Дмитриевна стройная и хорошо выглядит. Вы давно ее видели?

– Сейчас мне кажется, я не видел ее никогда! – Василий Петрович искренне засмеялся, затем смял льняную салфетку и посмотрел на Лесю. – Очень давно она сильно испортила мою жизнь, а я не из тех

простаков, которые прощают подобное. Надо сказать, удар был весьма болезненным, я забыл покой и сон и даже начал терять зрение. Нет, Зофия соврала, моей тетке не приснился пророческий сон, все было намного реальнее. – Василий Петрович вновь пригладил эспаньолку и продолжил более спокойно, но настойчивый румянец на щеках выдавал внутреннее волнение. – Много лет назад в Утятине жила хромоногая Катерина, вся деревня бегала к ней лечиться. И бабы на сносях тоже заглядывали. Ни разу старуха не ошиблась, всегда правильно говорила: парень родится или девка. И от пожара дом соседки уберегла, и ребенка, потерявшегося в пургу, нашла, указала, где он укрылся, да много чего было. И все через знание свое! Видать, за сильную хромоту ей дар и достался, нога-то левая отекала сильно, а правая походила на коромысло. – Василий Петрович начертил в воздухе дугу и задержал взгляд на невидимом рисунке, будто решал, хорошо получилось или нет. – Жизнь так и устроена. Ясно? Где прибавит, а где убавит, только успевай плюсы и минусы в копилку складывать! Вот Катерина и сказала моей тетке, что пройдут годы и судьба все расставит по своим местам: появится в нашем роду рыжая девчонка, которая ударит Зофию Кравчик по самому больному... – Улыбнувшись, Василий Петрович одновременно ласково и хищно спросил: – А ты почему не кушаешь? Аппетита нет?

Суть пророчества Леся уже знала, поэтому ее больше интересовало начало истории, а не конец. Даже не стоит гадать, что сказала бы тетя Саша, если бы узнала, зачем Дюков прислал приглашение... Наставительный тон, список слов благодарности, клетчатый шерстяной шарф в блестящей подарочной упаковке исчезли бы без следа. А на собрании родственников наверняка бы постановили больше никогда не общаться с безумным Дюковым. Или нет. Тетя Саша никому бы ничего не сказала, скандал – дело нервное и хлопотное.

Медленно поднявшись из-за стола, убрав прядь от лица, Леся смело встретила взгляд Василия Петровича и спросила:

– Что сделала вам Зофия Дмитриевна? Почему вы ей мстите?

– А вот это тебя совершенно не касается. – Он тоже встал, только у него это вышло суетливо (стул громыхнул и покачнулся).

– Почему вы думаете, что я поверю словам старой женщины, которую никогда не видела? Да, я ваша родственница, и да, я рыжая, но

в каждой семье наверняка найдется кто-то с таким цветом волос. Я не собираюсь становиться орудием вашей мести, тем более что неизвестно, кто прав, а кто виноват.

– Ха! У тебя нет выбора! – Широко улыбнувшись, Василий Петрович затянул пояс халата потуже и едко добавил: – Ваши дороги пересеклись, в его сердце уже застряла наиглупейшая стрела Амура, а твоя душа – я вижу, вижу – ни капельки не трепещет!

– Вы не боитесь, что после случившегося я уеду? Например, сегодня.

– А у Кирилла нет номера твоего телефона? – Василий Петрович хитро прищурился. – Но я тебя никуда и не отпущу, я слишком долго ждал этого дня, и разве вам не нужно встретиться, поговорить? Будьте счастливы, дети мои, будьте счастливы. – Дюков развел руками, будто собирался обнять обоих, и усмехнулся. Его волосы находились в беспорядке, высокий лоб блестел, брови-домики выражали явное удовольствие.

– Вы не скажете, за что ненавидите Зофию Дмитриевну?

– Нет.

Развернувшись, Леся покинула столовую. «А я тогда не скажу правду о Кирилле. Он не испытывает ко мне тех чувств, на которые вы, Василий Петрович, так рассчитываете. Вчера он дал мне это понять».

Около двери она переобулась, бросила быстрый взгляд на свое отражение в зеркале и вышла из дома. Туман сделал двор серомолочным, скрыл и скамейку, и бревна, и неаккуратные кусты, и старую клумбу. Вот так и правда иногда исчезает, хотя она все же есть. *«А твоя душа – я вижу, вижу – ни капельки не трепещет!»* Но Леся не могла сказать, что ей все равно, спокойствие в некоторые моменты давалось с трудом. «Я не успела его полюбить», – твердила она, как заклинание, и стремительно выныривала из вчерашнего вечера, чтобы вдохнуть чистый воздух, хранивший всевозможные ароматы весны.

Леся не сразу поняла, куда направляется, просто шла, мысленно перебирая слова Дюкова, стараясь понять: верит в пророчество или нет? Но скоро показались уже знакомые деревья, а затем и овраг, покрытый спутанными корнями, камнями, прошлогодними листьями и травой.

«Не уеду, пока не поблагодарю Егора, – решила она. – Не знаю, как он ко мне относится, с учетом обстоятельств, но... Я должна

сказать ему спасибо».

Он не просто спас ее, он уже два раза закрыл ее собой.

* * *

– Самогонки не дам.

– А я и не прошу, между прочим.

– Просишь, ишь, взгляд какой. – Бабка Лиза многозначительно поджала губы, взяла с подоконника потрепанный жизнью короб с вязанием и устроилась на табурете поближе к свету. Серо-коричневый шерстяной носок был почти готов, и спицы ловко замелькали в умелых руках, колдовским образом создавая петли.

Понаблюдав немного за процессом, Глеб подхватил чайник и налил кипятка в кружку. Он, может, и выпил бы чего-нибудь покрепче (вечер выдался не томным), но кто вместо него будет пристраивать рыжую девчонку? Дело-то дрянь.

«Что, Олеська, принц оказался не на белом коне? Вот она – правда жизни во всем своем великолепии!»

На дне рождения Зофии Дмитриевны Глеб «погулял» еще часа три, сначала настойчиво прислушивался к разговорам, но гости, да и сама хозяйка дома быстро сделали вид, что ничего не произошло. Егору от матери досталась пара сдержанных фраз и короткий укор Евы: «Нашел время для дурацких шуток», – Кирилл многозначительно постучал пальцем по виску, намекая на то, что сначала нужно думать, а затем говорить. «Вот только гребаных сказочных пророчеств мне не хватало! Знали, да? – Глеб мысленно отправил горячий привет Небесной канцелярии и прислонился плечом к старенькому буфету. Чай щедро отдавал аромат чабреца, и в животе загудело от голода, но с завтраком торопиться почему-то не хотелось. – А если Олеська сейчас уедет в Москву? Придется начинать все сначала... Интересно, Дюков жив или рыжая малышка сварила из него гуашь и чернила? Старый пень заранее девчонке ничего не сказал, не предупредил, явно обтяпывал свои делишки... Ох, Елизавета Ильинична, как бы вытянуть из вас всю правду, наверняка же знаете, что почем. Или навестить Еву... Уверен, она не уехала с мужем, осталась и, конечно

же, скучает по мне». Глеб улыбнулся и вразвалочку пошел в свою комнату.

– Есть когда будешь? – недовольно спросила вслед Елизавета Ильинична. – Гречка в кастрюле.

Глеб бы сейчас навернул большую тарелку каши с топленным маслом и сероватым, немного кислым хлебом, но в голове вертелась расплывчатая мысль, и никак не удавалось схватить ее и прижать к стенке. Еще вчера успех казался таким близким, таким триумфальным, впереди маячила свобода, гостиница, коньяк и все прелести земной жизни, но... «Какая паршивая кошка пробежала между Дюковым и Кравчиками? И о чем думал Кирилл, когда таскал Леську на свидания? Развлекался от скуки или она ему действительно понравилась? Или это была лишь погрешность моей долбаной стрелы? Не-е-ет, ты у меня так просто не отвертишься, никуда не денешься».

– А теперь, мои дорогие, давайте внимательно изучим проклятье. – Прикрыв за собой дверь, Глеб направился к кровати, крутанулся и пошел обратно. – Концовочка в этой пропахшей нафталином истории не в мою пользу, но не стоит доверять чьим-то там снам. – Остановившись, Глеб сунул руки в карманы джинсов и посмотрел в окно. К дому приближался Егор, и не было в его шагах неуверенности – пожалуй, он двигался слишком быстро и точно знал, куда идет и к кому. – Здрасьте, не ждали...

Скрипнула калитка, Глеб мгновенно метнулся к двери и чуть приоткрыл ее, испытывая не только острое любопытство, но и удивление. Отличный наблюдательный пункт, главное – не шевелиться.

Егор зашел в дом, провел рукой по волосам и вместо приветствия коротко спросил:

– Вяжешь?

– Для тебя носочки удумала. Смотри, синяк на щеке еще больше стал, говорила, давай травяной настойкой смажу. И не ходил бы ты к врагу, нашел, куда падать!

– Похоже, проклятье Дюкова выбрало именно меня. – Егор прислонился лбом к дверному косяку, издал протяжный стон, шедший из глубины души, затем повернулся к бабке Лизе и устало спросил: – Что мне делать? Скажи, что делать? Я каждую секунду думаю о ней...

– Матерь Божья, – выдохнула Елизавета Ильинична, прижала вязание к груди и поднялась со стула.

«Вот оно! Вот то, что пролетело мимо меня! – Глеб на радостях хотел врезать кулаком в стену, но вовремя остановился. Пусть Егор уйдет, а уж потом кое-кому придется ответить на кучу вопросов. – Бабка Лиза, бабка Лиза, ну молодец, ну красавица...»

Глава 17

Давным-давно...

В Москве Зофия сразу поняла, что отец на особом положении: его встретили, устроили, помогли решить вопросы с документами и наследством, каждый день отвозили на работу и возвращали домой. Она и не задумывалась раньше, насколько он талантлив, впрочем, иначе и быть не могло – отец не мыслил жизни без химии, постоянно трудился над неведомыми ей открытиями, писал статьи, преподавал.

Выбрав экономический институт, Зофия решила год усиленно готовиться по необходимым предметам, а затем поступать на заочное отделение. Аллергия стала чуть сдержанней, но все же мучила и не давала покоя, отец нервничал, дергался и настаивал на том, чтобы дочь отправилась жить в загородный дом покойного дяди – в Утятино.

Когда Зофия увидела дом в первый раз, ее изумлению не было предела. Большой, монолитный, совершенно не похожий на другие деревенские дома, он стоял среди вековых сосен и будто спрашивал: «Ну как, нравлюсь я тебе?» Сложный вопрос. Скорее это строение с башнями и трубами завораживало, и чувствовалось, что архитектором являлся не простой человек, а обладающий определенным художественным вкусом, посвятивший много времени чертежам и планам. Чтобы Зофии не было одиноко, отец организовал помощницу по хозяйству – интеллигентную женщину средних лет, которая хорошо готовила, а вечерами любила читать, устроившись на скамейке рядом с домом. Он и сам приезжал очень часто, старался привозить своих новых знакомых, друзей, устраивал ужины с шашлыком на природе и постепенно привыкал к новой жизни без любимой Иринки. Но Зофия медленно и верно погружалась в пучину скуки и с нетерпением ждала холодов, когда можно будет вернуться в Москву.

И все же она полюбила дом и через некоторое время стала относиться к нему, как к другу. Временами украшала его или устраивала грандиозную перестановку, иногда расхаживала по комнатам, рассказывая вслух о своих мечтах, а еще представляла, что однажды в Утятино будут съезжаться гости на всевозможные торжества, устроенные по тому или иному поводу. Польская княжеская кровь бурлила, перемешивая прошлое, настоящее и будущее.

Деревня не вызывала особого интереса, но Зофия любила гулять по полю, купаться в речке, наблюдать за лошадьми и часто низко летающими ласточками. Страх заблудиться в лесу всегда заставлял двигаться ближе к дороге, но однажды любопытство взяло верх, и Зофия свернула к полоске лиственных деревьев. Потянулись тощие березки, рябины, орешник, то становилось темнее, то светлее (в зависимости от плотности веток над головой). Пахло сыростью, грибами и трухой, что несколько мешало представлять, будто кругом волшебные леса и поля, принадлежащие Кравчикам, разве раньше ей не полагалось бы имение? Зофия прошла еще немного, а затем резко остановилась. Перед ней лежал глубокий овраг, окруженный различными кустарниками, камнями, поваленными грозой деревьями. Картина была настолько дикая и прекрасная, что в душе одновременно вспыхнули восторг и волнение, чувства смешались, захотелось подойти еще ближе и узнать, что же внизу, на дне этой разинутой пасти. Зофия сделала еще несколько шагов, вытянула шею и, увидев кучу спутанных кореньев, гору веток и тощий изогнутый ручей, улыбнулась. Ручей. Да, ему здесь самое место, а если аккуратно спуститься и...

Она не заметила, как подошла к краю, и, наверное, еще не повезло с землей под ногами – слишком сухая и сыпучая.

– Стой, ненормальная! – раздался за спиной резкий мужской голос, но предупреждение запоздало. Через секунду камни и деревья уже мелькали с бешеной скоростью, не давая сфокусировать взгляд на чем-то одном. Сильные руки тянули Зофию то вправо, то влево, комья земли скакали по ногам, на зубах хрустел песок, и кто-то другой, незнакомый, принимал на себя все удары, чертыхался и пытался замедлить падение хоть как-нибудь.

А потом все стихло, прожужжала мимо пролетающая муха, где-то вдалеке вспорхнула с ветки птица, настойчивая травинка защекотала ухо. Зофия села и сразу посмотрела на того, кто пытался ее спасти. На земле лежал крепкий парень в клетчатой рубашке и тренировочных штанах, на лбу красовалась приличная ссадина, тонкая струйка крови бежала к виску и заканчивалась небольшой каплей.

– Живой? – спросила Зофия осторожно, несмотря на то что незнакомец в ответ изучающе смотрел на нее, морща крупный нос.

– Ты откуда взялась, такая глупая? – недовольно протянул он, медленно поднялся, отряхнулся и принялся засучивать рукава рубашки. – На речку лучше бы сходила, хотя кто тебя знает, может, ты там утонешь.

Зофия засмеялась, тоже поднялась и с радостью отметила, что ничего не болит. Вид у нее теперь, конечно, не княжеский, но зато все живы и здоровы.

– Не ударился? – поинтересовалась она для поддержания разговора.

– С чего бы это, – фыркнул он.

Их взгляды встретились, и уже через мгновение овраг наполнился счастливым смехом. Освобождаясь от падения, они смеялись долго, до слез, пока не закончились силы и не заболели щеки. Зофия успокоилась первой и, сгорая от любопытства, торопливо спросила:

– Как тебя зовут? Ты же местный?

– Василий Дюков, а живу с этой стороны. – Он махнул рукой на березы. – Ты почему так разговариваешь? Хотя видно, что приезжая. А-а-а, знаю, ты из большущего дома, что на краю, парни про тебя рассказывали.

Русский язык Зофия знала с детства, но, конечно, в ее речи присутствовал акцент, которым она даже гордилась. Акцент всегда придает девушкам особый шарм, каждое слово начинает казаться красивым и загадочным, и отчего-то именно сейчас это показалось особенно важным.

– Василий... – медленно повторила она и добавила: – А я Зофия Кравчик. Я приехала из Варшавы и, похоже, теперь буду жить в Утятине.

* * *

Кирилл предпочел бы не обсуждать с матерью вчерашний вечер, но разговора избежать не получится. Можно с постоянной насмешкой относиться к теням прошлого, однако когда они постучат в дверь, перешагнут порог дома и произнесут «Здравствуйте», спокойно спать уже не получится. Сколько лет тянется эта нелепая история с полуправдой и недосказанностью? Как минимум миллион! В

подростковом возрасте еще было интересно, с чего началось, какие ветры в какую сторону подули и чем дело закончится, но потом забылось, покрылось пылью, заросло травой. Да особо и нечему было зарастать: ну не поделили люди что-то, наверняка поругались, а деревенские и рады языки чесать. Мелковато для Кравчиков.

«И все-таки она рыжая».

Леся ничуть не походила на коварную соблазнительницу, уж у него опыт большой (искренность от игры отличить не сложно). И похоже, она не догадывалась, какой неприятный сюрприз ее ждет, зашла в гостиную легко, открыто. Знал ли Дюков, куда направляется его племянница? Если верить тому, что о нем рассказывают, то, скорее всего, да. Уж он-то не мог проигнорировать цвет ее волос. Кирилл свернул в библиотеку и замедлил шаг. Правильно ли он поступил вчера? Вообще ему не свойственны подобные переживания, но... Правильно ли он поступил вчера?

«Конечно, правильно, не жениться же я на ней собирался, – усмехнулся Кирилл и дернул ручку двери на себя. – Рано или поздно все равно бы расстались».

Зофия Дмитриевна сидела в своем любимом кресле и пила кофе из белоснежной фарфоровой чашки. Длинная черная юбка, темно-серая кофта с глухим воротником, отсутствие украшений частично выдавали ее настроение. Кирилл не стал садиться, прислонился к шкафу и соврал, не задумываясь:

– Извини, не сразу пришел, заболтался с Евой.

– Не хочу пускаться в долгие обсуждения. Полагаю, ты и сам все понимаешь, и надеюсь, в твоей душе нет огорчения. Не планировал же ты связывать свою жизнь с художницей из леса?

– Не планировал. – Кирилл покачал головой, пытаясь для себя сформулировать те чувства, которые испытывал к Олесе. Положа руку на сердце, он хотел, чтобы она была рядом с ним как можно дольше. И даже нравилось чуть-чуть обманывать себя, виляя то в одну сторону, то в другую, и при этом ожидать ее звонка. Но она не звонила. «Наверное, лесные феи не умеют пользоваться мобильным телефоном». Кирилл посмотрел на полки, потолок, люстру и вернул взгляд на мать. – Давай перейдем к делу, я не маленький шаловливый мальчик, лишних слов не нужно. Или ты позвала меня...

– Я хотела поговорить о Егоре, – перебила Зофия Дмитриевна. Отправив чашку на круглый столик, она поднялась и медленно поплыла к окну, оставляя после себя тонкий аромат французских духов и весьма ощутимую волну беспокойства. – Он предоставлен сам себе, и я никогда не знаю, какие планы крутятся в его голове. Егор не балует меня откровенностью... – Зофия Дмитриевна остановилась и развернулась. В лучах утреннего солнца она показалась Кириллу еще моложе и худее.

– Ты о его вчерашнем поступке?

– Да.

– Егор просто сделал попытку поддержать Олесю.

– А почему ты не поддержал ее? – Она коротко улыбнулась, зная ответ.

– Потому что я – Кравчик. – Кирилл тоже улыбнулся, чувствуя, как спадает напряжение разговора и возвращается привычная атмосфера. Он сказал все, что требовалось, и теперь лишних слов не будет. – В данном случае не надо обращать внимания на Егора: ему стало жаль Олесю, не более того.

– Несмотря на твой оптимизм, я попросила бы тебя приглядеть за ним. – Зофия Дмитриевна подняла руку, желая привычно коснуться бус или кулона, но вспомнила, что сегодня украшений на ней нет. Рука опустилась вниз, пальцы сжались в кулак.

– Без проблем, но ты зря волнуешься.

– Ты... планируешь с ней еще встречаться? – Зофия Дмитриевна все же задала этот вопрос.

– Нет, – автоматически ответил Кирилл и только через несколько секунд понял, что соврал, вернее – проигнорировал ту недосказанность, которая не отпускала с вечера. Он позволил себе поплыть по течению: не думать, не вспоминать, не принимать решений, не звонить, не писать. И он позволил себе сожалеть о фразах, сказанных вчера. Если бы покороче, попроще... Зачем? Пока не стоит искать ответ на этот вопрос, невесомость вполне устраивает.

– Хорошо. – Кивнув, Зофия Дмитриевна добавила: – И обещай, если Егора потянет не в ту сторону, если он надумает совершить какую-нибудь глупость, ты скажешь мне.

– Обещаю, мама. – Улыбнувшись, он развел руками, мол, поверь, не будет никаких проблем, и вышел из библиотеки.

Направляясь в свою комнату, Кирилл вспоминал, как впервые увидел Лесю. *«Я провожу тебя... ты надолго в наши края?..»* Лесные феи носят тяжелые ботинки, потертые джинсы и безразмерные свитера или платья. В любой одежде они обязательно тонут, или, быть может, там, под вязаным коконом, скрываются прозрачные крылья. Крепкие, несмотря на кажущуюся хрупкость.

Раздумывал ли он вчера, когда решал, чью сторону принять? Нет, поступил быстро и интуитивно. Отношения не должны обременять, мешать, выходить за рамки приятного томительного удовольствия – во всяком случае, он ценит именно такую свободу. Ценил. Ценит. Кирилл усмехнулся и подумал, что пора уезжать, это решило бы все проблемы, собственно, повода задерживаться и нет. Но, остановившись около столовой, он вынул из кармана мобильник, быстро написал СМС и отправил Олесе: *«Предлагаю встретиться и поговорить. Около речки в три. Подходит?»*

Почему-то рыжая девчонка не отпускала, и очень хотелось вернуть себе ту радость, которая была в душе еще вчера. Но сознаваться в этом даже себе не обязательно.

* * *

Несмотря на огромную разницу в возрасте, он всегда называл ее Лизой. Мать требовала интеллигентного обращения – Елизавета Ильинична, но Егору официальность в данном случае казалась лишней. Пожалуй, ближе человека для него не существовало. И сейчас, быстро шагая по хорошо утоптанной дороге к дому, он чувствовал внутреннее облегчение оттого, что сказал своей Лизе правду. А кому еще можно открыться?

Странно, его всегда тянуло к оврагу. Кого-то подобные картины выводят из себя, а его, наоборот, это место успокаивало. Думалось хорошо рядом с каменными глыбами, полосками глины, старыми деревьями и запутавшимися в своих порывах кустарниками. Никто не мешает. Но не в тот день...

Когда он увидел девчонку на краю обрыва, то сначала не поверил собственным глазам, она отчего-то показалась полупрозрачной и нереальной, будто явилась из прошлого или будущего. Правда, через

мгновение незнакомка загремела вниз вполне реально, и хорошо, что получилось немного замедлить ее падение, а то бы травм не избежать. Егор бы еще раз проложил этот путь спиной, боком, плечом, только бы Олесе не досталось ни одного удара. *«Лесные феи, да будет тебе известно, носят тяжелые ботинки, потертые джинсы и длинные вязаные зеленые платья. Волосы у них огненно-рыжие. А еще... Их, похоже, не так-то просто забыть».* Девушка брата. Худшего и не придумаешь. Заглянув в глаза Леси, Егор сразу понял, о ком говорил Кирилл.

Рыжая. Приехала к дяде. Почему-то вспомнилось уже позабытое проклятье, над которым в детстве они посмеивались. И не получалось отпустить руку Олеси, точно пальцы прилипли к ее пальцам, и теперь нужно отрывать с кожей... А она убрала руку спокойно, без задержки, впрочем, если верить обещанному, так и должно быть: в ее сердце не вспыхнет огонь.

Егору никогда не приходилось соревноваться с братом, они существовали в параллельных вселенных, несмотря на родственную кровь и общую работу. Впрочем, душой он не пересекался ни с кем из семьи. Для отца огромную роль играл бизнес, и преемником он видел только Кирилла, мать делила мир на равных и неравных, Ева поставила на судьбе крест и тихо ненавидела всех за это. И когда каждый старался указать Егору на минусы в его жизни, хотелось... улыбнуться и спросить: «А вы счастливы?» Но он знал, что в ответ они дружно набросятся на него с высокопарными фразами и в лучшем случае замолчат через полчаса. Так зачем?

Егор встречался с девушками, и однажды, лет пять назад, даже почудилась любовь, но иногда оказывается, что нужен не ты (со своими достоинствами и недостатками, с чашкой кофе по утрам, с невесомым «В кино пойдем сегодня вечером?»), а твое положение и достаток. Егор усмехнулся, миновал три высоченные сосны и ступил на тропинку, ведущую к дому. Каким же пустым, ненужным и неважным это кажется сейчас...

– Где был? – спросила Зофия Дмитриевна, царственно спускаясь с лестницы.

– Ходил к Лизе.

– Выглядишь уставшим, ты не заболел?

– Давай назовем это так, – коротко ответил он и направился в кухню пить кофе.

На спине чувствовался тяжелый взгляд матери, Егор дернул плечом, пытаясь сбросить его – не получилось.

«Не стоит на меня так смотреть, я не иду в дом Дюкова только из-за тебя, мама. Но я не знаю, на сколько меня хватит».

Давным-давно...

Удивительно, как за считанные минуты жизнь обретает смысл. Еще утром ты не знал, что на свете есть необыкновенно красивая, не такая, как все, – Зофия Кравчик, а теперь... Сердце выстукивает ее имя, душа не просит, требует идти рядом как можно ближе.

– Я провожу тебя, а то еще грохнешься куда-нибудь.

– Раньше я как-то обходилась без твоей помощи, – наклонив голову набок, Зофия кокетливо улыбнулась.

– То было раньше, – твердо ответил он и смело взял ее за руку.

Василий Дюков пользовался в деревне уважением, потому что в свои двадцать лет мог починить абсолютно все. Голова у него работала как надо, и, в отличие от многих, он равнодушно относился к спиртному и не ленился. Тетка Наташа воспитала его хорошо, жизнь на него положила, и теперь Василий даже с гордостью заботился о ней, возвращая сыновний долг. С девчонками сильно не баловал, жениться еще заставят, а в этом пока мало радости.

– А почему ты приехала сюда?

– Так сложились обстоятельства, потом расскажу.

Они пошли к дороге, по пути Василий жадно задавал вопросы, будто только сейчас научился говорить и теперь наверстывал упущенное. Зофия отвечала и тоже спрашивала, но главное – она ни разу не попыталась освободить руку. Теплую, мягкую, шелковистую.

– Вечером увидимся? – пряча неловкость, спросил он.

– Я подумаю, – нарочно увиливая, дразня, ответила она.

– Думай сейчас. – Василий остановился и нахмурился. – Не отпущу, пока не скажешь.

Немного помолчав, будто и впрямь раздумывая, она счастливо засмеялась, затем сжала его пальцы и выпалила:

– Да согласна я, согласна!

Глава 18

Егор разговаривал с Елизаветой Ильиничной минут пятнадцать, затем поцеловал ее в седую макушку и ушел, оставив после себя звенящую тишину. Минут пять Глеб расхаживал по комнате, улыбаясь, щелкая пальцем то по плетеным косичкам на шторках, то по пузатой глиняной вазе, то по листу герани. Давненько ему не было так хорошо.

«Партизанка ты моя ненаглядная! – мысленно восклицал он. – Ах, бабка Лиза! Ах, бабка Лиза! А я, дурак, думал, что разбираюсь в женщинах. Красавица! Неисповедимы пути Господни, да, Небесная канцелярия?»

Когда он вышел из комнаты, Елизавета Ильинична вновь вязала. Теперь спицы стучали реже, движения стали медленнее, морщин на лице прибавилось. Посмотрев на Глеба, она тяжело вздохнула и с укором кивнула на кастрюлю с гречкой. «Так и не позавтракал», – читалось в ее глазах.

– А кто приходил? – игриво начал разговор Глеб.

– Тебе-то что.

– Вот где справедливость, Елизавета Ильинична? С одними вы добрая да ласковая, а с другими, то есть со мной...

– Подслушивал? Ну для этого много ума не надо. Только не твое это дело, соколик.

«К превеликому сожалению, мое...»

– А если я помочь хочу? – Глеб подхватил стул, поставил его рядом с Елизаветой Ильиничной, сел, положил ногу на ногу и добавил: – Верите вы в доброту души человеческой?

– До чего же ты шут гороховый. – От негодования спицы застучали чаще, носок задрожал, забирая часть волнения на себя.

– Елизавета Ильинична, – Глеб убрал иронию и сел ровнее, – даю честное слово, что помогу Егору, полагаю, это в моих силах. Вчера я был на дне рождения Зофии Дмитриевны Кравчик, и теперь знаю, какие тайны кружат над Утятином. И я знаком с Олесей, племянницей Дюкова, мне кажется, она хорошая девочка и специально никого не обидит. Повторяю, я помогу Егору, шанс есть всегда, но и вы должны мне немного помочь.

«Не подведи, Елизавета Ильинична, голубка моя сизокрылая. Не подведи!»

Ее плечи дрогнули и задрожали, по морщинистой щеке потекла слеза, которую она сразу смахнула.

– Своих детей не нажила, а он мне как сын родной...

– Та-а-ак. – Глеб обнял старушку, притянул к себе и начал гладить по голове, точно маленького ребенка. Носок упал на пол, но сейчас было не до него. – Никаких слез, Елизавета Ильинична, только этого не хватало. Если из-за меня будут плакать пожилые женщины, то рая мне не видать. – Он сдержал улыбку. «Ад, впрочем, мне тоже традиционно не светит».

– Не из-за тебя я, глупого, – она отстранилась, вытерла краем фартука глаза, села прямо и строго, перечеркнув минуту слабости. – Дороже Егора у меня никого на всем белом свете нет, каждый день за его здоровье молюсь. Я его с младенчества нянчила и воспитывала до двенадцати лет. И за Евой приглядывала тоже. Да только как Егорушка подрос, Зофия на дверь мне указала, преподавателей полон дом, я и ненужная. Однако он ко мне дорогу не забыл, доброты в его сердце много.

– Теперь ясно, откуда вы его знаете.

– А какую помощь-то ты хотел?

– Правды мне для полной ясности не хватает. Что произошло между Дюковым и Зофией Дмитриевной, с чего проклятье взялось?

– Ишь, все уже разведал! – всплеснула она руками.

– «Наша служба и опасна, и трудна...» – пропел Глеб строку известной песни, наклонился, поднял с пола носок со спицами и положил на край стола.

– И как мне понять, откуда ты такой взялся?

– Вестимо откуда, – он широко улыбнулся. – С неба. Все хорошее всегда с неба падает.

– Ладно, расскажу тебе, что помню, но Егору подмоги, от меня толку мало, а ты, может, с девочкой этой поговоришь?

– Даже не сомневайтесь, дорогая моя Елизавета Ильинична.

Положив руки на колени, чуть ссутулившись, она смерила Глеба внимательным взглядом, вздохнула и начала рассказывать:

– Приехала к нам Зофия с отцом. Молоденькая, хорошенькая... Врачи ей в городе жить не разрешали, это уж я потом узнала. С

Дюковым познакомилась, Васька тогда совсем другой был, чуть ли не первый парень на деревне: лицом вышел, непьющий и работающий. И сладилось между ними все... Да здесь и добавить нечего, сам понимаешь. Мы уж с Наташкой, теткой его, думали, что дойдет дело до свадьбы. Но не сложилось у них, и Зофия виной тому была. Васька горевал страшно, на нервной почве зрением слаб стал, уж Наташка молилась не переставая, слезами умывалась, надеялась, забудет он ее. Хоть и не мать родная, а крепко его любила, очень я ее понимала. Соседкой моей в ту пору Катерина хромая была. Совсем плохая к старости сделалась, мы с Наташей за ней по очереди ухаживали: еды принести, постель переправить, до туалета помочь. Родилась она с ногами неправильными, что ж тут поделаешь, не ее вина, да и ничья вовсе. А у Катерины дар был: людей на расстоянии видела, болезни угадывала, беды читала и будущее могла предсказать, да только не любила занятие это и всегда отказывала, если кто просил. Нечего, говорит, на судьбу глаза пялить, доживете – узнаете. Но Наташка так убивалась, так страдала, что не сдержалась Катерина и глянула на годы вперед, так мы и узнали, что будет да чем закончится. Расстроилась я тогда сильно, аж сердце разболелось, но в душе надежда теплилась – может, ошибка какая. Честно говоря, со временем я подзабыла пророчество Катерины, и слова ерундой казаться стали, многое за годы стирается... А Наташка по деревне птицей полетела! Да на радостях на каждом углу пророчество-то рассказывает! – Елизавета Ильинична вновь взяла спицы и, чтобы успокоиться, принялась провязывать петли.

– А Дюков?

– Приободрился, слепоту как рукой сняло, от нервов напасть у него эта случилась.

– Так сильно любил Зофию, что о мести мечтать стал? – усмехнулся Глеб.

– Говорила я Наташе: нет добра в том, но только свою голову вместо чужой не приставишь.

– А потом тетка Дюкова умерла.

– Да, Василий в город подался, года три его в Утятине не видали. Затем вернулся с деньжищами, и совсем другая жизнь у него пошла. Одни говорят, что богатство он свое награл, другие картежные дела приписывают, но не верю я в эти рассказы. Разговорилась как-то с

Сергеичем, водителем Дюкова, – торговлей Василий разбогател, привозил товар издалека и в городе продавал. Не разбираюсь я в этом... – Елизавета Ильинична недовольно поджала губы. – Денег насобирал и какими-то другими делами занялся. Финансовыми, что ли. Хваткий он, своего не упустит, и цель, видимо, имелась. Вот как вернулся, так избу снес и давай дом строить да потом его уродовать. И уж ясно стало, куда ветер дует.

– Дети Зофии Дмитриевны о пророчестве откуда узнали?

– И Кирилл, и Егор, и Ева в детстве много времени с нашей деревенской ребятней проводили. В мяч играли, рыбачили... Никто ничего и не скрывал, да и мир не без «добрых» людей.

Глеб поднялся, потянулся, точно кот, объевшийся сметаны, подошел к плите, подхватил крышку и заглянул в кастрюлю.

– До чего же вы хитрая, Елизавета Ильинична. Раньше на мои вопросы отвечали так, будто и не знакомы с Кравчиками и Дюковым, тень на плетень старательно наводили. Не стыдно постояльцев обманывать?

– Не хитрая, а мудрая и предусмотрительная. Тебе палец дай, ты и руку по локоть откусишь. Приехал издалека, выспрашиваешь, про себя ни слова, ни полслова... Я решила знание свое попридержать, не показывать: спокойнее, да и за тобой понаблюдать надо было.

– Понаблюдали?

– Да. – Губы дрогнули, и она улыбнулась. – Откуда тебя ветром принесло – неизвестно, и какие тайные чаяния у тебя – лишь Богу ведомо, а только не со злом ты в Утятину явился, тут сердце меня не подведет.

– Ах, гречечка, похоже, тебе еще придется подождать. Елизавета Ильинична, тащите номер телефона Егора, время великих событий и перемен!

– У меня его нет, – растерянно ответила она. – Егорушка мобильный телефон подарил и сам иногда звонит, я только кнопку одну жму. Заряжать его нужно, а я, грешным делом, часто забываю...

Глеб брякнул крышкой кастрюли и покачал головой: «Цивилизация...»

– Мобильник несите, будем из него номер отверткой выковыривать. Шучу, – добавил он с усмешкой, заметив на лице Елизаветы Ильиничны нешуточное беспокойство.

Давным-давно...

Первый раз он поцеловал ее через месяц, когда лил теплый дождь, крупные капли скакали по лужам, оставляя после себя круги. Незабываемые ощущения, пьянящие, дарящие восторг и счастье на долгие дни. А потом он бежал по полю как сумасшедший, раскинув руки, крича в небо ее имя, мечтая еще раз почувствовать вкус нежных губ.

«Любишь?» – спрашивала Зофия.

«Люблю», – честно отвечал Василий и прижимал ее к себе крепче. Какая тоненькая, хрупкая, далекая и близкая одновременно.

Позже она тоже произнесла это важное слово – искренне, естественно, глаза сияли, и сомневаться не приходилось: правда, все правда.

Иногда Зофия уезжала ненадолго в Москву, и тогда приходилось терпеть разлуку, ждать и надеяться на скорую встречу. Но когда она возвращалась, они вновь прилипали друг к другу, мир сокращался до взгляда и вдоха. Василий не заговаривал о будущем, но лишь потому, что боялся отказа и старательно накапливал и выстраивал нужные слова. Уверенность в себе и самостоятельность Зофии нравились и не нравились одновременно, с обычной деревенской девчонкой было бы намного проще, но... Он даже не желал сравнивать – нужна только она и никто другой!

В конце осени Зофия опять уехала в Москву, шли дни, недели, месяцы, а она не возвращалась. Оставалось лишь нервничать, злиться и кружить возле дома Кравчиков. «Письмо бы прислала или телеграмму. Вернется – женюсь и никуда не отпущу!»

В Утятине Зофия появилась в первых числах марта. Получив от нее записку, Василий бросился навстречу, позабыв натянуть свитер или прихватить куртку: сейчас он ее хорошенько отругает, а затем прижмет к себе, и бесконечные мучительные часы ожидания исчезнут без следа! Надо только добежать, увидеть, дотронуться...

Зофия стала другой, повзрослела, что ли... Светлые локоны лежали на плечах, на губах застыла полуулыбка, в карих глазах вихрь искр и еще какая-то неуловимая тайна. Напрочь забыв о воспитательном процессе, Василий бросился к ней, но ледяной и острый взгляд остановил его.

– Подожди, – Зофия отступила на шаг и улыбнулась. – Нам нужно поговорить. Ты прибежал в одной рубашке? – И добавила: – Соскучился, значит...

Она еще спрашивала!

– Конечно, а ты разве нет?

– Наверное, лучше сказать сразу. Я вышла замуж за друга отца, у нас с тобой уже не может быть никаких отношений. – Зофия подняла руку и показала новенькое блестящее обручальное кольцо, которое, как назло, засияло на солнце. – Надеюсь, ты меня поймешь и не станешь устраивать трагедий, мы с тобой хорошо проводили время, но я встретила человека, способного сделать меня счастливой. Саша меня очень любит... и я его.

Слова резали не хуже ножа, сердце сжалось, и в висках застучала боль, сначала тихо, осторожно, а затем сильнее и чаще. Василий пошатнулся и замотал головой, отрицая услышанное.

– Ты шутишь?

– Нет.

– Но ты говорила, что любишь меня.

– Я ошибалась. И потом, чувства иногда уходят... – Зофия стала говорить строже, видимо, ей хотелось как можно скорее закончить разговор.

– Но я не ошибался, и я люблю тебя больше жизни. Почему, скажи, почему он, а не я?!

Поверить в происходящее было очень сложно, Василию даже показалось, что это дурной сон, от которого легко избавиться, нужно только открыть глаза. Еще несколько минут назад он бежал, мечтая обнять и поцеловать... Как она могла так поступить?

– Мне бы не хотелось отвечать на этот вопрос.

– Почему?

– Ты обидишься.

– Я хочу знать правду. Тебя заставил отец?

– Все нет. – Зофия улыбнулась мягко, будто перед ней стоял не мужчина, а ребенок, и добавила: – Мы с тобой не слишком подходящая пара... Я думала, меня перестанет беспокоить этот вопрос...

Налетевший ветер запутался в ее волосах, привычным движением Зофия убрала локон от лица и тряхнула головой. «Какая же она красивая», – пролетела мысль, и Василий сделал шаг вперед, отчаянно

надеясь на то, что фразы можно перечеркнуть. Вот только на ее пальце кольцо... Она принадлежит другому человеку. И все эти дни принадлежала, а он ждал и сходил с ума.

– Отчего же неподходящая пара?

Помолчав, Зофия вздернула подбородок и ответила быстро и резко:

– Мы из разных миров. Ты – деревенский парень, Вася Дюков, а я – Кравчик, и я всю жизнь мечтала о большем, и я заслуживаю большего. Посмотри на мой дом и на свой. Как бы ты ни старался, что бы ни делал, у тебя всегда будет лишь клочок земли и изба. Да, я сейчас груба, но это – реальность, и раз уж мы заговорили об этом... – Зофия сделала глубокий вдох и выдох. – То я лучше скажу все сразу, чтобы в нашей истории навсегда была поставлена точка. Ты не должен держать на меня зла. Это правда. Понимаешь? Правда! – последние слова она выкрикнула, щеки вспыхнули, пальцы сжались в кулаки.

Постояв немного не шевелясь, выровняв дыхание, Зофия развернулась и пошла в сторону своего дома. Василий знал: она не обернется. Когда он, шатаясь, добрал до колодца, его душа разрывалась на части, а глаза дико болели, все казалось, что их обжигает блеск обручального кольца Зофии Кравчик.

* * *

Внутреннее притяжение вело к Дюкову, рыжая малышка или в доме, или гуляет где-то поблизости.

«Знаешь, Леська, я вот подумал, а не найти ли тебе кого помоложе? – Глеб хохотнул, наклонился и сорвал сухую травинку. – Василий Петрович вроде гостей не жалует, но я к тебе постучусь как старый знакомый. Мы же с тобой неразлейвода. Признаю, не по тому пути я пошел изначально, но главное в нашем деле что? Главное – вовремя сменить направление».

Глеб не строил сложных планов, ему требовался всего один разговор с Лесей. Во-первых, для того чтобы понять, какие чувства витают в ее душе, а во-вторых, передать номер телефона Егора. Вдруг пригодится.

«Обязательно пригодится, тут и думать нечего. Крошка, я Елизавете Ильиничне обещал похлопотать за Егора, ты уж постарайся на этот раз влюбиться в кого следует. Я, между прочим, тебе уже второго принца подгоняю, и кандидатуры, честно говоря, катастрофически заканчиваются. Выбирай: или Егор, или первый попавшийся пастух. Устал я торчать в этой дыре».

Подняв голову, Глеб увидел Лесю. Она шла от леса в сторону дома дяди и о чем-то сосредоточенно думала. Джинсы, теплая коричневая рубашка и длинный вязаный жилет кирпичного цвета. «Кажется, я соскучился по малышке. Кстати, удачно встретились, не придется ломиться к Дюкову». Улыбнувшись, Глеб притормозил и крикнул:

– Олеся! Доброе утро!

Она явно его узнала, кивнула, приветствуя, и взяла правее, чтобы подойти и поговорить.

– Доброе утро.

– Вы меня помните? Я Глеб.

– Конечно, мы познакомились вчера.

Леся улыбнулась, но Глеб заметил на ее лице беспокойство, что было вполне объяснимо – он все же свидетель болезненной сцены, воспоминания в подобных случаях не уходят быстро.

– Решил немного прогуляться, скоро уезжать, а с окрестностями я толком и не познакомился. – Глеб развел руками, демонстрируя наивысшую степень открытости и дружелюбия. Следовало прощупать почву, а потом...

– В Утятино красиво. Вы уже были на речке? Там изогнутый мостик и живописный берег. Я немного рисую, и мне очень нравятся завораживающие пейзажи. А здесь таких много.

– Боюсь, скупое воображение помешает мне заморозиться. – Глеб засмеялся и шагнул к Лесе ближе. Их и так разделял всего метр, но теперь расстояние сократилось, что давало возможность перейти к более доверительной части разговора. – Согласитесь, это не каждому дано.

– Не соглашусь. Каждому. Нужно только немного постараться.

– А как насчет исключения из правил?

– Они, наверное, есть.

Она вновь улыбнулась и заглянула в глаза Глебу, точно хотела в них что-то отыскать.

«Малышка, ты же не собираешься гипнотизировать посланника Небес? Хотя кто тебя знает...» Он мысленно усмехнулся и сменил тему:

– Жаль, что вчера вы ушли рано, честно говоря, я не поддерживаю подобные сцены с прилюдным выяснением отношений. Многие выбирают жить прошлым, а не настоящим, я нахожу это странным.

«Тяжело мне даются витиеватые речи. И хватит на меня так внимательно смотреть, перед тобой самый обыкновенный Амур с грехами вместо крыльев – ничего интересного».

Леся не могла оторвать глаз от Глеба, он буквально отдавал тепло, и это ощущение не получилось бы объяснить или описать. Возможно, нарисовать?.. Да, возможно. Не очень хотелось обсуждать с посторонним человеком день рождения Зофии Дмитриевны Кравчик, но Глеб слова произнес, а она не почувствовала неловкости или боли.

– Я тоже нахожу это странным, – ответила Леся. – Меня никто не предупредил заранее о трудных отношениях моего дяди и Зофии Дмитриевны.

– Вы верите в пророчества? – Глеб улыбнулся и вопросительно приподнял брови.

– Сейчас мне трудно ответить на этот вопрос: все же его главная героиня – я.

Они засмеялись, и больше не осталось неловкости или напряжения, Глеб был на ее стороне, уверенность в этом коснулась души Леси.

– И каково это? – спросил он.

– Весьма сомнительное удовольствие.

– Но наверняка есть и плюсы, нужно только их разглядеть.

– Да. – Леся кивнула. – Знаете, я в тот момент ждала помощи от другого человека... Но меня поддержал Егор. Мы почти незнакомы, это странно...

– Почему? Нормальный поступок нормального мужчины.

– И все же. Я бы очень хотела его поблагодарить, но, к сожалению, у меня нет номера его телефона.

«Крошка, он есть у меня!»

– Не проблема. – Глеб неторопливо (а это далось с трудом) достал из заднего кармана джинсов мобильник, нажал пару кнопок и

добавил: – Записывайте и начинайте считать меня магом и волшебником.

– Спасибо! – Леся быстро достала мобильник и увидела эсэмэс от Кирилла: «Предлагаю встретиться и...» Первые слова прочитались автоматически, а дальше... Она не стала продолжать, душа этого не потребовала. Удалив сообщение без какого-либо сожаления, Леся записала телефон Егора, помедлила лишь пару секунд, а потом быстро набрала номер. – Глеб, извините, я хочу позвонить прямо сейчас.

– Ну что вы, я прекрасно понимаю, не буду мешать.

Сделав культурные три шага в сторону, он напряг слух и мысленно отправил горячую благодарность Елизавете Ильиничне. От азарта зануло в солнечном сплетении, и опять проснулся голод. «Гречка, дождись меня, еще минута, и я устремлюсь к тебе».

– Егор? Привет. Я – Леся. Наверное, ты меня не узнал... Узнал? Ничего себе. Ну в смысле, здорово!.. Я очень бы хотела с тобой увидеться. Ты можешь сейчас пойти в сторону дома моего дяди? А я пойду тебе навстречу. Просто так будет быстрее... Можешь? Отлично. Да, да, я иду... – Леся опустила руку, посмотрела на Глеба и, широко улыбаясь, сказала: – Извините еще раз, мне нужно идти. Огромное спасибо за номер Егора.

– Не за что, приятно было пообщаться. Удачного дня!

Леся сначала пошла медленно, но потом шаг ускорился, рыжие волосы лежали на плечах и бодро подпрыгивали в такт движениям.

– Беги, лети, – шепотом произнес Глеб, зная, что она не услышит и не подчинится. Но, видимо, волшебная сила не требовалась для того, чтобы вспорхнуть и полететь к своему счастью. Вернее, эта волшебная сила жила уже совершенно самостоятельно и не нуждалась в постороннем вмешательстве.

Как только показался Егор, Леся побежала, и он побежал ей навстречу, и, когда они замерли друг напротив друга, Глеб почувствовал необыкновенную легкость в груди, которая означала только одно – его личную свободу.

– Не-е-ет. Неужели? – протянул он, прислушавшись на всякий случай к себе: ощущения были правильными, он выполнил то, что должен был, а дальше уж они сами... Глеб посмотрел на Лесю и Егора, сунул руки в карманы джинсов, качнулся на пятках и самодовольно добавил: – Вот так нужно работать, ясно?

* * *

У Леси не получилось бы объяснить, откуда взялось волнение, щеки вспыхнули, губы дрогнули, слова рассыпались, и пришлось их срочно собирать и выстраивать.

– Егор, я хотела поблагодарить тебя за поддержку, так хорошо, что ты согласился встретиться со мной. – Начала она полуофициальным тоном, но быстро сбилась. – Я не знала, что мой дядя в плохих отношениях с твоей мамой...

– Пусть они сами разбираются, ты не должна отвечать за их прошлое и ошибки. Когда собираешься вернуться в Москву?

– Если честно, не знаю. С одной стороны, скорее бы, а с другой... Меня будто что-то держит в Утятине, не отпускает.

– Наверное, в твоём случае самое главное – уехать не отсюда, а сбежать из пророчества.

Егор улыбнулся, будто хотел сказать: «Это просто, я сам тысячу раз проворачивал подобное, давай научу». Леся тоже улыбнулась, протянула руку и коротко сказала:

– Одной мне не справиться.

Глава 19

Глеб бы уже сейчас собрал вещи и отправился на станцию, но все никак не мог насладиться ощущением свободы. Было у него еще одно дело, безусловно, приятное, которое так удачно осталось на десерт. Ева Кравчик. «Ты же не думаешь, что я покину тебя, не попрощавшись?»

Темнота всегда дает больше возможностей, в отдельных случаях будоражит воображение и дарует те удовольствия, которые лучше скрывать или не получать. Дождавшись часа ночи, Глеб осторожно, опасаясь разбудить Елизавету Ильиничну, вынырнул из дома и перемахнул через старенький низенький забор (петли калитки надо бы смазать, скрипят). Дом Кравчиков встретил его молчанием и лишь двумя светящимися окнами на первом этаже. «Гостиная, – определил Глеб. – Не страшно: скорее всего, этот свет включен круглосуточно».

Если бы он знал, где находится комната Евы, было бы намного легче, но пока из ориентиров имелся только второй этаж, и предстояло не ошибиться дверью. «Хорош я буду, если явлюсь в опочивальню Зофии Дмитриевны...»

Подойдя к шершавой стене, Глеб похлопал по ней, будто поздоровался, затем посмотрел вверх, подыскивая приемлемое место для лесного скалолазания. «Есть одно открытое окно, добраться бы... Три ветки по сосне, потом к выступам на башенке, далее ерунда... Или по решетке к выступам, но дотянусь ли...» Выбрав второй вариант, Глеб прошел метров десять, подпрыгнул и ухватился за дорожку кирпичей под окном. «Я уже как-то падал с крыши дома, и закончилось это моей безвременной кончиной. Ева, ты хоть понимаешь, на что я сейчас иду? У меня, может, после смерти боязнь высоты, меня как-то пожалеть надо, приласкать...» Смех в данном положении он себе позволить не мог, мышцы заныли, Глеб подтянулся, схватился одной рукой за решетку и устремился к цели.

Добравшись до заветного открытого окна на втором этаже, он замер и, благоразумно решив не рисковать, прислонился лбом к стене. «Давай, показывай, есть там кто или нет». Картинка получилась размытой, Глеб увидел лишь серую комнату с кроватью в углу, а дальше – туман.

«Никого нет, – подытожил он, ловко влез в окно и отряхнулся. Бесшумно ступая по мягкому ковру, он дошел до двери, открыл ее и выглянул в коридор. – Спят даже призраки».

Медленно двигаясь мимо дверей, он прислушивался к ощущениям, пытаясь вычислить спальню Евы. Если бы горел свет, то, конечно, было бы проще, но увы.

«Здесь», – Глеб улыбнулся и даже не стал тратить силы на проверку: еле уловимый аромат знакомых духов влетел в нос, и нетерпение заставило побыстрее взяться за дверную ручку и перешагнуть порог.

Но дверь оказалась закрытой.

«Не удивлен. Ладно, проявим вежливость».

Тихонько постучавшись, Глеб широко улыбнулся, сейчас он узнает, уехала Ева Кравчик с мужем или осталась, надеясь на встречу? Он попробовал представить ее в укороченной атласной пижаме, без косметики, с распущенными волосами, и получившаяся картинка очень понравилась.

Замок щелкнул, дверь открылась, и Глеб увидел Еву именно такой, как только что нарисовало его воображение. Глаза уже привыкли к темноте, и он даже уловил тонкую бледную полоску на пижаме.

– Я подумал, вдруг ты не спишь, – прошептал он, наблюдая за бескрайним удивлением на лице Евы. И, не давая ей возможности опомниться и закричать, подхватил и внес в комнату.

– Как ты сюда попал? – прошипела она, как только вырвалась из его объятий.

Глеб закрыл дверь, развернулся и честно ответил:

– Стена, окно, а дальше по коридору. Я еще не говорил, как ты прекрасно выглядишь?

– Убирайся немедленно, или я позову Кирилла.

– Зови. – Глеб подошел к широкому креслу, сел, положил руки на подлокотники и добавил: – Только сначала свет включи, а то ситуация выглядит слишком интимно. Но, с другой стороны, в темноте не так заметны твои истинные мысли и чувства. Мы же оба знаем, чего хотим, не так ли?

Подождав немного ответа, Глеб поднялся и медленно, давая возможность смириться с неизбежным и правдой, пошел к Еве.

Гордость еще заставляла ее стоять, вздернув подбородок, гневно покусывая губы, но глаза отвечали «да» без каких-либо вариантов.

– Вообще, я не любитель уговаривать, – прошептал он, касаясь ее щеки. – И если ты действительно хочешь, чтобы я исчез из твоей комнаты, скажи это, пожалуйста, еще раз. Я уйду, ты ляжешь спать, а завтра решишь, что кошмар по имени Глеб Трофимов тебе лишь приснился.

– Не уходи, – ответила она, положила ладони ему на плечи, прижалась и подняла голову, давая возможность себя поцеловать.

Руки Глеба мгновенно скользнули под пижамный топ, прошлись по спине, обжигая кожу, и остановились, дразня и распалая. Заглянув Еве в глаза, он стянул с себя свитер, затем коснулся губами ее губ и начал целовать, чувствуя, как она расслабляется и уже хочет большего. Но несмотря на то, что до утра осталось не так много времени, он не собирался спешить, рассчитывая на продолжительное удовольствие.

* * *

Обед Леся пропустила, Егор познакомил ее с Елизаветой Ильиничной, и уж та накормила от души наивкуснейшей жареной картошкой с луком, солеными грибами, квашеной капустой и домашним хлебом. Егор задал несколько вопросов про мать и Дюкова, Елизавета Ильинична отвечала неохотно, сжато, но история все же получила очертания, а дорисовывать Леся всегда умела. Значит, когда-то между ними были чувства, и, похоже, Василий Петрович любил Зофию Дмитриевну очень сильно... «Заходите ко мне почаще, я кулебяку к вечеру испеку, почаевичаем», – на прощанье сказала Елизавета Ильинична, но Леся уже решила ужинать в доме Дюкова.

Рядом с Егором она чувствовала бесконечную защищенность, и эта уверенность была настолько непрерывной и пьянящей, что хотелось постоянно держать его за руку и идти рядом. Они навестили овраг, как старого знакомого, прошли по месту, где раньше протекал ручей, сели на поваленное дерево и долго молчали, думая каждый о своем. Мысли летели к небу, пересекались, переплетались и превращались в мирно плывущие облака.

Когда Леся вернулась, Василий Петрович кружил по дому в состоянии тяжелого перевозбуждения. Он находился в ситуации, когда не может ничего спросить и потребовать, но и молчать не в силах. Леся в любой момент имела право собрать вещи и уехать, и отвечать на вопросы не входило в ее обязанности. А вопросы были, и чем дальше, тем больше.

– Ты где была?

– Гуляла.

– С Кириллом?

– Нет.

– А почему нет? Я спрашиваю, почему нет?

После разговора с Елизаветой Ильиничной Леся уже не так сердилась на Дюкова, к ее переживаниям примешалось сочувствие. Если бы он вел себя иначе, если бы перестал относиться к ней как к шахматной фигуре в своей коварной игре, она бы предложила перемирие. Однако Василий Петрович не собирался отказываться от многолетних планов мести и никак не мог понять и принять, что Леся категорически не станет в этом участвовать.

Убедившись за ужином, что у Василия Петровича аппетит не пропал, Леся под кипяточным взглядом ушла в свою комнату, где читала и рисовала до двенадцати, а затем заснула на кровати, не раздеваясь, с легкой улыбкой на лице.

А за завтраком случилось то, чего ни Леся, ни Василий Петрович не ожидали. Сначала раздались голоса, затем шаги, а потом в столовую вошел Егор.

– Доброго утра и приятного аппетита, – произнес он, остановившись рядом с буфетом. – Извините, если помешал, но у меня очень срочный и серьезный разговор.

Дожевав блин с телятиной, сделав несколько глотков томатного сока, Василий Петрович провел рукой по всклокоченным на затылке волосам, пригладил эспаньолку и ответил:

– Слушаем вас, молодой человек.

– Мое имя – Егор Кравчик. Василий Петрович, я пришел, чтобы официально попросить у вас разрешения ухаживать за вашей племянницей Олесей. Если она не будет против. Намерения мои серьезные, вы должны знать, что на сегодня у нас запланирована прогулка к оврагу. Это место нам дорого, мы с Лесей там

познакомились. А пообедаем мы у Елизаветы Ильиничны, она воспитывала меня, и я стараюсь навещать ее как можно чаще.

Леся встретила теплый взгляд Егора, коротко улыбнулась, села ровнее и выжидательно посмотрела на Дюкова. Раз уж обстановка настолько официальная, то нужно сохранять спокойствие. Но в душе подпрыгивали смешинки и кружилось счастье. Нет, Егор совершил этот шаг вовсе не потому, что он старомоден и придерживается правил столетней давности, он пришел ее освободить от какого-либо участия в пророчестве. Пусть в проклятье остаются те герои, которые хотят этого сами.

– Я не против, – сказала она и кивнула.

Несмотря на то что блин был давно съеден, Василий Петрович поперхнулся и закашлял.

* * *

Она даже не ответила. Самолюбие не прощало таких эпизодов, и Кирилл начал завтрак в состоянии глубокого раздражения. Ева сидела напротив молча, и, похоже, ей тоже было не до разговоров. Но, несмотря на бледность, выглядела она неплохо.

«Какого черта!» – злился Кирилл, посматривая на рядом лежащий телефон. Он повел себя на дне рождения матери неправильно – это факт, но...

– Егор, ты куда собрался? – спросила Зофия Дмитриевна, перекладывая на свою тарелку неизменный тост.

– Не хочу есть, позавтракаю позже. Я зашел выпить кофе, – произнес он, проходя мимо стола.

– Ты не ответил на вопрос.

– Прогуляюсь с утра.

Зофия Дмитриевна посмотрела на Кирилла и многозначительно подняла брови, говоря: «Материнское сердце обмануть нельзя, ты обещал приглядывать за Егором».

– Возможно, я уеду сегодня. – Ева отодвинула тарелку с нетронутым салатом и устало откинулась на спинку стула. Ночное приключение наполняло душу томительным непокоем, тоской и тихой злостью. «Когда мы теперь увидимся?» – спросила она Глеба,

натягивающего джинсы. «Никогда, мы получили то, что хотели, остальное лирика. И подумай о разводе, жизнь – штука короткая». Ева положила ложку сахара в чай и посмотрела с равнодушием на кекс. «Подумаю».

Когда Егор вышел, Кирилл немного помедлил, еще раз обменялся с матерью взглядами и направился следом. Ветер нашептывал нехорошие мысли, но верить подозрениям совершенно не хотелось. Он шел за братом на определенном расстоянии, задерживаясь на поворотах, стараясь держаться ближе к заборам. Но в этом не было необходимости, Егор шел уверенно и оборачиваться не собирался. И шел он, как оказалось, к Дюкову.

«Неужели мать права и не зря беспокоится? Да как это возможно?!»

Егора пришлось ждать, из дома он вышел вместе с Олесей. Они сразу двинулись в сторону леса, а значит, следить будет совсем нетрудно. Около оврага Кирилл намеренно отстал, а затем, наоборот, ускорился, и, когда вышел к обрыву, Егор и Леся уже находились внизу. Они сидели рядом на сваленном дереве и разговаривали, было совершенно ясно, что третий здесь лишний.

Резко развернувшись, Кирилл быстро направился к дороге. Ветки хлестали, но он зло отмахивался, теряя последние капли самообладания. Его променяли. И его угрюмый брат сейчас сидит там и улыбается!

Вернувшись, Кирилл сразу наткнулся на мать, но желания пускаться в долгие объяснения не было, бросив на ходу: «Я уезжаю. Егор с племянницей Дюкова развлекается в овраге. Если ты считаешь, что за ним нужно присматривать, пожалуйста, делай это сама», – он взлетел по лестнице, покидал в сумку-саквояж вещи и устремился к машине.

– Я напишу тебе, как доеду. – Поцеловав мать в щеку, он вышел во двор, вынул мобильник из кармана, сжал его и простоял так некоторое время, глядя на то место, где впервые увидел Олесю. «Я не собираюсь сходить с ума из-за этой девчонки. Было и не было. Точка». Но задетое самолюбие и ноющая душа намекали на то, что не так-то просто забыть лесную фею.

* * *

Появление Егора повергло Василия Петровича в глубокий шок. В страшном сне он не мог представить, что один из Кравчиков когда-нибудь переступит порог его дома. Какое удовольствие – планировать месть, и что за наглость – нарушать его планы? Нет, он не хотел, чтобы Олеся была другой: послушной или расчетливой, кокетливой или хитрой. Никакая другая не привлекла бы внимание холеного и избалованного Кирилла. Егор? Нет! Не он является любимчиком матери, да и не то это, не то... Благодаря деревенским всегда можно узнать, что происходит в доме с башенками на противоположном краю Утятина.

Но где он ошибся? История шла как по маслу, а теперь: здравствуйте, я пришел попросить разрешения ухаживать за Олесей! Василию Петровичу даже показалось, что он бредит после бессонной ночи. Нельзя верить, нельзя! Это заговор, назло ему!

И главное – он дал согласие.

И второе главное – ее сердце трепетало.

«И глаза сияли, точно две начищенные медные монеты!»

– Нельзя верить, нельзя... – пробормотал Василий Петрович, на ходу скидывая леопардовый халат. Ворвавшись в свою комнату, он быстро надел брюки, рубашку, пиджак и побежал к оврагу, надеясь разглядеть равнодушие на лице Леси. – Она умная, специально завтрак такой устроила... Вся в меня! Вся в меня! Сашка, ты плохо ее воспитала, влюбляется в кого хочет!

К оврагу Василий Петрович не ходил много долгих лет, воспоминания слишком тяжелы, если в сердце живет и здравствует боль. Изменилось многое: тропинка, деревья, муравейники, норы чуть ли не через каждый метр. Но прежними остались те чувства, которые когда-то заставили прыгнуть вниз, вслед за худенькой девчонкой, неосторожно ступившей на край обрыва.

– Сидят, – прошептал Василий Петрович, глядя на Егора и Лесю. – Как же ее угораздило...

За спиной хрустнула ветка, он обернулся и увидел Зофию Дмитриевну Кравчик. Прекрасную, как и много лет назад.

* * *

Каждый год за несколько дней до дня рождения она отпускала прислугу и оставалась в доме одна. Выключала свет, зажигала свечи и вспоминала свою жизнь с того момента, когда покинула Варшаву, Москву и перебралась в Утятино. А вспомнить было что. Любовь. Сильную, неожиданную, ответную, живущую на другом конце деревни, стирающую запреты, планы, мечты... Она же мечтала о другом счастье: благополучном, устроенном, лучше, чем у других. Но разве мог его дать Василий Дюков? Нет, он мог подарить иное, земное...

Зофия уже понимала, что гибнет, и пару раз сбегала в Москву – отдышаться, проверить, сколько дней она протянет без него. А потом возвращалась и опять неслась по деревне с учащенно бьющимся сердцем. Нужно спастись: если сейчас не вырваться, то потом обратной дороги не будет, а чувства уйдут, надо только хорошенько стереть их.

Друг отца обратил на нее внимание осенью. Красивый, ухоженный, добрый, щедрый, и относится с уважением, любовью и заботой. Второй раз так не повезет! Он соглашался на все, лишь бы хоть изредка видеться с ней, общаться, ловить улыбку и взгляд, а от такого не отказываются. После брака Зофия могла переехать (в Подмосковье много хороших домов), но она предпочла остаться, чтобы быть рядом с тем, кому причинила убийственную боль. Просто дышать одним воздухом, изредка проходить по тем местам, где они раньше гуляли и целовались. Только когда Василий уехал и пропал, она позволила себе продолжительные путешествия. И в Утятино они оба вернулись совсем другими людьми.

Он ненавидел ее за то, что она сделала, и любил за то, что она есть на земле.

Она ненавидела его за то, что он делает, и любила за то, что он есть на земле.

Пророчество Зофия всегда гнала прочь, Кравчики стоят выше любых проклятий, но когда волосы рыжие, а старший сын говорит, что влюблен, понимаешь, как слаб человек перед неведомыми силами. Егор и Олеся. Сейчас выбор судьбы не кажется странным – наоборот,

это единственно верная возможность... Но умеет ли любить племянница Василия и получится ли у нее – Зофии Кравчик – принять выбор сына? Она потеряет Егора, если не примет. Рано говорить о любви между ними? Нет, уже поздно, она чувствует это. Надо же, местом свидания они выбрали овраг...

У пророчества не самый чудесный конец, но разве не мы совершаем поступки и потом всю жизнь несем ответственность? Если можно что-то исправить, то нужно исправлять.

Под ногами хрустнула ветка, Василий Петрович резко обернулся, торопливо ослабил ворот рубашки и опустил руку.

– Здравствуй, – произнесла Зофия Дмитриевна первой.

Эпилог

– Треугольные пирожки – с капустой, а обычные – с картошкой. Хлеба тебе еще своего положила, ты же любишь, вот и бери.

– Елизавета Ильинична, да столько рота солдат не съест, – принимая увесистый пакет, усмехнулся Глеб. – До Москвы пара часов езды, а вы меня как в армию собираете.

– Ничего, справишься. Степка тебя до станции подбросит? Договорился уже? Вот и угостишь его. Ох... – Она покачала головой, тербя край старенького вышитого фартука. – Ох, уезжаешь, ох, уезжаешь... Добрый ты человек, Глеб, хотя и беспутство в твоей душе имеется.

– Какой же я добрый? Вы меня так не пугайте, Елизавета Ильинична, у меня сердце слабое.

– Шут гороховый!

– Вот, другое дело. – Засмеявшись, он обнял ее свободной рукой и крепко прижал к себе. – Здоровья вам на долгие годы, а то кто внучков нянчить будет? Не Зофия Дмитриевна точно!

– Да я только рада буду, уж поскорей бы. Береги себя, а надумаешь, приезжай, летом рыбалка хорошая, щука у нас завсегда водилась, котлеты из нее ладные получаются.

– Обязательно, – пообещал Глеб.

Закрыв за собой калитку, махнув рукой на прощанье, он привычной походкой вразвалочку направился к дому Степана. До станции недолго, скоро застучат колеса электрички, и-и-и... свобода! Гуляй сколько хочешь! «И пусть кто-нибудь скажет, что я не заслужил белую простыню и коньяк!»

Дойдя до заброшенного колодца, Глеб сел на скамейку, вытянул ноги, достал первый попавшийся пирожок и откусил его. Есть не хотелось, но душа просила полноценного прощания с Утятиним, а для этого требовались две минуты тишины, глубокий вдох, выдох и аромат сдобного теста.

«Могли бы и поблагодарить. Я, между прочим, работал в тяжелых полевых условиях, надеюсь, больше мне этим благородным делом, в кавычках благородным, заниматься не придется. Да, Небесная канцелярия?»

В ушах раздался искренний и добрый смех, а это означало, что Глеб Андреевич Трофимов вряд ли в ближайшее время покинет грешную землю.

Table of Contents

[Юлия Климова В ее сердце акварель](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Эпилог](#)

